

ФОМА

“Подай руку твою и вложи в ребра Мои;
и не будь неверующим, но верующим.”

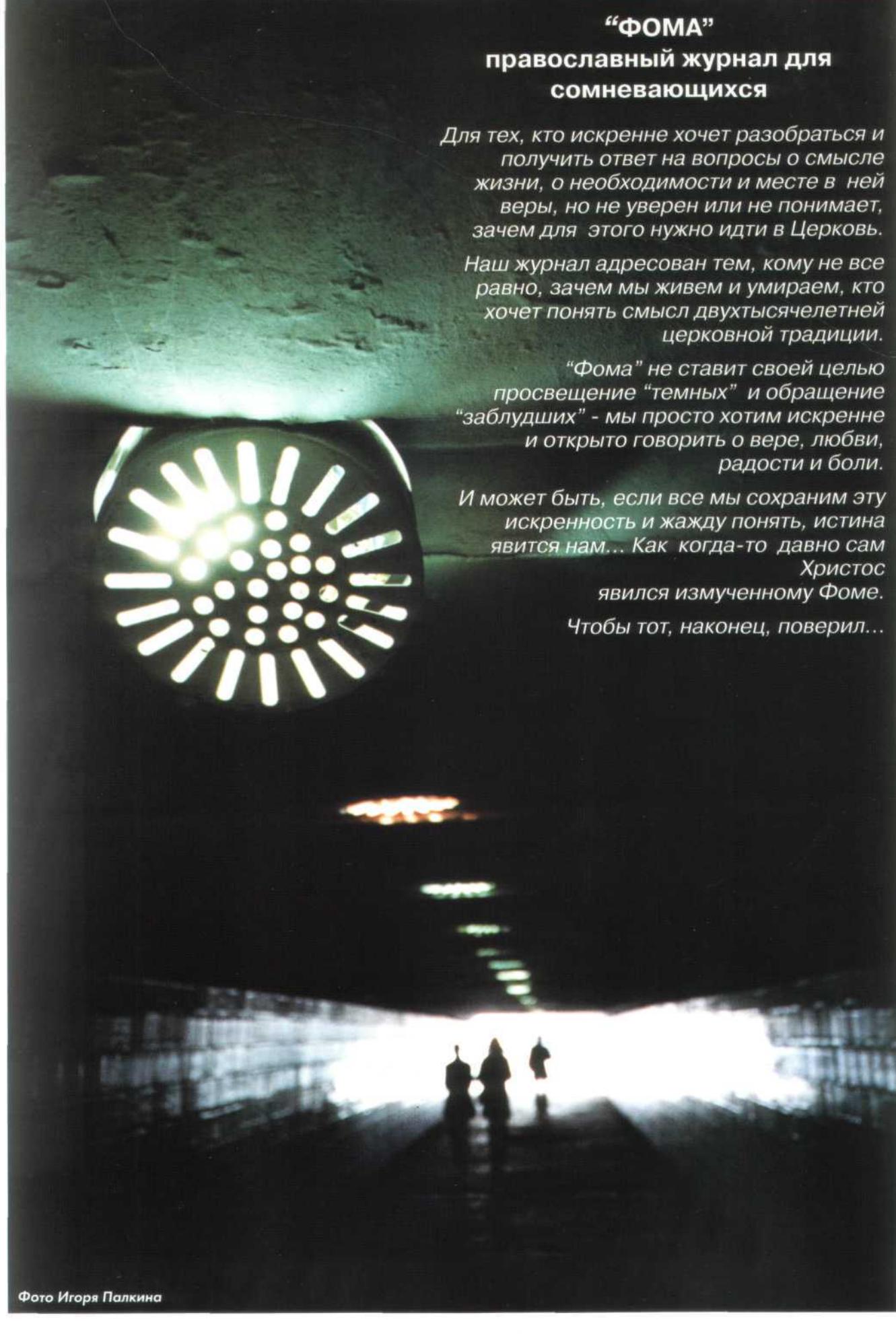
(Иисус Христос Апостолу Фоме.
Евангелие от Иоанна, гл. 20, ст. 27.)

**Тема номера:
ИКОНА И ЧЕЛОВЕК**

**Вопрос священникам:
ОБ ИНОМАРКАХ И СМИРЕНИИ**

**Федор Конюхов:
ИСПОВЕДЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

“ФОМА”
православный журнал для
сомневающихся

Для тех, кто искренне хочет разобраться и получить ответ на вопросы о смысле жизни, о необходимости и месте в ней веры, но не уверен или не понимает, зачем для этого нужно идти в Церковь.

Наш журнал адресован тем, кому не все равно, зачем мы живем и умираем, кто хочет понять смысл двухтысячелетней церковной традиции.

“Фома” не ставит своей целью просвещение “темных” и обращение “заблудших” - мы просто хотим искренне и открыто говорить о вере, любви, радости и боли.

И может быть, если все мы сохраним эту искренность и жажду понять, истина явится нам... Как когда-то давно сам Христос явился измученному Фоме.

Чтобы тот, наконец, поверил...

РЕБЕНОК И КУКЛА

Я шел по улице.

Около одного дома сидел ребенок, и недалеко от него лежали куклы.

И мне представилось.

Вот куклы бы поднялись, подошли к ребенку, заговорили с ним и стали бы играть. Как бы обрадовался этот ребенок.

И представилось другое.

А как бы испугались взрослые, если бы увидели кукол говорящих и играющих...

Ребенок легко верит в фантазии и не боится того, чего бы мы боялись. И часто ребенок пугается там, где мы не пугаемся

Как мы различаемся с детьми!

Что есть необычное, есть Бог - в это легко верят дети, верят, радуются и не пугаются. Мы же боимся необычного, часто не верим и не оттого ли говорим: "Страх создал богов".

Для грешных взрослых людей - Бог - страх, для безгрешных детей - Бог - радость.

Я шел дальше...

Священник Дмитрий ДУДКО

СОДЕРЖАНИЕ

Священник Дмитрий Дудко.	
Ребенок и кукла	3
Анонсы	4
Вопрос номер один	6
Тема номера: Икона и человек	
Митрополит Сурожский Антоний.	
Мысли об иконе и творчестве	10
Небо на земле.	
Беседа с искусствоведом	
Галиной Колпаковой	13
Раньше я думал, что это мода.	
На наши вопросы отвечает	
иконописец Александр Белашов	19
Хранители: Как беречь иконы	26
Вопрос священникам:	
На чем ездить батюшкам?	30
Федор Конюхов:	
Исповедь путешественника	33
Владимир Гурболов.	
Бог - в душе?	46
Два интервью о языке:	
О проблемах современного русского языка	
мы беседуем с проректором Литературного	
института им. Горького профессором	
Львом Скворцовым	
и редактором журнала "Альфа и Омега"	
Мариной Журинской	55
Альманах библиофила	60
Марина Лозинская. Дар	63
Ст. Сташкевич. Кукушка, кукушка...	
Повесть	64
Вам нельзя рожать? А вы уверены?	
На письмо читательницы отвечает	
врач Роман Гетманов	77
Что такое	
"открытый православный лагерь"?	80
Цветные страницы	
Алексей Реутский.	
Храм Твой, Господи, в небесах	83

Иллюстрации на обложках:

1-я страница - фото Елены Дмитриевой
4-я страница - фото Владимира Крючкова

Икона и человек

"Мы остались на молебен, и тут пришел новый русский в красном пальто, полный такой, вынул бережно маленькую икону, положил ее на аналой. Начался молебен. И на этой иконе - все это видели - стали появляться крупные капли мира - не по всей иконе, а только на лицах Богородицы и Младенца. К концу молебна лики были полны миром. Ощущение совершенно не передаваемое."

Стр. 19

Вам нельзя рожать? А вы уверены?

"Пожалуйста, не думайте, что роддом - это конвейер, и мы здесь занимаемся каким-то производством. Это далеко не так! Мы, врачи, очень стараемся создать ту атмосферу доверия, ко-

торая необходима в родах, мы шутим, рассказываем что-то, стараемся, чтобы Вы улыбались... Потому что каждые роды для нас - это история жизни многих людей."

Стр. 77

Федор Конюхов**Исповедь путешественника**

“Когда к полюсу идешь, тащишь за собой 135 килограммов груза, всё время вверх, два месяца, при минус 50 градусах, преодолевая встречный ветер, то думаешь: на земном шаре ни у кого не может быть такой тяжёлой работы, как тащить это. А когда меня перевернуло, и я читал молитвы, то понял, что вот это и есть самая тяжёлая работа.”

Стр. 33**Вопрос священникам:
На чем ездить батюшкам?**

“Не стоит обманывать себя: не из-за того люди не идут в Церковь, что кто-то услышал звонок мобильного телефона священника, заметил архиерея, проезжавшего в “Вольво”, или из-за золотых куполов Храма Христа-Спасителя. Да нет же. Причина в другом: не хочется человеку жить по-христиански, не хочется себя ограничивать, заповеди соблюдать, еще много чего делать...”

Стр. 30**ФОМА**

Православный журнал
для сомневающихся

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

№ 1 (15)' 2003*Председатель Попечительского Совета,***А.В. ТОРКУНОВ***Ректор МГИМО(У) МИД России**Редакционный совет***А.И. КОТЕЛКИН***Советник Председателя Госдумы
Федерального Собрания РФ,
учредитель НФ “Связь поколений”***Ю.П. ВЯЗЕМСКИЙ***Писатель, автор и ведущий
телепрограммы “Ученицы и учники”,
зав. кафедрой мировой литературы и
культуры МГИМО***А.В. ШЕСТОПАЛ***Зав. кафедрой философии МГИМО***В.Р. ЛЕГОЙДА***Генеральный директор
АНО “Фома Центр”***В.А. ГУРБОЛИКОВ***Редактор Издательства
АНО “Фома Центр”***Д.Д. ПЕТРОВ***Арт-директор АНО “Фома Центр”***Дизайн и верстка М.А. ЕГОРОВА****Пре-пресс А.Д. БАКАНАС****Корректор Л.П. МАКАРКИНА***Издается АНО “Фома Центр”**Исполнительный директор А.В. ГУРБОЛИКОВ*

Мнение редакции не обязательно
совпадает с точкой зрения авторов.
Редакция будет рада перепечаткам из “Фомы”
(конечно же, со ссылкой на наш журнал)

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются

Ваши письма и статьи
направляйте по адресу:
110435, г. Москва, ул. Погодинская,
д. 20, стр. 3, к. 35

Наш телефон: 246-74-92

Какую фразу из Нового Завета Вы чаще всего вспоминаете и почему?

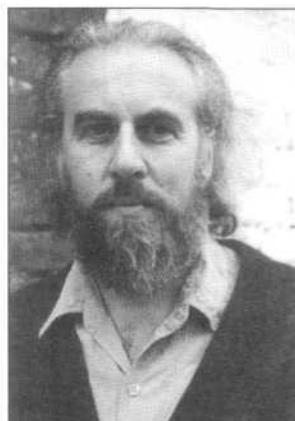
"Фома" открывает новую рубрику.

Мы будем задавать самые разные, но непременно серьезные и актуальные, вопросы. А отвечать будут наши авторы и читатели, мнение которых нам кажется интересным и важным.

Александр Леонидович ДВОРКИН,
профессор богословия,
заведующий
Информационно-
консультационным
центром
священномученика
Иринея, епископа
Лионского

Я не могу сказать, что у меня есть любимая или наиболее часто употребляемая цитата из Евангелия. Я могу назвать любимую цитату, скажем, из Козьмы Пруткова или из Достоевского, из Пушкина или Блока... Мне кажется, что говорить даже о нескольких наиболее важных цитатах было бы в некоторой степени претенциозно и нечестно с моей стороны. Потому что это значит, что я бы задумался: какую глубокомысленную цитату можно было бы привести, чтобы она соответствовала моему образу профессора, с одной стороны, а с другой - чтобы все видели, что я настоящий христианин...

Но Евангелие - это же не просто литература, и здесь не может быть просто цитат. Евангелие - это Слово Божие, Которое звучит в нас. Деяния и послания апостолов - это свидетельства жизни по Слову. Когда я открываю его, то, в каком бы состоянии я ни находился, мне попадается именно то место, где говорят со мной сейчас и об этом. И в разные моменты нашей жизни разные фрагменты могут быть для нас наиболее значимыми и важными.

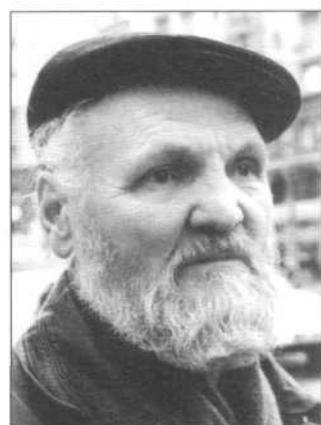

Андрей Константинович ИСАЕВ,
депутат Государственной Думы
Федерального
Собрания России

Первое, что приходит на ум - "По плодам их узнаете их." (Мф. 7:16) и "Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые" (Мф. 7:18). Не знаю, почему именно эти слова так важны для меня. Может, потому, что у меня такая сфера деятельности - политика. Это такая сфера, где хороших слов говорится очень много, а подлинно хорошего делается мало.

Владимир Николаевич КРУПИН,
писатель, редактор
журнала
"Благодатный огонь"

Не знаю... Вот вы задаете вопрос, и у меня в сознании мгновенно вспыхивают начала Евангелий, потом другие эпизоды евангельской истории...

Я только что вернулся из Иерусалима и там как-то особенно

прочувствовал то место, когда Спаситель, глядя на Иерусалим, сокрушаются: “Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказано вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен грядый во имя Господне!” (Мф. 23:37-39).

Андрей КУРАЕВ, диакон, профессор богословия

“Я с вами днесь и до скончания века” (Мф. 28:20). Я всегда вспоминаю эти слова, когда в очередной раз слышу разговоры о том, как все плохо в нашей церковной жизни. В такие моменты радостно сознавать, что Церковь держится не нашими добрыми делами, а верностью Христовой.

Христианство – это не договор, в котором неверность одной стороны предполагает расторжение договора и освобождает от обязанностей другую сторону. Евангелие – это Завет, Завещание. А завещание – в отличие от договора – основывается не на духе, а на одной-единственной воле, воле Завещателя. Поэтому неверность человека Богу не может уничтожить верность Богу нам.

Владимир Романович ЛЕГОЙДА,
сопредседатель журнала
“Фома”, доцент
кафедры мировой
литературы и
культуры МГИМО (У)
МИД России

“Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, все-го надеется, все переносит. Любовь никогда не

перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится” (1 Кор. 13:4-8).

Я абсолютно убежден, что ничего правильнее, ничего глубже, ничего полнее и ярче человек о любви не говорил никогда. Эти слова служат своеобразной расшифровкой определения “Бог есть Любовь” (1 Иоанн 4:8). И если мы хотим узнать, что такое христианство, Кто такой христианский Бог, как Он нас любит – мы должны прочесть, понять и прочувствовать эти слова.

Однако этого мало. Их также надо прожить, претворить в жизнь – ведь если Бог есть Любовь и христиане должны жить в Боге, то они должны пребывать в любви. И апостол Павел говорит, что это значит. Конечно, такой любви нужно учиться. Сегодня мы считаем, что учиться можно (и нужно) поведению, иностранным языкам, компьютерной грамоте... А вот самому главному – любви – учиться никак нельзя: либо она есть, либо нет. Как это неверно! Ведь самому главному-то и нужно и важно учиться. Учиться любить – значит не раздражаться на ближнего только потому, что у тебя плохое настроение, учиться любить, значит суметь забыть свою боль ради боли другого, учиться любить значит научиться радоваться с ближним, даже если его причина для радости кажется тебе совсем не важной... Если мы все будем чаще вспоминать эти слова апостола и следовать им, “мир станет красота Христова” (Ф.М.Достоевский).

Эльвира Николаевна ФЕДОРОВА,
учитель русского
языка и литературы

“Носите бремена друг друга” (Гал. 6:2). По-моему, здесь все. Эти слова противоположны модной сегодня фразе: “Это ваши проблемы”, которая человека с его проблемами отбрасывает. А вот в Библии: принимайте на себя бремя другого. И это по-человечески. Это то самое “возлюби ближнего”, без которого человечество существовать не может. Без этого жизнь рассыпается от равнодушия, от оголтелого, рвачного эгоизма.

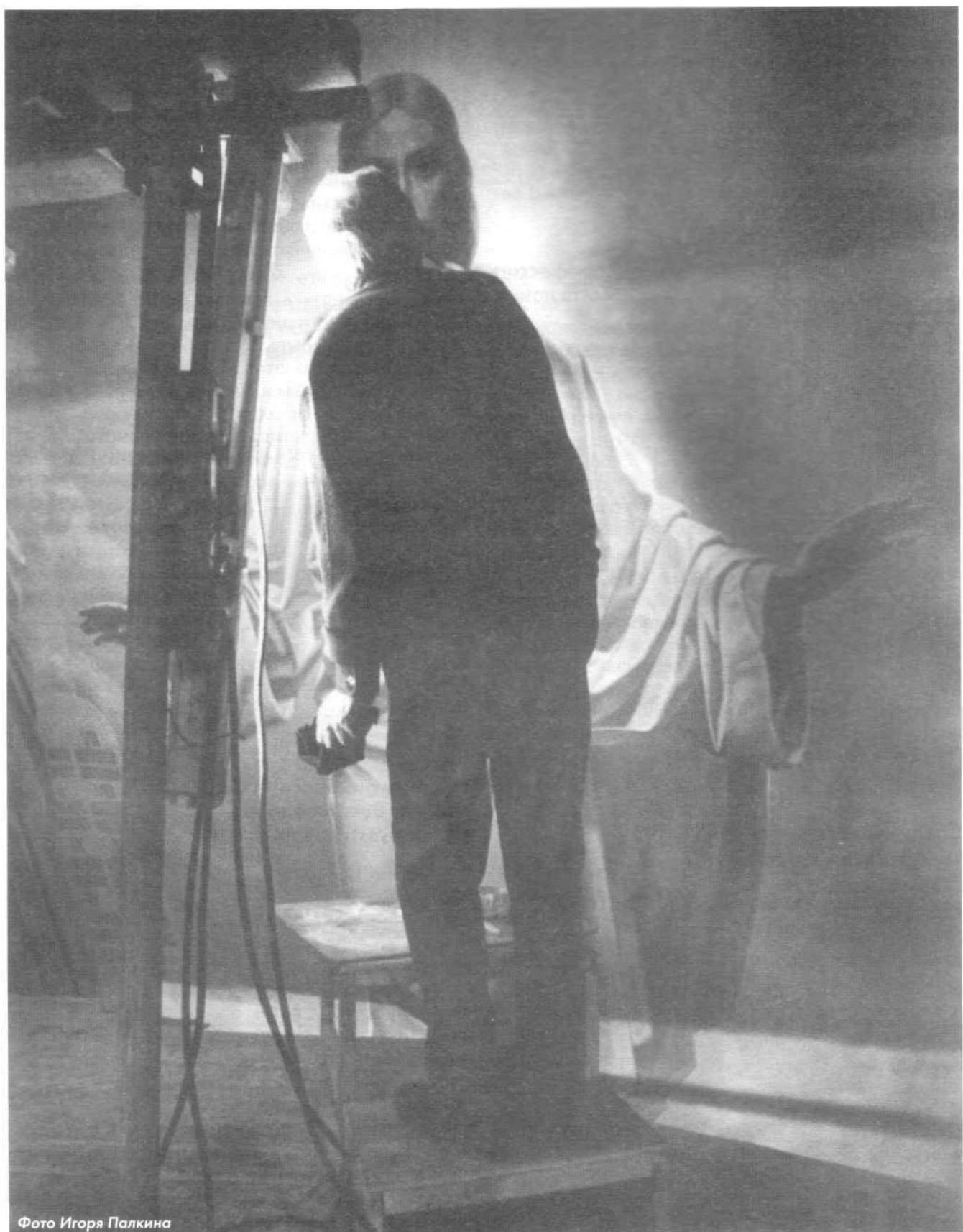

Фото Игоря Палкина

“О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам...”

(Иоан. 1:1-2)

Тема номера:

ИКОНА И ЧЕЛОВЕК

В фильме “Бриллиантовая рука” герой Миронова просыпается в холодном поту после кошмарного сна. Мы видим его глупо-испуганное лицо, нелепую сеточку на голове... Эпизод, безусловно, комический. Потом камера выхватывает висящую в красном углу икону с лампадкой. По замыслу создателей фильма это, видимо, должно было усилить сатирический и комический эффект. Еще бы: раз Бога нет, то и икона служит характеристикой неразвитого человека. Этакий талисман суеверности: ведь вера и суеверие тогда воспринимались как “близнецы-братья” (хотя против этого бунтует даже само словообразование: *суеверие*, т.е. *суетная вера*). Тем не менее, в массовом сознании икона была именно таким атрибутом отсталости и серости, свойственным бабушкам из прошлого. А потому в глазах авторов и зрителей этой замечательной комедии, икона в доме незадачливого контрабандиста – это комично.

Подобное отношение к иконам и иконописи осталось в прошлом. Теперь икона воспринимается, прежде всего, как памятник национальной культуры. Об иконах говорят, пишут книги, устраивают выставки... Однако в каком-то смысле этот подход мало чем отличается от прежнего. Ведь если задуматься: зачем создаются иконы? В отличие от картин, иконы не пишутся для музея или выставки. Для христианина икона – это способ молитвенного общения с Богом. Икона наполнена жизнью, она не мертвый памятник делам давно минувших дней, не “преданье старины глубокой”.

Поэтому нашими собеседниками будут именно те специалисты – ученые, искусствоведы, иконописцы – для которых икона (греч. eikona – образ) и есть прежде всего образ. Живой образ Бога и Царствия Небесного.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум):

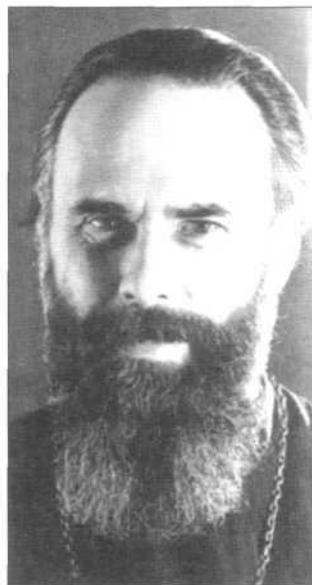
МЫСЛИ ОБ ИКОНЕ И ТВОРЧЕСТВЕ*

* * *

Существуют два совершенно различных направления среди верующих. Некоторые - а может быть, и все иконописцы считают, что икона не только должна быть написана по канонам, но пронизана благоговением и молитвой и освящена в церкви, и что икона, воспроизведенная искусственным образом (напечатанная в типографии - **прим. ред.**), в этом отношении чего-то лишена. Меня бесконечно радует, что, вопреки суду опытных иконописцев, на Руси столько чудотворных икон, которые любой знающий иконописец назвал бы плохими иконами, что Бог Свою благодать соединяет не с совершенством иконописного искусства. Как через нас, людей несовершенных, передается другим благодать, так и через несовершенное человеческое произведение Бог доносит благодать до людей.

Я не сомневаюсь в том, что бумажная икона - надорванная, заклеенная, приделанная к дощечке или клейкой бумаге, изображающая Спасителя, Божию Матерь или кого-то из святых, является святыней в самом сильном смысле этого слова (так же, как каждый из нас является образом Божиим, как бы мы ни были изуродованы грехом и несовершенством). И икона, по моему глубокому убеждению, делается такой святыней не потому, что ее писали так или иначе, а потому, что она взята, положена на святой престол, окроплена святой водой; в древности иконы еще миропомазывали так же, как миропомазывают христианина после его крещения, - и она тогда входит в тайну Церкви и благодати.

Я вам сейчас выразил свое глубокое убеждение; я не утверждаю, что прав, но я с благоговением храню бумажные иконы, доставшиеся мне

от матери или от людей, которых я любил, и я не вижу в них разницы в этом отношении. Но я не настолько невежествен, чтобы не понимать, что икона, написанная по канонам, не только как бы фокусирует благодать, является центром излучения, - она является тоже поучением; но это другая тема.

* * *

Если сравнивать икону и картину - у каждой свои преимущества, в зависимости от того, о чем вы говорите и что хотите сказать. Картина дает изображение того, что этот наш тварный мир на сей день содержит: добро и зло, свет и тьму, борение - и победу, и поражение, совокупность всего, включая и неудачу, и становление, и двусмысленность. В этом смысле охват картины шире, чем охват иконы, потому что икона исключает целый ряд вещей. Икона не старается дать картину становления зла; вернее, когда зло присутствует в иконе, оно приражается добру (скажем, дракон на иконе Георгия Победоносца), но это олицетворенное зло, которое ясно присутствует, оно не пронизывает вещи так, как двусмысленность может пронизывать их в картине.

Из иконы исключено очень многое. Но зато в ней очень ясно присутствует божественное, вечное измерение, абсолютное измерение. В этом смысле она дает больше, чем картина. Но я не думаю, что справедливо было бы сказать: или - или. Если вы держите картину в храме вместо иконы, вы делаете ошибку, потому что она не на месте; но как прозрение в действительность вещей и картина имеет свое место. И когда я говорю о картине, то же самое можно сказать и о всех проявлениях в порядке искусства...

Мне кажется, что с каноном или с классическими иконами дело обстоит так же, как с музыкой. Человек учится на великих произведениях и

Составлено по: Митрополит Сурожский Антоний. О ВСТРЕЧЕ.
Клин, "Христианская жизнь", 1999 г. Стр. 117-122.

развивает свой вкус, свое восприятие, технику до момента, когда, вместив в себя все, он ненамеренно начинает творить - не с целью написать музыку иную, чем музыка Бетховена или Моцарта, а просто потому, что он воспринял все, что мог получить от прошлого, и изнутри этого прошлого вырастает нечто новое. Мне кажется, что когда молодые художники (я сейчас думаю о Западе) делают попытки написать иконы, которые были бы "современны", они поступают как люди, которые не учась музыке, не пройдя через строжайшую дисциплину произведений прошлого, хотят творить что-то новое...

В Древней Руси считалось, что быть иконописцем - это целый аскетический, морально-созерцательный путь. И слишком много людей сейчас на Западе среди неправославных берутся за иконы и пишут иконы промеж дела; то есть они пишут и портреты, и картины, и иконы, и считают, что православное творчество, русское и других православных стран, отжило, потому что оно не укоренено в их культуре. Но, к сожалению, культура-то западных стран оторвалась от православного миросозерцания и опыта так давно, что из культуры, которая началась с Ренессанса, нельзя творить икону.

У нас есть самоучка-испанец, который начал писать иконы и теперь даже школу открыл. Первая моя встреча с ним была не очень удачна. Пришел он ко мне и сказал: "Вот, мне предлагают купить две иконы, и я не знаю, стоит ли их покупать. Можете ли вы мне сказать, что вы о них думаете?" Я взглянул и говорю: "Выкиньте вон - дрянь!.." Он встал и сказал: "Простите, это моя работа!" Я ему ответил: "Сам виноват, не обманывай..." Это действительно было нечто неосветимое. Он и рисует хорошо, и краски кладет хорошо, только в совокупности это была попугайщина какая-то, и на такой предмет молиться невозможно, потому что он выдумал; он взял образцы и "улучшил". Он считал... что Рублев, Феофан примитивны, мы развились с тех пор. Но есть люди, которые пишут изнутри молитвенной традиции, а не изнутри техники.

* * *

Помнится, Григорий Палама ясно говорит, что он видит образ Божий в человеке в том, что человеку дано, наподобие Бога, быть творцом. Мне кажется, что в искусстве человек должен быть художником и выражать то, чему его учит его вдохновение и его умение; но в момент, когда художник старается сделать из своего дела, мастерства иллюстрацию своей веры, это большей частью становится халтурой. Возьмите Толстого:

пока он пишет роман, это может быть прекрасно; как только он начинает "думать" - ой! Потому что вместо свободного потока вдохновения он начинает приспосабливать вещи под какую-то систему. Я думаю, что художник должен иметь смелость в какой бы то ни было области действовать как художник. Если он пропитан своей верой, ему не нужно сличать с ней свое вдохновение, потому что они не только переплетены, - они составляют одно. Но я не думаю, что можно ожидать, скажем, от православного художника, чтобы он писал православные иконы, православные пьесы или православную музыку, если он не является православным иконописцем или композитором. Если говорить о чем-то более примитивном, то в книге Иисуса Сираха, в 38 главе, говорится о врачах; там ясно сказано, что Бог сотворил врача, дал ему ум, способности и т.д. - ясно проводится линия, что все дарования от Бога; а как мы их употребляем - это уже зависит от нас.

Рис. Веры Можанковой

“...Цель иконы не в том, чтобы возбудить или усилить в нас то или иное естественное человеческое чувство. Икона не “трагательна”, не чувствительна. Цель ее - направить все наши чувства, также как и ум и всю нашу человеческую природу к ее истинной цели - на путь преображения, очищая нас от всякой экзальтации, которая может быть только нездоровой.

Красота здесь - красота внутренняя, духовная, в соответствии со словами апостола Петра: “Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом” (1 Петр. 3, 4). Это красота приобщения дальнего к близкому. Эту-то красоту - святость, стяжанное человеком подобие Божие - и показывает икона...

Поэтому самый смысл иконы не в том, чтобы быть красивым предметом, а в том, чтобы изображать красоту - подобие Божие”.

Леонид Успенский

НЕБО НА ЗЕМЛЕ

Искусствовед Галина КОЛПАКОВА* об иконах, картинах и смысле творчества

"...И ДУША МОЯ БЫЛА СПАСЕНА"

- Галина Сергеевна, как и когда Вы стали заниматься древнерусским искусством?

- Это произошло после окончания десятого класса, совершенно неожиданно для меня самой. Я закончила математическую школу, побеждала на всех олимпиадах. Учителя полагали, что у меня были блестательные способности и ожидали, что я пойду по математической стезе. Но внезапно у меня созрело принципиально иное решение. Оно было не совсем еще четкое и оформленное, но одно я знала точно: я хотела заниматься иконами. И даже не столько их изучать, сколько именно хранить. Я не знала, где нужно учиться, чтобы этим заниматься. Мне сказали, что надо поступать в университет на искусствоведческое отделение. Я так и сделала, и все мои метания сразу прекратились, еще на первом курсе. Я точно знала, что буду заниматься древнерусским искусством. Буду хранить.

- А когда Вы приняли решение посвятить свою жизнь древнерусскому искусству, Вы были верующим, церковным человеком?

- Нет. Но у меня была очень верующая бабушка. Она была дворянская дама, ее мужа убили во время революции, но она смогла вырастить двух детей в сложнейших условиях на Беломорканале. Я думаю, что ей удалось все это пережить только благодаря глубокой и истинной вере. Она была как кремень.

Мы жили в небольшом городе, где папа занимал очень высокий пост - председателя комитета телевидения и радиовещания - фактически второй человек после первого секретаря обкома. Несмотря на это бабушка открыто ходила в храм, крестила всех нас. Меня маленькую водила к причастию. Потом, правда, я пошла в школу, от Церкви отошла, и даже делала пакости: выискивала в журналах атеистические загадки и задавала бабушке...

Бабушка всегда обо мне очень молилась, и наверное, продолжает молиться после смерти. Думаю, что благодаря ее молитвам я вернулась в Церковь. Это произошло уже в сознательном возрасте. Но не так как часто бывает - от горя или в результате мучительных поисков. Я пришла от ощущения радости и полноты жизни. В какой-то момент я почувствовала, что мир настолько прекрасен, что у него обязательно должна быть Причина. И я пришла в Церковь хвалить Бога...

В памяти остался интересный эпизод из моего атеистического детства. Я жила у бабушки, а у нее был дома образ святителя Николая. Я тогда в Бога не верила, но икону воспринимала исключительно как живое существо: мне стыдно было на нее смотреть, когда я делала что-то плохое. Будучи ребенком, я очень отчетливо осознавала, что икона - живая.

- Детское восприятие, действительно, очень яркое. И все-таки, как бы Вы сейчас объяснили феномен иконы. Что это такое? В чем значение иконы для человека?

- Мне кажется, лучше всего об этом сказал поэт, композитор и богослов VIII века святой Иоанн Дамаскин: "Я узрел человеческое Лицо Бога, и душа моя была спасена". Икона нужна для того, чтобы человек видел Того, с Кем он хочет молитвенно общаться. Потому что без этого человека трудно молиться.

Икона помогает человеку осознать, что он духовное существо, не ограниченное только этим миром. Недавно я читала повесть современной православной писательницы, которая описывает путь души в мире ином. В книге есть интересный эпизод: когда героине напоминают о молитве, она сразу вспоминает старинную икону, когда-то купленную для "украшения интерьера", и начинает молиться. Это психологически очень верно замечено. Значение иконы сопоставимо со значением молитвы, церковной службы.

Если же приводить примеры из истории, то надо сказать, что икона и литургия - это осуще-

* Колпакова Галина Сергеевна, кандидат искусствоведения, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

ствление на земле иного пространственно-временного единства, воплощение неба на земле. Помните рассказ из "Повести временных лет"? Русские послы, вернувшиеся из Константинополя, уверяли, что во время Литургии в храме Софии Константина Польской они даже не знали, где находились: на земле или на небе - так это было прекрасно. Так же и созерцающий икону приобщен к внеземному измерению. Красота, спасающая мир, - это красота небесного, поражающая человека приводить свой собственный микрокосм в соответствие с распорядком Божественного космоса (слово "космос" в греческой культуре означало и порядок, и красоту, и гармонию).

- Почему икону часто называют источником веры? Это связано как-то с тем, что человек может познать Бога с помощью иконы?

- Да, и это очень часто происходит. Я расскажу Вам одну интересную историю. Это было еще в советское время, в год московской Олимпиады. Тогда все иконы Третьяковской галереи собрали в один зал. Вход разрешался только специалистам. Мне выдали пропуск, и я ходила туда заниматься. Никакой экспозиции не было, иконы просто стояли прислоненные к стенке. Одна моя студентка-итальянка, у которой я вела семинар по древнерусскому искусству, очень хотела пойти со мной. Мы оформили ей разрешение. Я знала, что она была неверующая. Пока я сидела занималась, девочка ходила по всему залу, и я боковым зрением следила за ней. Она все ходила и смотрела на разные иконы, не останавливаясь даже перед Владимирской. Мне это казалось странным, так как она слушала курс и знала, что это за икона. И вдруг в конце концов она встала перед образом Звенигородского Спаса. Сначала она стояла перед ним, потом села на стул, очень долго сидела, потом снова встала и молча стояла, потом опять села. Так она провела перед этой иконой почти весь день. Потом резко встала и ушла, не прощаясь. Примерно через полгода она позвонила и выразила желание креститься в Православной Церкви...

ИКОНА И КАРТИНА

- Как Вы считаете, чем икона отличается от картины?

- Отличий множество, назовем самые очевидные. Во-первых, икона связана с совершенно особым свойством, о котором всегда приходится говорить, когда мы касаемся икон, - с ис-

Преображение Господне.
Около 1403 г. Третьяковская галерея, Москва

В разговоре об иконе неизбежно возникает вопрос о Фаворском свете. В Евангелии мы читаем об этом свете в рассказе о Преображении Господнем на горе Фавор, когда апостолы увидели Христа в сиянии:

"По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как Солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте".
(Евангелие от Матфея, глава 17, стих 1-5.)

Православные верят, что Божественный свет пронизывает весь мир. Благодаря этому действию Божию мир только и может существовать. Православная икона, изображая вочековечившегося Бога, святых или небесные силы, является как бы проводником этого Божественного света.

течением божественных энергий, Божественного света. Через икону источается Божественный свет. В Евангелии мы читаем об этом свете в рассказе о Преображении Господнем на горе Фавор, когда апостолы увидели Христа в сиянии. Православные верят, что Божественный свет пронизывает весь мир. Благодаря этому Свету мир только и может существовать. Чем больше человек очищается духовно, тем больше он способен воспринимать этот свет (благодать Божию), тем больше он способен к праведной жизни. Но как редкий дар, Божественный свет может нисходить и к людям несовершенным. Православная икона, изображая Бога или святых, преображеных Божественным светом, сама является его проводником.

Во-вторых, изображение на иконе очень мало зависит от индивидуального желания художника. Если картина всегда есть прежде всего творческий поиск отдельного художника, то икона никогда не является собственно созданием одного человека. Не случайно отлученные от Церкви не имеют права писать иконы. В-третьих, картина - это иллюстрация, аллегория. Икона же всегда есть воплощение того, что находится за пределами земного мира.

Также важное отличие заключается в том, что картина существует сама по себе, а икона не мыслима вне нашего к ней обращения, почитания. Когда мы смотрим на Владимирскую Богоматерь, то ее ритм, цвет и свет, длинные линии, бесконечное пространство - все это выходит за ее пределы и замыкается в сердце предстоящего человека.

- Как можно объяснить существование множества разных типов икон Христа и Божьей Матери?

- В Богословском институте студенты часто задавали этот вопрос: "Господь один и тот же, а почему же Его изображают по-разному?" Мне кажется это очень естественным, потому что видим мы Его по-разному в разные эпохи. Даже на протяжении своей жизни мы видим - воспринимаем, ощущаем - Бога всегда по-разному. Это живое восприятие. И поэтому иконы все разные.

Кроме того, в иконописном творчестве в очень большой степени проявляется участие Промысла Божия в истории человечества. Ведь икона - это и один из способов воздействия Бога на реальную жизнь и реальную историю. С этим связано появление различных изводов. Например, Богородичных икон или икон Спасите-

ля. Они появились именно в тот момент, когда были необходимы церковному сообществу. Поймите меня правильно: реальная история не есть катализатор появления иконы. Наоборот, икона спускается нам свыше для того, чтобы мы шли правильным путем.

Можно напомнить об исторических условиях возникновения одной из самых великих икон - иконы Богоматери Владимирской, или Гликофилиуссы (Ласкающей, сладко лобзящей). Этот извод возник в сложной духовной ситуации XII столетия, когда в восприятии мира и человека огромное значение приобрели мотивы личного, человеческого страдания Господа, темы переживания Страстей Христовых не просто как исторической драмы, но как реальности сегодняшнего дня, открытой верующему. Но страстная тематика, мотивы объятий Богоматери-Церкви со своим Создателем, оказались предвидением трагического падения Константинополя от рук захватчиков - рыцарей-крестоносцев в 1204 году. В эмоциональном и духовном прочтении этого сюжета огромное значение обрели темы надежды, упования на милосердие Божие к своей Церкви, без которых Византия вряд ли смогла бы пережить поругание XIII в., найти силы на возрождение и победу в 1263 году.

- А сейчас, как Вам кажется, существует ли икона, которая особенно важна для нашего времени и нашей страны?

- Я думаю, это Державная. Этот образ с момента своего явления в 1917 году спасает Россию. Я не хочу касаться политики, но мне кажется, что сейчас мало кто действительно заботится о сохранении русского народа как целого общества. В такой ситуации икона Божией Матери Державная стремится всех нас поднять и собрать как народ, в этом образе воплощена наша надежда.

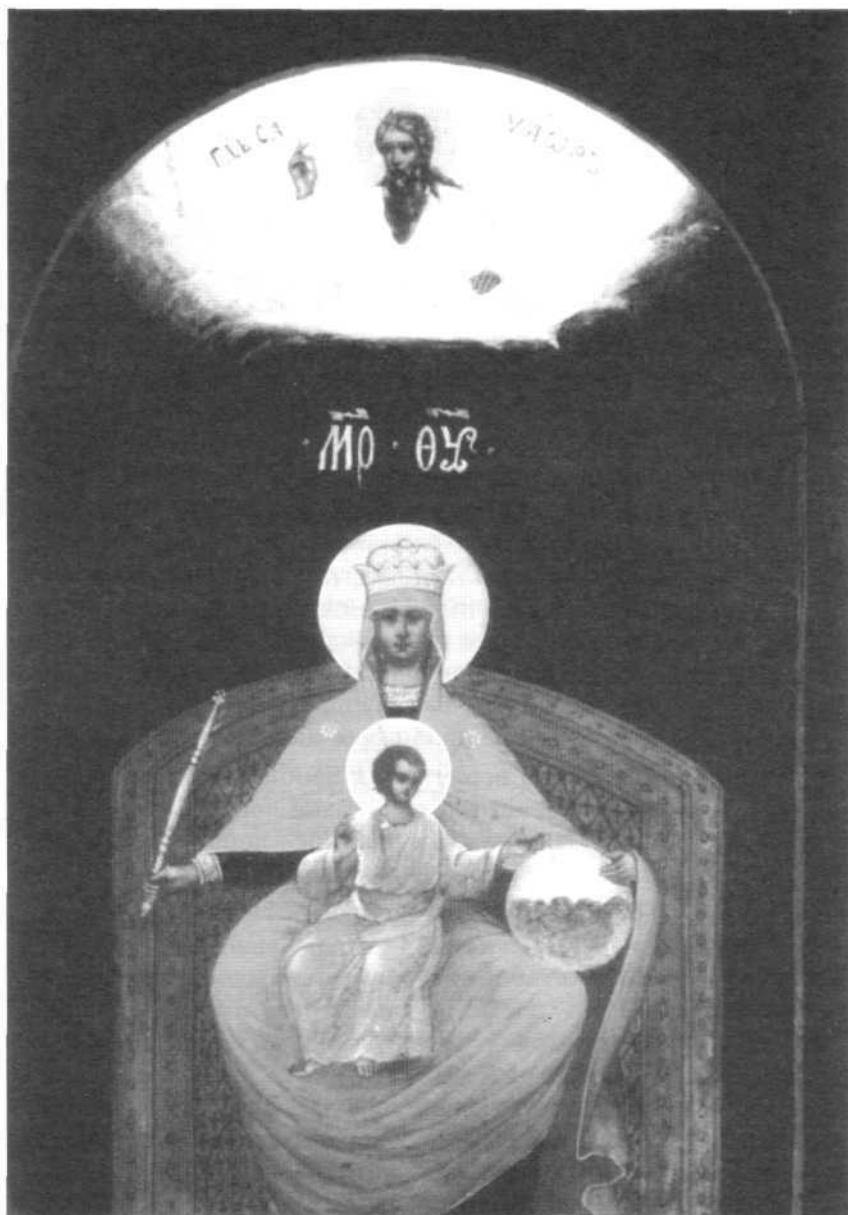
- Если вернуться к проблеме смысла иконы, то возникает вот еще какой вопрос: с изображением Христа и Богоматери - понятно, но почему на иконах изображают святых? Это же простые смертные люди, когда-то жившие на земле.

- Да, святые - это реально жившие люди. Но в отличие от нас с вами они духовным подвигом достигли божественного просветления. Изображение икон святых возможно не только потому, что мы вспоминаем реально живших людей, но главное - потому, что мы почитаем в них преображенную божественной энергией человеческую материю. Что это значит? Православные христиане веруют в то, что мы воскрес-

нем в теле. Воскресший Христос явился апостолам не бестелесным духом, Он ел вместе с ними. Конечно, это было уже не смертное человеческое тело. Эта материя нетленна, бессмертна... Например, когда мы приезжаем в монастырь, мы обращаем внимание на просветленные, умиrottворенные лица монашествующих - о них говорят "не от мира сего". Это начатки того телесного преображения, результат которого мы видим в иконах святых. И здесь еще одно значение иконы: она нам напоминает, что любой человек может достичь святости.

Богоматерь Державная. После 1917 г. Музей им. Андрея Рублева

- Почему в Православной Церкви принято целовать иконы?

- Мне кажется, это вещь очень естественная. Представьте: когда люди видели Спасителя, то некоторые угадывали, что это Он, и желали прикоснуться. Так и мы касаемся иконы, желая телесно ощутить тот дар благодати, который от нее исходит. Ведь тело, душа и дух связаны между собой. Не знаю, ответила ли я на ваш вопрос, но мне кажется, что не целовать икону невозможно.

Беседовала Вероника БОГДАНОВА

2 марта 1917 года была найдена (обретена) икона Божией Матери, названная "Державной". Произошло это при обстоятельствах, которые с полным правом можно назвать чудесными.

Простой верующей женщине, крестьянке Евдокии Андриановой приснился сон о том, что в селе Коломенском под Москвой есть храм Вознесения, в котором находится большая икона Божией Матери. Женщина слышала слова о том, что икону надо найти, чтобы перед ней молились люди, и видела саму икону. Евдокия приехала в Коломенское, нашла там Вознесенскую церковь и обратилась к настоятелю. Священник, просмотрев все иконы церкви и не найдя той, что видела во сне женщина, уже был готов прекратить поиски, но напоследок решил спуститься в подвал. Там и была обнаружена большая икона, темная, покрытая многолетним слоем пыли, в которой, когда ее очистили, Андрианова узнала виденный во сне образ.

Произошло это 2 марта 1917 года - в день отречения императора Николая Второго от престола.

Иконографический тип изображения Божией Матери на найденной иконе не встречался ранее в России никогда. Божия Матерь изображена как Царица Небесная, величественно восседающая на царском троне в красной порфире; имеющая на голове корону, в руках - скипетр и державу - символы царской власти, а на коленях - благословляющего Богомладенца.

В истории Православной Церкви явление иконы воспринимается как знак того, что Сама Божия Матерь взяла на себя особую заботу о России в критический момент истории страны.

В советское время икона хранилась в Государственном Историческом музее. В 1990 году по прошению Патриарха Алексия II передана в храм Казанской иконы Божией Матери в Коломенском.

Изображения святых могут быть самыми разными. Несколько образов одного и того же святого могут сильно различаться между собой. Однако, в любом случае перед нами всегда практическое портретное изображение конкретного святого. Это особенно хорошо видно на прижизненных портретах, посмертных гравюрах и литографиях и иконах преподобного Серафима. Почитая икону, православный верующий ни в коей мере не ожидает от ее вещества какого-либо магического действия, но прежде всего обращается через нее к святым, у которых просит помочь перед Богом.

"Иллюзорная живопись попадает часто в дурацкие положения: например, при изображении аллегорического, условного. Представьте, что в храме на вас летит стая толстых херувимчиков, таких детских "отрубленных" голов, а символы евангелистов привольно пасутся в облаках под куполом храма. Всё это ложь, и верить в такое невозможно. И перестали верить..."

Александр Белащов

Доменикино. 1581-1641 гг. Италия.
Взятие Марии Магдалины на небо. Около 1620 г.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Иконописец Александр Белашов*:

РАНЬШЕ Я ДУМАЛ, ЧТО ЭТО МОДА...

- Вы учились в светском художественном вузе в восьмидесятые годы. Многие ли из Ваших однокашников пришли в Церковь?

- Да, многие. Вообще, среди знакомых мне художников произошло некоторое разделение: часть вынужденно стала работать на заграницу или на "новых русских", другие же стали работать в Церкви.

- А Вам, кстати, довелось когда-то поработать для "новых русских"?

- Нет, я у них практически не работал. Тут нужно себя настроить на эту волну, понять, чего ждут от тебя при росписи ресторанов и каких-то богатых клубов. Это, скорее, производство товара, и нужно освоить приемы для его производства, и соответствовать этому духу...

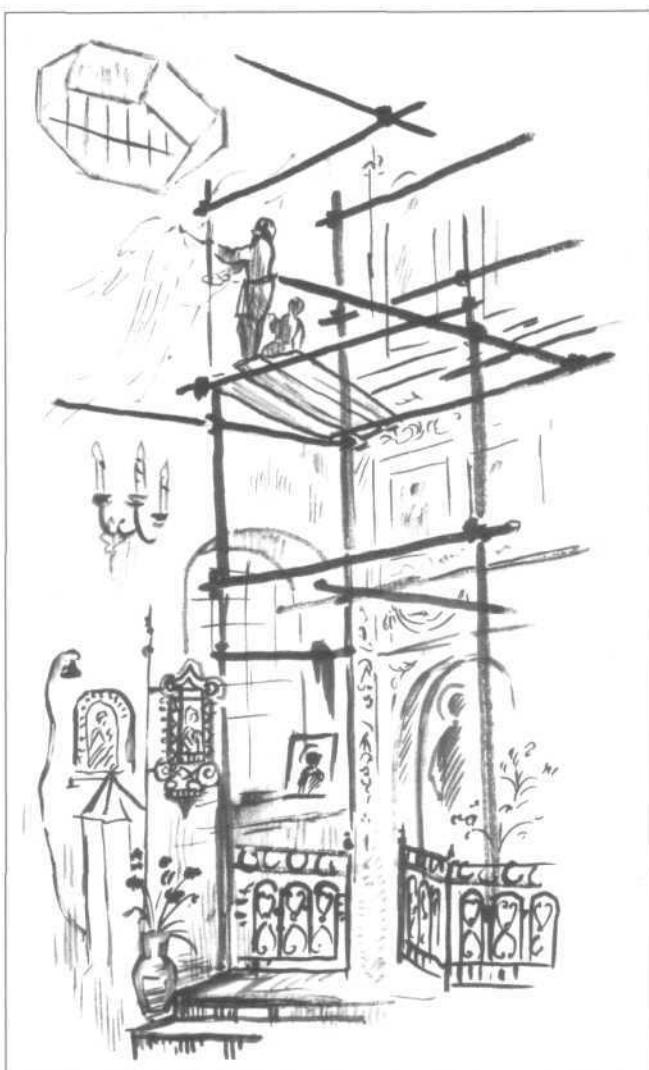
- Но разве среди известных художников, например художников девятнадцатого века, не было тех, кто работал именно на продажу, на заказ?

- Были, конечно же. Те же Семирадский или Брюллов - это товар, но товар высшего качества. А кто-то против такой роли художника протестовал, Александр Иванов, например.

- Сейчас много пишут о тогдашних попытках писать картины на религиозные сюжеты...

- Да, часто говорят об их ошибках, о недопустимости изображения святых в такой западной живописной манере. Но тут, если исторически посмотреть, думаю, всё выглядит иначе. До конца XIX века художники иначе просто не умели и не могли думать. Культура была настроена на Запад, думала западными мозгами. И иконопись была еще не открыта, не узнана. Но именно в то время начался поворот, и были, кстати, очень высокие образцы церковного искусства - иконостасы, росписи. Взять ту же Афонскую школу и Валаамскую икону Божией Матери. Это очень

высокий духовный уровень. Да вспомните хотя бы портрет, который послужил основой для иконы преподобного Серафима Саровского. Этот пример можно сравнить с молитвой. На церковно-славянском языке она звучит возвыщенно и образно, но ведь есть и Молитва Оптинских старцев - на русском языке, и это также и возвыщено, и духовно.

* Александр Белашов, иконописец, выпускник художественного института им. Строганова, по специальности - художник-монументалист.

**Пример прямой перспективы:
параллельные
лучи (в данном
случае, ограда
сада) сходятся за
плоскостью
изображения.**

Но если вернуться к вопросу западного художественного мышления, то у тогдашних наших живописцев была одна очень сложная "формальная" проблема: несоответствие этой живописной манеры и архитектуры русского православного храма. Для росписи наших церквей эта манера никак не подходит, она "разрушает" архитектуру. Дело в том, что западная иллюзорная живопись создаёт пространственные дыры, как будто особые "окна" в храме. Но такие вот окна хороши, если это картины на плоской стене, в раме, или обманки (в Древнем Риме даже вешали верёвку, чтобы гости, подвыпив, не ударились о стенку с такой обманкой). А архитектура православного храма от таких иллюзорных дыр "разваливается". Да и вовсе неясно, зачем там нужны эти нагромождения облачков, таких же, как на улице, на которых почему-то стоят святые...

Когда попадаешь в храм святой Софии в Константинополе, кажется, вокруг тебя другая природа, как говорили, Небо - на земле. Человек, благодаря взаимному соподчинению архитектуры и росписи, ощущает с Небом живую связь, а образы при этом не теряют своей художественной выразительности.

Кроме того, иллюзорная живопись попадает часто в дурацкие положения: например, при изображении аллегорического, условного. Представьте, что в храме на вас летит стая толстых херувимчиков, таких детских "отрубленных" голов, а символы евангелистов привольно пасутся в облаках под куполом храма. Всё это ложь, и верить в такое невозможно. И перестали верить...

- Есть мнение, что иконопись - дело иноков, монашеское делание. А сейчас иконы пишут и миряне, художники, пишут женщины...

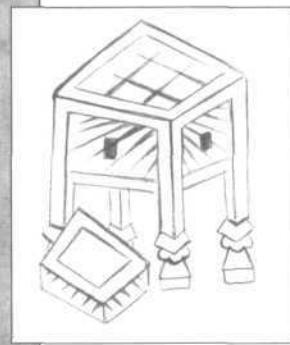
- Конечно, лучше, когда это делают монахи. Есть, скажем, школа в Троице-Сергиевой Лавре. Монахи больше в это вкладывают духовных сил, это - как продолжение молитвы. А то, что женщины пишут - так ведь сейчас 80% верующих у нас в стране - женщины. В той же Оптиной пустыни половина иконописцев женщины. Среди женщин есть замечательные мастера: монахиня Иулиания (Соколова), Марья Васильевна Наумова и многие, многие другие.

- Есть ли, с Вашей точки зрения, в иконописи какая-то разница между художником, который научился определенной технике и пишет иконы, и иконописцем, который пишет, так сказать, от своей веры? Есть ли отличие между их иконами?

- Мне кажется, есть. Вы спросили - и мне сразу вспомнился один известный художник-реставратор. Он великолепный знаток, очень хорошо пишет, но иконы у него, на мой взгляд, какие-то мёртвые.

Обратная перспектива. Параллельные прямые, образованные линиями бровей и очертаниями уст Богоматери, сходятся в пространстве перед плоскостью изображения. Пространство иконы как бы "выплескивается" наружу, на зрителя, создавая эффект присутствия созерцающего в пространстве созерцаемого.

Пишет лихо, уверенно, мастерски, но он человек малоцерковный. Может, ему просто трудно перестроиться - он уже пожилой. Хотя многим нравятся его иконы, может, это только мое мнение.

В иконописи всегда ярко видны две вещи: благовение, с которым пишется (поэтому, кстати, детские религиозные рисунки-иконки тоже замечательны), и профессионализм - недостаток умения тоже сразу виден.

- Почему во всем мире так возрос интерес к иконописи?

- Дело в том, что мы живем в эпоху постмодернизма, основная черта которого - отсутствие единой концепции прекрасного.

Раньше господствовал некий эталон: было, скажем, греческое искусство, остальное казалось варварством. Сейчас этого нет: хорошо и это, и то. И начинается полная неразбериха. К тому же современное искусство стало либо дизайном, объединяющим элементы разных, иногда несовместимых стилей, либо просто мещанской попыткой, или открытым извращением даже. Вот почему католики сейчас так активно обратились к греческой традиции церковного искусства? Потому, что идти дальше "в ногу" с искусством современным они уже никак не могут.

Я в Иерусалиме ходил в музей современного искусства. В первом зале висят на вешалочках как будто снятые с людей кожи и что-то все время щелкает. Народу там совершенно нет, ходишь - и как-то не по себе. Потом оборачиваешься, сзади тебя экран, на нем человек, который все время за тобой "ходит" с камерой и постоянно фотографирует. В ужасе начинаешь метаться по этому залу, находишь дверь, довольно хорошо скрытую. Перебегаешь в другой зал. А там стоят 15 телевизоров в ряд, и на каждом экране кто-то чешется. Это действует на подсознание так, что тоже хочется чесаться. Выбегаешь в соседний зал - там огромная помойка, аккуратненько спештая, вся как будто вывернутая - окурки, консервные банки...

Не могло же религиозное (в основном, католическое) искусство пойти по этому пути! И они стали искать истоки, возвращаться в искусстве к периоду до разделения Церквей.

- Когда вы были нецерковным человеком, у вас было другое отношение к иконе?

- В то время (семидесятые-восьмидесятые годы) было модно любить иконы, поэтому я часто ходил на выставки, посещал лекции. Через это, может быть, отчасти и произошел процесс воцерковления. Меня как художника в иконописи при-

Крововая перспектива. Все сцены в иконе Рождества Христова находятся в единой плоскости, выстраиваясь в временами немного "нависая" друг над другом.

влекало более правильное осуществление задач искусства: отношение к пространству, цвету и соединение с архитектурой.

В истории искусств было несколько систем изображения, причем не менее реалистических, чем прямая перспектива (в которой параллельные линии при удалении сходятся в точку на горизонте). Дело в том, что человек видит не как фотоаппарат: во-первых, человек все видит объемно, двумя глазами, во-вторых, он видит предмет в движении, то есть во времени. Поэтому мы всегда разворачиваем предметы в характерном положении и совмещаем различные точки зрения.

Например, если поднести палец очень близко к переносице, то вы будете видеть обратную перспективу: кончик пальца окажется тоньше, чем его продолжение. И когда иконописец хочет подчеркнуть, что мы находимся к святому образу очень близко, как бы даже внутри него - он использует обратную перспективу.

Если вы идете по улице и смотрите себе под ноги, то землю видите как ковер. Сирийское и ки-

тайские искусства именно на этом и построены – они ставят персонажи на развернутые пространства. Такие развороты пространств есть и на иконах – особенно там, где необходимо изобразить множество святых – как, например, на иконе Новомучеников Российских. Сюда же добавляется и чертежное изображение, тоже воспринятое церковным искусством: ведь сколько надо видов, чтобы дать представление о Москве – и все они будут ущербными. А чертежное изображение сразу всё объяснит: где Кремль, где храмы, и какие.

Новаторство Пикассо заключалось в том, что он совмещал различные планы: рисовал одно лицо и в фас, и в профиль. А иконопись давно совмещала это, причем не теряя прекрасного образа: у Богородицы звезда изображается посередине, а лицо – с поворотом, примерно в три четверти.

Античное искусство строилось на основе параллельной перспективы, поскольку в близком пространстве, например, в небольшой комнате вы не увидите схождения в одну точку, и это тоже используется в Византийской живописи.

Каждая система перспективы, приобретая одно, теряет что-то другое, и общепринятая, прямая перспектива – не исключение. Поэтому иконопись и использует ВСЕ виды перспективы. Пожалуй, кроме возрожденческой (хотя Симон Ушаков безуспешно пытался подключить и эту систему). И синтез из этих систем, переработанный в образный язык, является наиболее подходящим для решения главной задачи – создать небесное, райское пространство храма.

Меня привлекало, что икона так универсальна по отношению к живописи, универсальна и в

“Если вернуться к вопросу западного художественного мышления, то у русских живописцев 19 века была одна очень сложная “формальная” проблема – несоответствие этой живописной манеры и архитектуры православного храма. Для росписи наших церквей эта манера никак не подходит, она “разрушает” архитектуру. Дело в том, что западная иллюзорная живопись создает пространственные дыры, как будто особые окна в храме. А архитектура православного храма от таких иллюзорных дыр “разваливается”. Да и вовсе неясно, зачем нужны эти нагромождения облаков, таких же, как на улице, на которых почему-то стоят святые. Когда, например, попадаешь в храм святой Софии в Константинополе, кажется, вокруг тебя другая природа, как говорили, Небо на земле. Человек, благодаря взаимному соподчинению архитектуры и росписи, ощущает с Небом живую связь, а образы при этом не теряют своей художественной выразительности.”

других аспектах. И то, что я занялся церковным искусством, было логическим развитием того, чем я увлекался в молодости.

- Но, насколько я знаю, переход к церковности для вас сложился болезненно.

- Да, в школе и в институте у меня не было знакомых, глубоко верующих. Те, кто церковь посещали, в тот момент были увлечены чем-то внешним. Наряжались, ходили в косоворотках и сапогах... Я с ними дружил, но меня смущало то, что главные христианские заповеди для них были вроде и не так важны... Мне казалось, что это мода.

- А как же всё-таки Вы пришли к вере?

- Сначала я просто подумал, что надо креститься - с точки зрения спасения Отечества, патриотических побуждений. Тут сыграли роль Достоевский и другие доступные тогда книжки. Но в храме поначалу мне было очень скучно. Я никак не мог понять, что там происходит: толпа народа, что-то вдали делают священники, духовта. А потом мы с женой практически уехали в деревню на несколько лет. Начали ходить в одну сельскую церковь, где служил девяностолетний священник. Он тридцать лет отсидел в тюрьмах, лагерях, был на Соловках, в ссылках... Старец такой, как из сказки.

К батюшке приезжало много священников и просто церковных людей, обстановка была очень родственная, в этом храме у каждого были даже свои тапочки: добираться сюда приходилось по грязи. Особые взаимоотношения складывались, после службы все вместе обедали, потому что до храма надо идти 12 километров. Помогали и храму, и друг другу - тогда и потом, уже в Москве и в других городах. Вообще, там было много встреч, удивительно было: глушь, храм на горе, вид - на двадцать километров вокруг. И вот там мне открылась красота церковной жизни, смысл богослужения. В городе, думаю, сложно это почувствовать и понять, куда ты попал.

Уже потом один сельский священник попросил написать ему иконы, затем другой. Сам бы я не начал. Так вот пока всё еще просят...

- Вы видели светских и церковных людей. В чем разница?

- Воспитание, ценности у нашего народа христианские были и остаются до сих пор, мы еще не совсем озверели (хотя этот процесс идет всё быстрее). Есть много людей более христианского поведения, чем сами христиане. Поэтому когда такой человек обращается и приходит в Церковь, он не всегда видит среди нас, "церковных" - людей,

которые выше и лучше его. Бывает, он видит, что они-то борются с теми пороками, которые он еще в детстве преодолел, и это его может смутить. А главное различие, мне кажется - в умении жертвовать собой ради Бога и ближнего.

- Но есть же разные понятия жертвенности. Матросов бросился грудью на вражескую амбразуру - это подвиг, но он на войне совершился. А в обычной жизни?

- Я помню, к нам приехал один очень известный московский протоиерей, человек уже немолодой, больной... А у нас нехватило для него матраса. Мы пошли в соседний брошенный дом, и он навыочил на себя матрас, а я тащил матрас еще кому-то... Кажется, это незначительный эпизод, но сколько людей рангом много ниже этого батюшки ведут себя совершенно по-другому! Он мог бы сидеть в доме и пить чай - почему бы другим не пойти?.. Мог бы кем-то покомандовать... Только надо понять главное: это не один такой эпизод в его жизни, ради популярности, - он так во всем себя ведет, может, не в плане постоянной физической работы - а по отношению к людям и к самому себе. Себя он не жалеет. Послужить другим - такая вот цель. И он жертвует... Не знаю, понятно ли объяснил.

Да, еще про подвиг. Я знал в Питере одну монахиню, у нее в семье была дальняя родственница, парализованная женщина, отличавшаяся невероятной скандальностью. Она переругалась со всеми своими близкими и соседями, и они просто перестали к ней ходить. И тогда приехала эта монахиня и 5 лет приходила к ней каждый день, слушала поношения, издевательства над ее церковностью, про то, что все они фарисеи, негодяи. Мне кажется, это - высшая форма подвига, и немногие на это способны.

- С другой стороны, можно сказать, что мы ухаживаем за больным, потому что нам так положено. А данного человека мы не любим. Вы считаете, в том, что она каждый день ходила, могло быть лицемerie?

- Нет, она бросила свои дела, (до этого она жила у своего духовного отца, известного старца), ей было очень хорошо там жить, ее ценили. А она уехала обратно в город, где жить ей было и морально, и физически очень и очень тяжело. В общем, человек пошел на многие жертвы, чтобы ее оплывали, издевались. Она поняла, что некому ухаживать, а парализованная женщина была ее дальней родственницей, и приехала к ней. И никто, кстати, об этом не узнал и не сказал ей спасибо.

Таких людей мало.

- В кино практически единственный пример фильма, герой которого иконописец, это "Андрей Рублев" Тарковского...

- "Андрей Рублев" - это фильм не про монахов, а критика советского строя. Когда ослепляют этих желающих уйти на запад мастеров, это же намек на Солженицына и подобных диссидентов. Я считаю, это фильм о современных для Тарковского проблемах, и его герой - не иконописец, а интеллигент-шестидесятник...

- А с вашей точки зрения, Андрей Рублев - не интеллигент?

- Понятие "интеллигент" надо сначала определить, многие люди понимают по-разному. Для меня это понятие ругательное, это человек, обладающий какими-то нравственными качествами: порядочный, образованный, честный, но постоянно стремящийся к борьбе с властями, и при этом сам малоспособный к созидательной работе. Этот постоянный конфликт приводит к тому, что человек ведет разрушительную деятельность. Так это было и в XIX веке, так это было и с диссидентами советскими... Часто бывает так, что, поверив, интеллигент себя сравнивает не с мытарем, а с Христом, что видно и по фильму Тарковского (там показано откровенное распятие русского интеллигента в грязи повседневной жизни).

- В этом смысле Вы Андрея Рублева, по Тарковскому, интеллигентом можете назвать?

- У него есть все черты диссидентствующего человека: ненависть к власти, которая жаждет только держать народ в варварском состоянии и тянуть из него все соки и все силы; презрение к собственному народу, отношение к народу как к несчастному, но несмышленому, тупому зверю, который он тем не менее любит, идет ради него на какие-то жертвы.

- Из Ваших слов следует, что настоящий Андрей Рублев совершенно не похож на героя фильма...

- Не похож. Если говорить о нем как о церковном художнике, то надо начать с того, что ему было бы невозможно и некогда так путешествовать, идти себе пешочком. Во-первых, у него церковные послушания, он должен много молиться, много трудиться, писать, во-вторых, тогдашние живописцы были другого материального уровня и пешком от храма к храму расписывать не ходили. Да что говорить - тогда краски были буквально драгоценностью: скажем, лазурит - как бы сейчас сказали, его курс к золоту был один к одному! Художников было мало, и они ценились. Это были не простые монахи, полу-

чить иконописную выучку было не просто. К тому же, роспись храма - коллективное дело. Преподобный Андрей был не просто художником, он был руководителем большого коллектива, мастерской. У художника такого уровня есть лучшие, худшие ученики, а он определяет основную линию, пишет только центральные иконы, выписывает во фресках лики. Вдвоем расписать огромный храм - это нереально, несмотря на то, что тогда писали быстрее, чем сейчас.

И, хотя не мне рассуждать о монахах, но все-таки монашеский образ жизни совершенно иной, нежели тот, который представлен в фильме.

- Писать картину и писать икону - это разные ощущения? Или то же вдохновение, горение, те же высокие эмоции...

- Это всё не совсем так происходит - и в иконописи, и в живописи. У любого светского художника есть набор приемов, как добиться того-то и того-то. То же самое - у иконописца. Техника исполнения есть. И вдохновение есть - там и там, это общее. Различия в целях. Для светского художника часто имеет большое значение представить свое понимание того, что он пишет. В церковном искусстве - постараться создать Божественный образ.

Вообще цель подлинного искусства божественна. На иконе "Неопалимая купина" вокруг Господа и Богородицы изображаются ангелы, которые человеку не дают упасть в геенну огненную, в ад. Есть, например, ангел, который подает чашу горестей и страданий - когда человек нравственно, духовно расслабляется в жизни, ему через ангела даются страдания, чтобы он сумел вспомнить о Боге, внутренне собрался. Есть и другие, в их числе изображен ангел с зеркалом. Что это за ангел? Он изображает красоту Божьего создания в воспоминаниях будущего века - как в зеркале. Когда человеческая душа видит прекрасное, она представляет себе рай, восхищается, стремится к Богу. Если душа онемела, человек стал невосприимчивым к прекрасному - это признак духовного кризиса, это очень важно.

Часто представляется, что духовная жизнь - это что-то ужасное, непрерывная мука. На самом деле она сопряжена с созерцанием подлинной красоты.

- Но почему тогда часто рассказывают, как монахи затворяются, не хотят смотреть те же самые произведения искусства?

- Вовсе не из-за огрубелости, нет. Им открывается новая красота. Происходит процесс постепенного замещения в человеке прекрасно-

го - более прекрасным, более возвышенным. Грубо говоря, ребенку нравится кататься на самокате, а потом он постепенно осваивает велосипед, потом мотоцикл и предыдущее ему уже не так интересно. Дальше, дальше - а потом он осознает, что можно летать на ракете. Так и человек, который узнает Господа, ему все остальное кажется пресным. Один афонский старец после того, как видел Бога и Его сияние, вышел днем из своей пещеры и стал спрашивать, почему никак не рассветет. Ему всё остальное уже показалось темно. Когда человек начинает воспринимать эту невероятную красоту, недоступную тому, кто к этому не поднялся, ему хочется все ближе и ближе идти к Богу. Как влюбленный - чем больше влюбляется, тем больше времени ему хочется проводить с любимой женщиной, общение же с другими людьми ему становится все менее интересно.

- В церковной печати сейчас много пишут о мироточении икон. Вам приходилось воочию видеть, как это происходит?

- Несколько раз. Самый поразивший меня случай был на мои именины. Мы остались на молебене, и тут пришел новый русский в красном пальто, полный такой, вынул бережно маленькую икону, положил ее на аналой. Начался молебен. И на этой иконе - все это видели - стали появляться крупные капли мира - не по всей иконе, а только на лицах Богородицы и Младенца. К концу молебна, лики были полны миром. Ощущение совершенно непередаваемое.

Кстати, позднее я узнал историю этой иконы и этого человека. У него тяжело болел ребенок, его жена очень сильно молилась перед этой иконой. А как ребенок выздоровел, она об этом забыла. И потом снова что-то случилось в семье, женщина опять вспомнила про эту икону, и тут икона начала мироточить.

Говорят, так Господь призывает человека для укрепления в вере...

Беседовал Владимир ГУРБОЛИКОВ,
рисунки Веры МАХАНЬКОВОЙ

ХРАНИТЕЛИ: КАК БЕРЕЧЬ ИКОНЫ

Сегодня при храмах и православных учебных заведениях открывается множество иконописных кружков и факультетов. Казалось бы, можно радоваться, что иконопись как церковное искусство жива и будет жить еще долго.

Но специалисты-реставраторы бьют тревогу. Их боль можно понять, когда видишь погибающие, искалеченные древние образа. Иконы гибнут сейчас, на наших глазах, и если мы не постараемся их сберечь, то очень скоро этих сокровищ у нас просто не будет.

Икона преподобного Серафима Саровского из действующей церкви (XIX век). Все повреждения обусловлены тем, что икону часто протирали тряпкой, возможно, с моющим средством (как подсвечник или подоконник).

Фотография предоставлена кафедрой реставрации Православного Свято-Тихоновского Богословского института.

ТЕМНЫЕ ДОСКИ

Почему так важно сохранить эти потемневшие, потрескавшиеся, часто полуобсыпавшие изображения? Зачем? Ведь при нынешнем изобилии иконописцев, казалось бы, можно написать новые. Но новое - не значит равное по достоинству. Необходимо признать, что изучение технологий и техники иконописи началось совсем недавно, систематическое же и обширное образование получают единицы.

Икона - не только произведение искусства, но прежде всего - свидетельство того, что Сам Бог стал человеком, явил Себя миру. Икона - это проповедь Богоявления. Известны слова священника Павла Флоренского: "Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно то, о котором даже не говорится в учебниках: "Есть Троица Рубleva, следовательно, есть Бог". И не стоит далеко ходить за примерами, и в наше время многих искусствоведов привела в Церковь их работа, потому что, сталкиваясь с древними образами, люди просто не могли оставаться неверующими, икона сама проповедовала им.

Икона - свидетельство реальности иного мира, и поэтому иконописец должен быть не только мастером, но и свидетелем этого таинственного, невидимого, другого мира. Многое требуется от иконы и от иконописца: ведь "невнятность ее (иконы) удостоверения, а тем более сбивчивость, ложность, может нанести непоправимый ущерб одной или многим христианским душам, как, напротив, ее духовная правдивость кому-то поможет, кого-то укрепит". (Священник Павел Флоренский.)

В современном мире не много иконописцев, способных свидетельствовать, являть откровение. Ведь древний стиль иконописания соответствовал и древнему благочестию (молитва, постижение Бога), современное благочестие не может совпадать с религиозным стилем XI - XVI веков. "Поэтому писание икон по "древнему канону" и даже скромное копирование - все равно как перечитывание древних подвижников - помогает нам в укреплении нашей слабой духовной жизни". (Священник Александр Ельчанинов.) Если древних икон-свидетелей не будет, то и современные иконописцы останутся без ориентира, без идеала, к которому можно стремиться.

И не только иконы XVI века требуют к себе трепетного отношения. Иногда приходится слышать рассуждения, что ценные иконы только до XVII века, а иконы "какого-то" XVIII или XIX века не достойны внимания. Но даже эти "скороописанные", тогдашнего "массового", более дешевого производства иконы и презираемые многими

Н.И. Померанцев (1891-1986 гг.) - выдающийся реставратор и искусствовед, посвятивший всю свою жизнь сохранению памятников, икон и церковной утвари. По его инициативе организовывались "спасательные" экспедиции реставраторов в Вологодскую, Архангельскую, Псковскую и многие другие области России с целью спасения икон.*

"картины" - уже бесценны. Таких больше не написать. Ушло время, ушли остатки того уклада, вкуса, миросозерцания, культуры, живой традиции. Они могут быть простоваты, иногда даже умилительно-смешны. Но никогда не вульгарны, не претенциозны. Они живые свидетели нашей религиозно-художественной культуры.

У нас пока осталось еще множество священных изображений. Но не потому ли мы не ценим это богатство веры, что оно досталось нам втуне и щедро? Не боимся ли мы своего небрежения? Ведь дар требует благоговейного хранения.

ХРАНИТЕЛИ

Очень тяжело слышать такое мнение, что "музей - это тюрьма икон, а музейщики их врачи". Во многом только благодаря музеям и их работникам иконы могли сохраняться в советское

* В оформлении статьи использованы фото из книги "Памяти Николая Николаевича Померанцева. Древнерусское искусство: исследования и реставрация". Сборник научных трудов. М.: ВХНРЦ, 2001 г. Подготовлена Всероссийским художественным научно-реставрационным Центром им. И.Э. Грабаря.

Временное "фондохранилище" произведений искусства в селе Макарьино. Р.А. Попов, О.Н. Трофимов и другие. (IV Онежская экспедиция ГЦХРМ.)

Фото Н.Н. Померанцева, 1971 г.

время, и даже сейчас невозможно во всех храмах создать условия для хранения святынь.

Интересно, что традиция сохранения икон была начата в XIX веке владельцами частных коллекций. После революции все частные собрания древних икон попали в музеи. Именно музейные работники, реставраторы (среди них были люди как верующие, так и атеисты) спасали иконы при Советской власти. Благодаря их любви и заботе мы можем сейчас видеть древние образы и молиться.

Иногда ради спасения святынь "музейщикам", любящим икону и преданным ей, приходилось по-настоящему бороться за сохранение святыни. Вот лишь один из бесчисленного множества примеров того, как реставраторы исполняли свой долг. В 70-е годы реставрационный Центр должен был получить из Сольвычегодска партию икон строгановского письма, но их почему-то не присыпали. Тогда в феврале работники Центра сами поехали за иконами, полагая, что может потребоваться их помочь, например, чтобы упаковать иконы. Когда они приехали, то увидели, что музей в Сольвычегодске находится в закрытом храме, где нет отопления. Иконы были покрыты таким слоем инея, что невозможно было понять сюжеты. Директор местного музея сознательно не собирался их высыпать, поскольку был очень враж-

дебно настроен к "культовой живописи". Московские реставраторы были обычными светскими, нецерковными людьми, но они просто не могли оставить иконы в таком состоянии и решили вывезти их сами. И попали в детективную историю. Директор музея договорился с администрацией города и милицией о том, чтобы на мосту, где должна была проезжать машина с иконами, ночью повесили знак "ограничитель груза". Запакованные сырье иконы пришлось оставить под честное слово, что весной их переправят на пароме. Этого не сделали, только к концу года привезли в Москву, все в плесени. В итоге иконы пришлось реставрировать 15 лет, но их все же спасли.

Реставрация как наука появилась уже в советское время в музейной среде. И сейчас методики, разработанные в государственных мастерских и Государственном научно-исследовательском институте реставрации, накопленный опыт хранения и реставрации возвращаются в Церковь.

КАК ОБРАЩАТЬСЯ С ИКОНАМИ

Иногда встречается мнение, что раз икона - святыня, то она будет сама обновляться (восстанавливаться). Такое бывает, но это всегда - чудо. Нельзя считать себя достойным чуда и требовать его от Бога, при этом просто пренебрегая святыней. Есть церковное предание, связанное с иконой "Скоропослушница". Афонский инок был наказан за то, что коптил Ее лик чадящей лучиной. По Своему милосердию, Святая Дева сначала гласом от иконы предупредила его не делать так, а когда тот продолжал ходить мимо нее с коптящей лучиной, Она его обличила: "Долго ли тебе так беспечно и так бесстыдно коптить Мой образ!?" И при этих словах инок потерял зрение, которое было возвращено ему после раскаяния. Об этом узнала вся братия монастыря, икону почтили должным образом, а впоследствии в ее честь устроили храм.

Обращение с иконой, нуждающейся в реставрации, должно быть такое же, как с заболевшим ребенком: родители не доверят лечение первому встречному, а будут искать хорошего врача, профессионала. И никто из любителей самолечения не будет самостоятельно вырезать себе грыжу или вставлять хрусталик. Неумелое действие, вмешательство, протирание какими-либо веществами или тряпками может довести икону до состояния хронического больного, когда вылечить ее будет невозможно. В работе реставратора очень многое сходно с врачебным искусством. Главный принцип в медицине и в реставрации совпадает: *noli noscere* (не навреди).

Реставрировать должен только специалист, ни в коем случае нельзя поддаваться желанию самому

что-то "протереть, подкрасить". В реставрационные мастерские часто попадают иконы, испорченные подобным неумелым и неумным обращением. Такие иконы - с вытертыми добела ликами - ничем не отличаются от икон, пострадавших после революции от богоборцев. И даже страшно подумать, что освеженный образ - результат действий христианина.

Правила обращения с иконами, приведенные ниже, подготовлены кафедрой реставрации Свято-Тихоновского богословского института специально для всех, от кого зависит судьба икон. В этих правилах содержится информация не о том, как самим реставрировать, а о том, как жить с иконами, как их беречь, как за ними ухаживать.

Красочный слой и грунт на иконах растрескивается и осыпается от резких перемен температуры и влажности. Нормальные условия хранения икон: температура +17° - +20°, влажность 45% - 55%.

1. Икону лучше всего держать в киоте, так как постоянные изменения температуры и влажности (жирная копоть, например, на кухне; в храме - повышенная влажность от дыхания людей и копоть) вскоре могут привести к растрескиванию, шелушению и осыпям грунта и краски.

2. Ни в коем случае нельзя протирать икону никакими веществами (и освященными в том числе) - они проникают в грунт и краску, после этого укрепить икону будет невозможно. Ничем не мойте икону!

3. Не пытайтесь "обновить" икону лаками, красками, маслами и прочим. Все эти действия вызывают разрушения иконы, часто не обратимые.

4. Нельзя протирать икону ни мокрой, ни сухой тряпкой. Снимать пыль можно (не часто) только в том случае, если красочный слой не осыпается; делать это лучше сухой беличьей кистью, очень мягкой.

5. Нельзя ставить икону на окно или вешать под форточкой. Сквозняки и холод крайне опасны для здоровья икон.

6. Не ставьте икону около теплой стены, батареи или печки, настольной лампы. Поток теплого воздуха пересушивает древесину, это вызывает коробление досок и их растрескивание.

7. Недопустимо долговременное попадание прямых солнечных лучей.

8. Нельзя хранить икону в помещении, где в стенах или мебели имеются летные отверстия жука-точильщика. Жучок может превратить доску иконы в тряуху за 1-2 года.

9. Пожалуйста, не пытайтесь лечить икону самостоятельно, постарайтесь найти профессионального реставратора.

* * *

Известен случай, когда одного реставратора привел к его профессии (и почти одновременно к Церкви) не эстетический интерес к иконе, а именно жалость к разрушающимся образам. Он заметил их даже не в храме, где не смел разглядывать иконы и вообще не знал, как себя вести, а в антикварных лавках. Поэтому не надо бояться жалеть иконы, это чувство близко к благоговению, оно может привести человека к вере и уберечь от действий и поступков, невольно повреждающих святыню.

А люди уже верующие, православные - тем более должны помнить о значении икон, находящихся у нас дома и в церкви, и не забывать о своей особой ответственности за них. Е. Трубецкой очень точно заметил, что "лики святых в наших древних храмах потемнели единственно потому, что они стали нам чуждыми; копоть на них нарастала частью вследствие нашего невнимания и равнодушия к сохранению святыни, частью вследствие нашего неумения хранить эти памятники" церковного искусства. Стоит ли сегодня повторять такие ошибки прошлых веков, как равнодушие и небрежность, тем более, что древних икон остается все меньше и меньше?

Пожалуйста, задавайте Ваши вопросы специалистам через наш журнал и нашу газету: реставраторы Богословского института готовы ответить на вопросы читателей; более подробно о правилах хранения и обращения с иконами будет рассказано в следующих номерах "Фомы". Ждем Ваших откликов.

Ольга ДЕМИНА, Вероника БОГДАНОВА

Дети принесли экспонаты для школьного музея (д. Давыдово Каргопольского р-на. Старшая девочка Валя Кропачева).
Фото
Н.Н. Померанцева,
1958 г.

НА ЧЕМ ЕЗДИТЬ БАТЮШКАМ?

...Я лично знаком со многими людьми, которых смущают сотовые телефоны в монастырях, иномарки священников, золотые купола на фоне общей бедности. Для них этот вопрос - препятствие на пути к Богу. Я даже не могу говорить с ними на духовные темы: в ответ слышу один и тот же вопрос.

Неужели с этим ничего нельзя сделать?

Андрей, 55 лет

Фото Андрея Радкевича

**Протоиерей Аркадий ШАТОВ,
настоятель храма Святого Благоверного
Царевича Димитрия при Первой градской
больнице:**

Управляющий Московской Епархией, Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий велел, чтобы все настоятели московских и подмосковных храмов имели сотовые телефоны. Разные бывают ситуации (в том числе и ограбления храмов), а связь с областью затруднена, поэтому должен быть способ контакта со священником. Я не вижу в наличии телефона ничего плохого.

Золотые купола... Их не так много сейчас. А общая бедность происходит не от того, что деньги уходят на золочение куполов и прочие церковные нужды... Денег на земле на самом деле столько, что хватит озлотить все купола и накормить всех голодных, просто эти деньги очень часто неправильно распределяются.

В Церкви есть разные люди и разные пути веры для этих людей. Не все призываются к отказу от имущества. Есть люди, которые отказываются от всего. Например, монахи на Афоне живут в страшной бедности... Я знаю одного священника из Екатеринбурга, который продал свою квартиру, а деньги вложил в строительство храма. Сам сейчас живет в какой-то каморке при храме. Монахи призваны к отказу от имущества, а люди, которые живут в миру, - нет. Они призваны быть бодрыми, щедрыми, но никто не мешает им пользоваться удобствами этой жизни.

**Протоиерей Максим КОЗЛОВ,
настоятель храма Святой Великомученицы
Татианы:**

Очень интересно, смущает ли Ваших знакомых,уважаемый Андрей, наличие сотовых телефонов у других категорий населения? Или же принципиальными невладельцами их должны оказаться только священнослужители Русской Православной Церкви? Неужели они (знакомые - ред.) действительно предполагают, что в том случае, если последует отказ от пользования мобильной связи клириками Московской Патриархии, то радикальным образом улучшится социально-экономическая ситуация в нашей стране, все нищие приобретут достаток, экология изменится, война в Чечне прекратится и иные социальные язвы будут уврачеваны?

Мне почему-то кажется, что эти проблемы глубже. Иномарки священников - точно такие же иномарки, как и у любых других граждан. А если по Москве в настоящий момент ездит больше половины иномарок, то наверное, это потому, что - как знает любой автомобилист - примерно за одну и ту же цену можно купить новый ВАЗ или подержанный немецкий автомобиль, но последний будет служить дольше, работать надежнее и затрат вызывать меньше, чем продукт отечественного гиганта автомобилестроения.

Про золотые купола красиво и образно сказал еще Высоцкий: "Купола в России кроют чистым золотом, чтоб чаще Господь замечал". Но есть нечто, сказанное задолго до Высоцкого - в Евангелии. Вспомним рассказ об одном ученике Христовом. Этот ученик (звали его Иуда Искариот), заметив, что одна женщина в дни, предшествовавшие страданиям Спасителя на кресте, принесла драгоценное миро, стоившее целое состояние, и стала возливать его на ноги Спасителя и отирать их своими волосами, - стал очень возмущаться, говоря, что это бессмысленная трата денег и что нужно продать это ценное миро и раздать деньги нищим. Это было бы, говоря современными словами, социальным служением первохристианской общине. Но Христос Иуду не одобрил. Он сказал, что женщина поступила правильно, и что везде, где будет проповедано Евангелие, будет рассказано о том, что она сделала.

И душой церковные люди всегда это знали: оторвать от себя - не важно, большие деньги или лепту вдовицы - на то, чтобы купола сияли золотом, иконы были в иконостасе, благоухание ладана разносилось во время богослужения, - это Господь любит и примет. Это не значит, что нужно нищих забыть, но жизнь не одномерна, чтобы все в ней сводить на социальные траты. Есть в жизни еще и красота, глубина и онтологическая значительность. Слава Богу, всегда были миллионы людей, которые душой это чувствовали. Думаю, что и Вы чувствуете, и Ваши знакомые, на самом деле, это понимают.

Не стоит так опошлять серьезные вопросы. А главное, не стоит обманывать себя: не из-за того люди не идут в Церковь, что кто-то услышал звонок мобильного телефона священника, заметил архиерея, проезжавшего в "Вольво", или из-за золотых куполов Храма Христа-Спасителя. Да нет же. Причина в другом: не хочется человеку жить по-христиански, не хочется се-

бя ограничивать, заповеди соблюдать, еще много чего делать... Но сказать себе напрямую - все мне это противно, это меня отталкивает - редко кто решится. Куда как приятнее сказать себе: я бы пошел в церковь, если бы она была другой, я бы исповедался, если бы попы были "потоньше", я бы молился в этом храме, если бы он не золотом, а старым кровельным железом был покрыт, а так - увольте, так не буду. Но в этом будет коренная внутренняя неправда.

Не так ли, Андрей?

**Протоиерей Вячеслав РЕЗНИКОВ,
клирик храма Покрова Божией Матери
в Черкизово:**

Дорогой Андрей!

Вы не можете со своими знакомыми "говорить на духовные темы" вовсе не потому, что виной этому иномарки и сотовые телефоны. А просто потому, что их эти темы еще не интересуют; они еще до них не доросли.

Однажды Господь Иисус Христос сказал тем, кто упорно не хотел понимать Его Божественных слов: "Кто хочет творить волю" Божию, " тот узнает о сем учении, от Бога ли оно" (Ин.7:17). Вот и Ваши собеседники еще не хотят узнать Божью волю, чтобы жить по ней. Ес-

ли бы они хотели ее узнать и исполнить, то их не смущило бы ничто. Они вникали бы в Священное Писание, в учение Церкви, они нашли бы священнослужителя, который старается жить по Божьей воле, и не несет в себе соблазна. А эти Ваши знакомые смотрят только где что блестит, и что сколько стоит.

Но и если бы ничего не блестело, и если бы все служители Церкви ездили на ржавых "москвичах", неужели Ваши знакомые от этого пришли бы в Церковь и заинтересовались бы духовными вопросами? Они все равно нашли бы отговорку. Так было и во время Иисуса Христа. Вот приходит Иоанн Креститель. Он ведет крайне аскетический образ жизни, "не ест, не пьет"; и он проповедует: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное". А подобные Вашим друзьям отмахиваются рукой: "в нем бес", дескать, он не как все, что его слушать! Приходит Иисус Христос, воплотившийся Бог. Он входит ко всем в дома, ест то, что ему предлагают, и проповедует то же: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное". А они? - "вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам" (Мф.11,18-19). Он - такой же, как и все, что его слушать!

Так что, действительно, пока "с этим ничего нельзя сделать"!

Фото Андрея Радкевича

ФЕДОР КОНЮХОВ:

ИСПОВЕДЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Федор Филиппович Конюхов родился в 1951 году в небольшой деревеньке на берегу Азовского моря. Закончил две мореходки (штурман-навигатор, судовой механик), художественное училище (член Союза художников России). Участник всесоюзных и международных художественных выставок, его работы приобретены многими музеями и коллекционерами.

Заслуженный мастер спорта, яхтенный капитан, профессиональный путешественник. Женат, имеет двух детей и внука. За свою жизнь сменил несколько профессий. Воевал во Вьетнаме, Никарагуа, Сальвадоре, работал на спасательном судне в Калининграде, красил высотные дома и телевизионные башни в Таллинне, Риге. За его плечами три кругосветные гонки на яхте вокруг света, одиночные (и в группе) походы к Северному и Южному полюсу, восхождения на семь самых высоких вершин мира, участие в трансАляскинской гонке на собачьих упряжках "Айдитарод-2000"... Всего же на счету Федора Конюхова более 40 экспедиций. Автор книг "Мой дух на палубе Караана", "И увидел я новое небо и новую землю", "Дневники, рисунки, эскизы", "Как открывалась Антарктида", "Все птицы, все крылаты".

От автора

После интервью с ним я был в состоянии легкого шока. Вышел на улицу. Мне казалось, что люди обтекают меня точно волны. Нечто подобное я переживал в юности, когда впервые увидел фильмы "Андрей Рублев" и "Париж-Техас". Состояние отрешенности и глубокой внутренней сосредоточенности. Я искал и ждал этой встречи полгода. Сначала мне сказали, что он в Париже, через два месяца - что в Англии. Когда я позвонил в третий раз, выяснилось, что человек, к которому я обращаюсь за помощью, здесь больше не живет. Стало ясно, что встреча, скорее всего, не состоится, что нужно просто смириться и постараться забыть об этом. Иногда так бывает: стремишься к чему-то, и вдруг перед тобой - стена.

Новые встречи, интервью, статьи, сменяя друг друга, скользили сквозь мое сознание, и лишь иногда на его задворках вспыхивал огонек-мысль, что не все из задуманного удалось... Но почему-то она не угнетала, как это бывает обычно. Может потому, что я надеялся, что встреча все-таки состоится?

И вот я в небольшом кафе, зал которого отделан под каюту корабля. Под низким потолком столпилось до сотни людей. Очень душно, гардероба нет... Слышится голос Конюхова и его сына, которые проводят пресс-конференцию, организованную перед путешествием по Великому шелковому пути... С трудом пробиваюсь к сцене, облепленной журналистами. На голову пилигрима сыплется град вопросов... С интервью в этот день не получилось. Подарил ему наш журнал, договорились о встрече. В этот же день Конюхов улетел в Калмыкию...

И вот, наконец, встреча. Поначалу я пытался удержать разговор в определенном русле, словно яхту на курсе, то и дело поглядывая на подготовленные вопросы. Но говорить с Федором непросто. Я впервые беседовал с человеком, который не отвечает прямо на вопрос, а как бы рисует вокруг него ответ. И от этого ответ оказывается глубже и полнее, чем ты ожидаешь. Получается не диалог или беседа, а рассказ о жизни, в которой ты становишься непосредственным участником описываемых событий, настолько они захватывают тебя. Хотя иногда у меня возникало ощущение, что мы стоим по разную сторону стекла и пытаемся услышать друг друга...

Может быть, это и было то, что люди называют радостью человеческого общения.

Возможно, что-то в словах Конюхова покажется странным или неоднозначным. С чем-то сложно согласиться. Да и не нужно, наверное, искать согласия во всем. Федор Конюхов живой человек, деятельный, неспокойный, верующий и верный своей вере. Может быть, поэтому Господь хранит его в путешествиях по всем континентам.

Я ЛЮБЛЮ ВСЕ ЭТО...

- Федор, кто Вы больше - путешественник, художник или писатель?

- Раньше я хотел быть и художником, и путешественником, и писателем. Я же пишу о том, что наболело, о том, что чувствую. Рисую то, что меня волнует и хочется передать на холсте. А как можно прожить жизнь, не увидев Эвереста? И почему бы не взойти на него и не написать о нем картины. И когда я шел на Эверест, мне было интересно, что альпинисты в это время чувствуют, что они испытывают по отношению к этому миру? Мне все это хотелось посмотреть и пережить самому - ощущения человека, когда он в горах, на полюсе, в океане на яхте или когда бежит сотни километров по снежным

просторам как погонщик собак... Все грани человеческие меня в этом мире интересуют, меня все волнует. Меня интересуют и политика, и искусство, и спорт, и люди, и животные. У нас дома живет собака, с которой я бежал по Аляске, живут черепашки, голуби. Я приезжаю домой и строю скворечник, как иначе, если есть скворцы? Я люблю всё это.

- Наверное, в семье воспринимают ваши путешествия как некий крест?

- Моя семья ничего не может сказать против, потому что я же с детства путешествую.

Они меня таким увидели, таким и узнали. Я с детства знал, что буду путешествовать, и путешествовал. И когда женился, и когда сын родился, и когда дочка родилась...

12 авг. 1998 года. Атлантический Океан*

Утро. Скоро взойдет солнце. По Гриневичу - 8 утра. Там меня в Москве ждут на телефоне, а я не могу дозвониться, нет питания, все батареи сели... Дела плохие, но надо выкарабкиваться. Сколько ты, Федор попадал в сложные передряги, и Господь тебе помогал, как будет сейчас?

Моя плоть пропитана морем. И вот тому доказательство: стоит мне провести хотя бы несколько дней в Океане, и я становлюсь крепче духом и телом. Здесь, в одиночестве, я живу в согласии с ритмом Океана. Я ставлю и убираю паруса, ловлю рыбу и любуюсь восходами, а на закате читаю молитву "Отче наш".

Я думаю о том, что когда-то я создам свою серию картин о человеке в Океане. У меня на яхте нет радио, нет телевизора, я не слушаю бред наших политиков. Я занят простым и привычным делом - управляю яхтой и поглощен тем, что делаю. Там, на берегу, я лишний, у меня нет дела, я не знаю, чем заняться, и это больше всего меня угнетает...

Увидел - и запало в душу, и через кисть пролилось на холст. Это живопись. И то же самое любовь. Так я увидел мою Иринушку, и она всегда в моей душе.*

* Здесь и далее фрагменты из книг "Дневники, рисунки, эскизы", "И увидел я новое небо и новую землю..."

- Но зачем же Вы продолжаете испытывать себя?

- Потому что только через страдания можно узреть Господа Бога. Когда моя яхта перевернулась, я понял, что нет на земном шаре более тяжелой работы, чем молиться Господу Богу, именно молиться.

Когда к полюсу идешь, тащишь за собой 135 килограммов груза, всё время вверх, два месяца, при минус 50 градусах, преодолевая встречный ветер, то думаешь: на земном шаре ни у кого не может быть такой тяжёлой работы, как тащить это. А когда меня перевернуло, и я читал молитвы, то понял, что вот это и есть самая тяжелая работа.

И только через нее мне открылся Господь.

В ПОДВОДНОМ ПЛЕНУ

- Можете рассказать об этом подробнее?

- Это случилось, когда я попал в ураган "Даниэль" (скорость ветра 130 миль в час). Потом я узнал, что мои шансы выжить были равны нулю. Яхта шла на автопилоте, потому что все время должна быть на волне, как серфинг. У меня вышел из строя автопилот, и я встал на руль. Но так ты долго ее на такой скорости не удержишь, ты же устаешь. У меня в глазах уже фиолетовые круги идут, я допускаю ошибку и яхта - уходит с волны и ложится на бок.

- А Вы в этот момент где?

- Я на палубе. Волны бьются, пыль одна стоит, дышать невозможно. Я держусь и знаю, что сейчас если яхта перевернется - захлопнет меня -

и всё. Отдаю спасательный плот. Но при таком ветре он отрывается и взвивается вверх, как змей, правда, привязанный. Я должен его посадить, как змея и тяну, тяну к себе... И вдруг веревка обрывается и он отлетает. Всё, я остался без плота. Вода, правда, теплая, с тропиков идет ураган. А сам я привязан. Волна пройдет, съмет меня в воду, я выкарабкиваюсь и держусь за борт, но вот-вот потеряю сознание... А потом наступает тишина. Я контролль потерял.

Ничего не вижу, глаза отказали, все седое - вода, небо... И звуки песни: хор поет, стараюсь

прислушаться, слова разобрать, а они поют шепотом... Как будто и женщины и мужчины, нет различия, а слова разобрать не могу. Музыка такая... не орган, не трубы, не гитары, очень красивая музыка. Не какая-то какофония, когда на мешано всего, нет. Она льется... Никогда я такой музыки не слышал... И голоса слушаю, слушаю, чтобы слова разобрать, и не могу. Не то, чтобы на немецком или на английском, или на русском поют, нет, но непонятно...

Волна проходит, сбивает меня в воду, я снова выкарабкиваюсь, воду соленую глотаю, и так пить хочется. А знаю, что в яхте есть бутылки с водой. Чувствую, надо забираться в яхту. Она всплыла, я открываю люк. Только за собой закрыл, яхта перевернулась.

- **Перевернулась и Вы оказались запертым?**

- Да. Она наискосок лежит, но из люка выбраться уже нельзя. Внутри всё вверх дном, 120 литров солярки вылилось вовнутрь... Все книги, продукты, всё, что есть - смешано, воды по пояс. Я нашёл фонарь, бутылки с водой, 100-200 бутылок у меня всегда на яхте стоят.

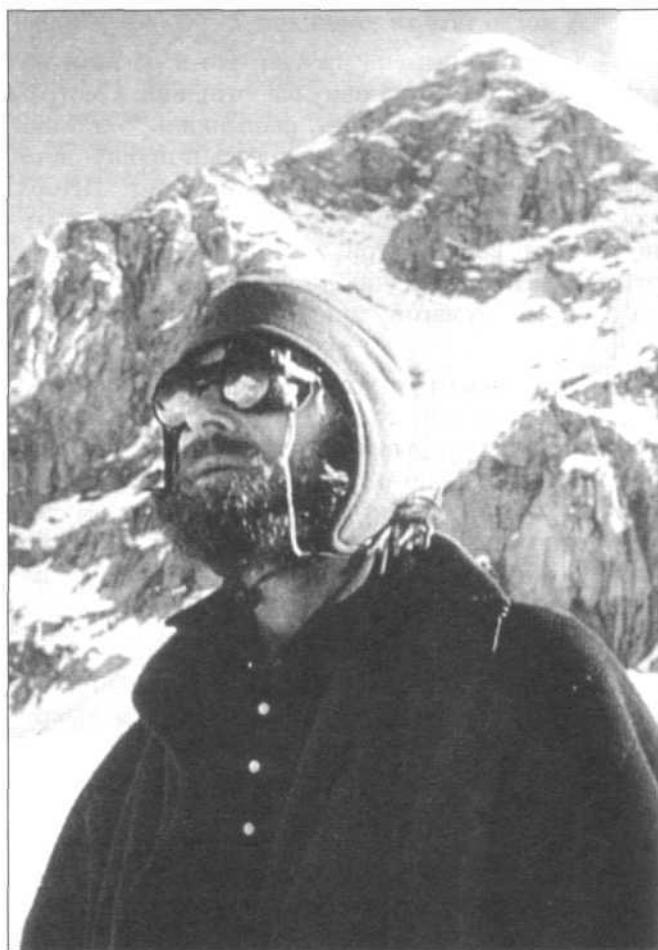
Выпиваю бутылку, догола раздеваюсь, потому что соляр начинает разъедать всё, рубашку, трусы. На мне только крестик, ещё от деда остался...

На полюсе было проще. Знал что выживу, если буду работать, двигаться, кашу кушать горячую, успею палатку поставить. А как двигаться в яхте? Внутри всё закрыто, работать невозможно. Самое главное, я понял, что осталось последнее - это молиться. Всё сделано. Но никто не может помочь. Хотя все знают, все следят. Вода сбивается с соляркой в желчь такую, дышать невозможно, все время будет подходить и меня ждет медленная смерть от удушья. Но там, где у меня кровать, есть ниша, там больше воздуха, и я туда забираюсь, сделал из матраса гнездо такое себе. Беру с собой бутылки с водой, иконку Николая-чудотворца (она у меня на спасательном жилете, металлическая) и начинаю читать молитвы. И слышу удары, бух, бух, вот-вот яхта разломается, удар за ударом. Я молюсь, молюсь...

- **Говорят, в такие минуты вся жизнь перед человеком проходит, это так?**

- В этот раз - нет. Но что-то похожее было на пути к Эвересту.

По статистике, на пути к этой вершине каждый третий альпинист погибает. Мы с Женей Виноградским на высоте 8 тысяч метров сидим, отдыхаем перед последним восхождением. Там

спать нельзя, можешь задохнуться, воздуха не хватает. Думали, что в 12 часов ночи выйдем, но пурга помешала. Собрались в два ночи выходить, чтобы успеть до вершины дойти и спуститься до темноты (а подошли часов в 5 вечера). Сидим, ждем, ветер рвет палатку. А вокруг там, на восьми тысячах, мертвых человек тридцать - как в бою лежат, все альпинисты. Высохшие. Там же мумиями становятся, там не хоронят. Как погиб, так и лежит. Мы сидим с Женей и думаем - дойдем мы до вершины? Может быть 30 человек уже прошло, а мы как раз попадаем в десятку смертников?

Мозги чистые, всё вспоминается до мелочей... Даже когда я в детстве случайно ласточку из рогатки убил... Я случайно в нее попал. Бабушка говорила, что ласточек нельзя трогать - это грех. Сидишь и всё до последнего вспоминаешь. Кому-то слово сказал плохое, с кем-то поссорилсяся, кого-то обманул, воробья убил, вспоминаешь всё, вот это и есть исповедь. Чувствуешь, что час твой подходит и не знаешь, вернёшься или нет. И думаешь, как ты предстанешь перед Всевышним, и хочется всё это кому-то рассказать...

- А когда шторм кончился ?

- Три дня он меня крутил. Но я об этом потом уже узнал. Когда очнулся - тишина. Смотрю, яхта уже по другому стоит, фальшкиль** ее тянет и она встает, тут и я уже и молюсь и прошу: вставай, как лошадь просят. И она встает. Шторм стихает. Яхта легла на борт, но не может встать, потому что вода внутри, но я хотя бы люк могу открыть. Начал откачивать воду, а сил нет. Помпа забилась бумагой, продуктами, нужно только ведрами.

А есть ничего не могу. Можно было бы печенье в полиэтилене поесть, но ничего не идет. Я бутылку воды открываю, а у меня был сахар в полиэтиленовых пакетах, я его высыпаю в бутылку, взболтну и готов сироп, чтобы выпить, потому что мне надо работать. Господь Бог услышал мою молитву, спас меня. Осталась моя работа, воду надо откачивать.

- Вы чувствовали, что это конец?

- Нет. Я чувствовал, что это не последний мой шанс. Была какая-то уверенность, что я выкручусь. Но когда то же самое случилось в четвертой кругосветке, я почувствовал тогда, что все. Было заранее ясно, что мне нельзя в ней участвовать. Во-первых, я уже три раза в кругосветке был, казалось бы достаточно. А во-вторых - требовалось уменьшить парусность (снять передние паруса), и только после этого меня восстанавливали в гонке. Но если это сделать и оставить только грот (парус на грот-мачте), яхта в урагане будет идти на переворот, и я могу ее опять не удержать на волне. Тем не менее я вынужден снять стакселя*** и меня пропустили. Иду на попутной волне, ветер давит на грот, и чувствую, яхту опять сейчас перевернет. Я знал, что так и будет, если в ураган попаду. Правда ураган был поменьше, чем в прошлый раз ... И снова яхту кладет на бок...

- Всё повторяется?

- Да... Только одно меня тогда и спасло. Перед отходом ко мне подходят ребята - "парусники" и говорят: "Федя, ты идешь со своим старым парусом". Я говорю: "Какой же он старый, я ходил один раз в кругосветку, это еще не старый". Они говорят: "Мы смотрим: Как так? Такая фирма хорошая, а тебе только один шов сделали, а надо два. Давай мы прострочим, он же порвется". "Нет, - говорю, - я ходил в кругосветку, он не по-

рвался". А они: "Ну ты ходил, а сейчас он сострился, давай прострочим". Я говорю: "Сколько стоит?". Они цену назначают, ждать надо, очередь там. Нет, думаю, не буду, жалко денег, и не прострачиваю.

Когда я в первый ураган попал, я паруса все убрал, а здесь не успел - ее с парусами на бок положило. И если бы яхта пересвернулась с парусами, она никогда бы не встала. Потому что парус - это как якорь. Представляешь, под водой такая площадь. И тут она ложится на бок, и парус присосало к воде. Я выбегаю, люк за собой закрыл, пристегнутый, думаю: добраться надо и освободить. Грот спустить не могу. Он застрял где-то на 18 метрах, а мачта примерно 25 метров высотой. Такой шторм, ночь, в такой раскачке одному не выбраться. Мне надо уменьшать парус, а я не могу. Всё. Я в ловушке. И только я выбегаю, чтобы по парусу добраться на воде уже и обрезать фал - волна проходит и сбивает меня за борт. Там вода холодная, под Антарктидой.

Я за бортом, но вижу. А на яхте есть спасательные буи. Два буя в каюте, один на борту висит и когда попадает в воду, то включается автоматически. Но никогда не полетят спасатели, если включился только один буй. Во-первых, им далеко, надо 4 дня. Ведь он может от тряски включиться, от воды, а там такие риски, такие деньги. Путь застрахован на 2 миллиона долларов. Если спасатели прилетают напрасно, они два миллиона все равно забирают. И страховая компания это выплачивает. Но, узнав об этом, ни одна компания не заключит больше с тобой договора. Они же все друг друга знают, никто тебя страхововать не станет.

Поэтому надо, чтобы включились минимум два, а лучше, если три буя. А как же я включу их, когда за бортом вижу и выбраться не могу, хотя вижу, что буй работает. А вода постепенно набирается в парус, яхта кренится все больше и вдруг шелк на парусе лопается с треском, выпускает воду и яхта поднимается. Хорошо, что не было денег, хорошо, что я не прострочил (смеется). Я забираюсь, открываю люк, заскакиваю внутрь и чувствую, вся каюта наполнена трупным запахом, как будто кто-то баллон газовый открыл и выпустил дух мертвчины. Смертью пахнет, она уже здесь, ждет меня...

И тогда я принял решение. Можно было бы починить парус и добраться до финиша, но я понял, что дальше мне нельзя. Это была ровно половина кругосветки, ровно. И тогда я в Сиднее сошёл.

**Фальшкиль - металлический брус, прикрепленный под килем для придания судну большей устойчивости

***Стаксель, спинакер - передние, треугольные паруса.

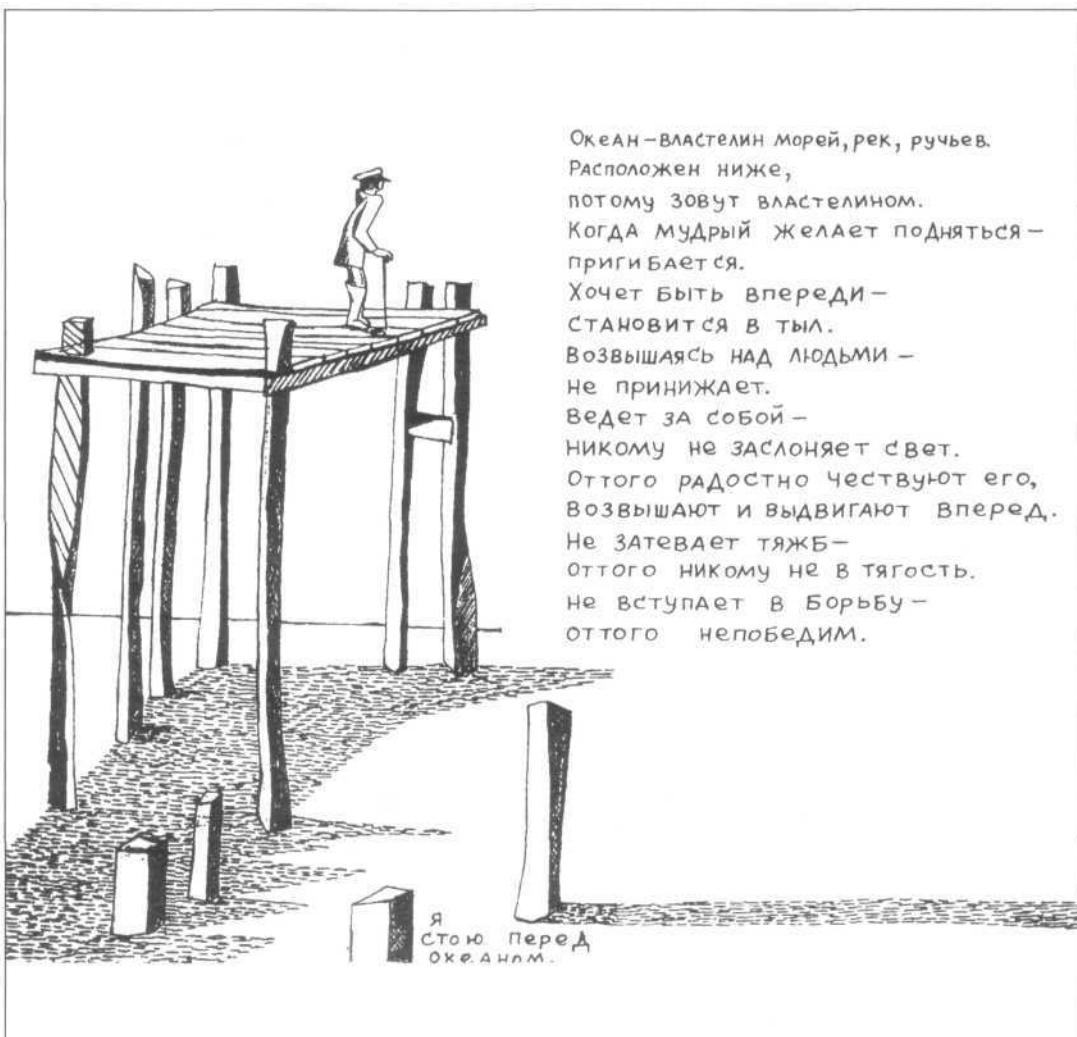
16 авг. 1998 года. Атлантика.

Я и моя яхта в самом центре Атлантического океана. Мы зашли в район самой примитивной жизни. Океанская гладь не нарушает ничто живое. Нет ни птиц, ни животных, ни рыб. Под нами глубина 5000 метров. Нет ни голосов, ни звуков. Тишина мертвая, только звон в ушах стоит от этого бесконечного безмолвия. Меня мучают раздумья, сколько мне еще плыть, и когда я окажусь в обществе людей. Страшную тревогу испытывает моя душа к беспредельно огромному Океану и одиночеству. Я задаю себе вопрос: зачем я здесь? На что надеюсь? Получить славу? Так ее легче добывать в обществе людей. Мое честолюбие? Так я его давно удовлетворил Северным, а также Эверестом и двумя Южным полюсами, кругосветными плаваниями.

Я, как и многие до меня мореплаватели, видел цель своей жизни - находиться один на один с Океаном, и это приносит мне радость, какую ничто другое на земле не могло бы дать. Я никогда не рассматривал участие в гонке вокруг света как спортивное достижение. Истинное удовлетворение дает не само участие в гонке, а преодоление препятствий на пути к ней...

Ночь. Уже темно. У меня на яхте нет света. Зажег свечу. Она дает таинственный свет, живой. При свече не хочется читать книги. Сейчас буду читать Евангелие.

Что принесет эта ночь? Дай Бог дожить до рассвета.

Океан – властелин морей, рек, ручьев.
Расположен ниже,
потому зовут властелином.
Когда мудрый желает подняться –
пригибается.
Хочет быть впереди –
становится в тыл.
Возвышаясь над людьми –
не приижает.
Ведет за собой –
никому не заслоняет свет.
Оттого радостно чувствуют его,
возвышают и выдвигают вперед.
Не затягивает –
оттого никому не в тягость.
не вступает в борьбу –
оттого непобедим.

- В чем разница между верующим и не верующим человеком, на Ваш взгляд?

- Я уже ответил. Если бы я не верил в то, что последний шанс - это молитва, я бы погиб. У верующего, если грубо, по-мирски сказать, на один шанс больше.

- А когда Вы первый раз отправлялись в плавание, вы освящали яхту?

- Да, конечно. У русских в Сиднее есть православная община. Я им говорю: надо яхту освятить. Они говорят: батюшку позовем. Пришел молодой батюшка, отец Михаил, и принес мне иконку. Он не знал, что у меня на переборке уже висят две иконы - Николая-чудотворца и Господа Иисуса Христа. А он принес икону Пантелеймона-целителя. Повесил ее на переборку и яхту освятили.

Десять лет назад спутникового телевидения еще не было. Это было мое первое путешествие non-stop. То есть я должен был выйти из Сиднея, обойти вокруг света и прийти в Сидней, ни с кем не встречаясь, ни с кем не общаясь (на яхте "Караана"). Рация действует только на 300 миль. На мои проводы пришел владыка Павел, епископ Австралийский и Новозеландский, Царство ему небесное, он уже умер. Он и говорит: "Сын Федор (показывает на переборку, где иконы висят), если тебе будет тяжело, прося у Иисуса Христа и этих "мужиков", Николая-чудотворца и Пантелеймона-целителя, и они тебе помогут!" Он и так сказал: просто и доступно... Это самое тяжелое плавание было, первое. И я чувствовал, что они всегда рядом. Автопилота у меня не было. Я выходжу и говорю: "Николай, держи яхту".

А сам в это время настраиваю паруса. Яхта идет на переворот. Я кричу: "Николай, держи!" Всё, думаю, пошла... А она раз - и становится как нужно! Выхожу, у меня штурвал - металлическое колесо - теплый. Шёл тогда через сороковые, возле Антарктиды, мыс Горн, там холодно. В перчатках стоишь. По идее штурвал должен быть холодный. И яхта так ровно идет, что даже когда я стою на штурвале, она так ровно не идет. Но я боюсь оглядываться. Только раз огляделась, он и отошел. Я никогда на яхте не раздевался дона-га, потому что знал, что кто-то всегда присутствует. Говорю: "Николай, держи!" И знаю, что не надо оглядываться. Струя кильватера, когда я сам стою, так ровно не идет. А его просил, след идет ровный-ровный, даже не колыхнется. Я так не могу держать, как он мне держал.

- Кто из известных путешественников Вам ближе всего по духу?

- Из старых наших - Георгий Яковлевич Седов, Амундсен, Перри, Фридрих Кук, Маклай, а из современных, для меня это идеал - Наоми Уэмуро, японский путешественник.

- Амундсен говорил, что человек может привыкнуть ко всему, кроме холода, это так и есть?

- Конечно. Но если ты боишься холода, ты не достигнешь Северного или Южного полюса, не выполнишь свою задачу, которую ставишь, и ты терпишь. С другой стороны, смотря какой холод.

Например, все полярники любят тепло. Я сейчас иду в пустыню - там +50°, а на полюсе -50°, дышать невозможно. Это такой холод, когда кровь стынет в жилах. Я когда-то раньше купался зимой на Дальнем Востоке в море, в клуб моржей ходил. Но в Антарктиде холод другой.

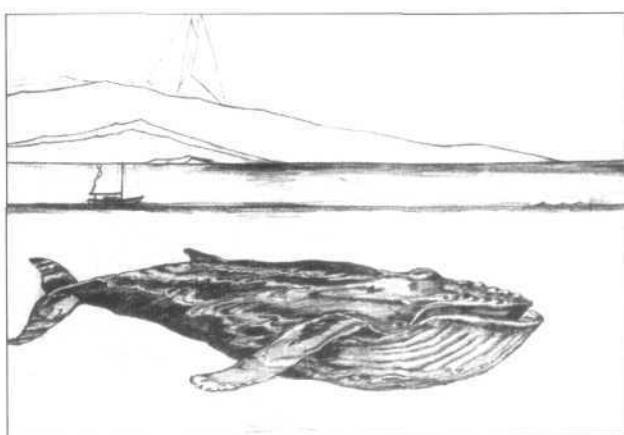
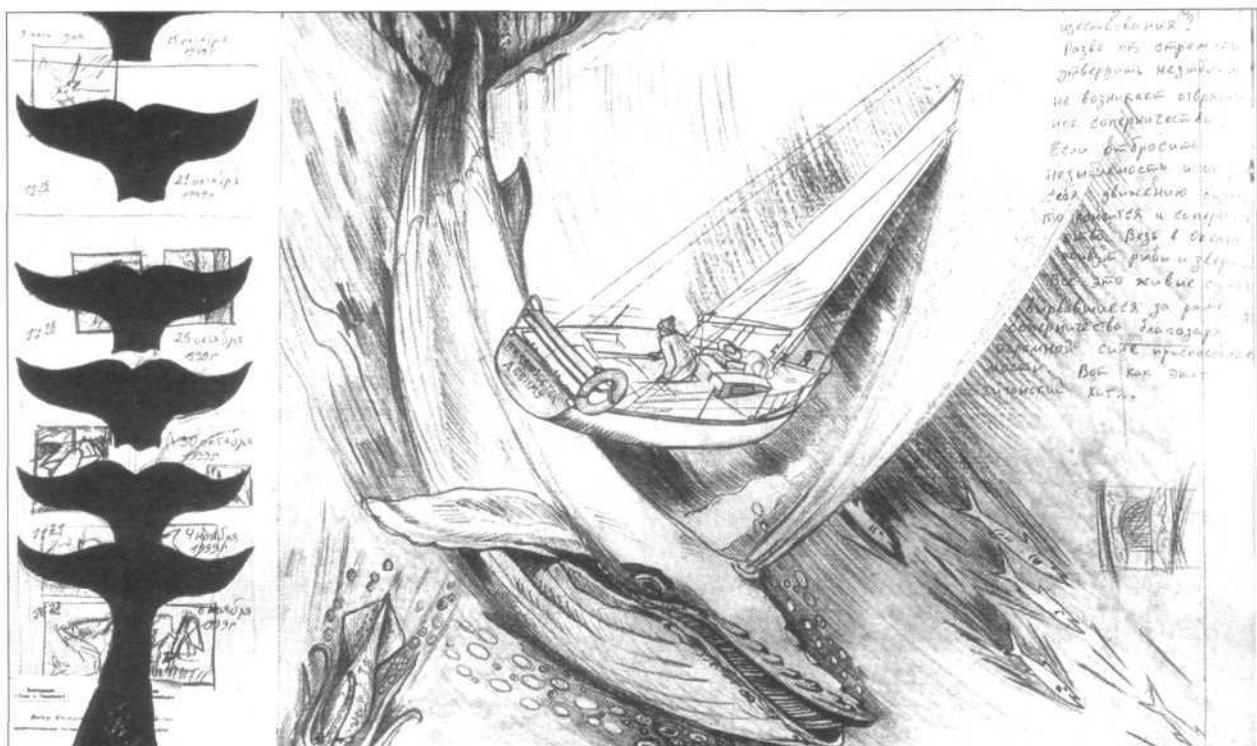
- На яхте остается время для чтения книг?

- Когда я иду на один оборот, беру с собой обычно сотню книг - из-за размера ящика на яхте больше нельзя. И читаю их там. На берегу и в океане по-разному одна и та же книга воспринимается. Например, прочитал перед самым отходом "Дон-Кихота" и думаю - дай в океане перечитаю. Беру его с собой, и в океане читаю совершенно по-другому. Ты там один в таком пространстве, ничто не отвлекает.

20 нояб. 1998 г. Атлантика.

Что за напасть? Что меня преследует? Сейчас только яхта наехала на кита. Я зашел внутрь яхты, только начал раздеваться, снимать штормовую мокрую одежду - удар. Яхта встала, как вкопанная. Потом следующий удар. Я так и упал, не удержался на ногах. Выскочил, смотрю - справа по корме кит медленно уплывает. Настроение упало, начал проветрять яхту, как будто, дай Бог, все нормально.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

- Я слышал, что после Аляскинской экспедиции вы попали в больницу. Что тогда случилось?

- Когда я собирался бежать на собачьих упряжках через всю Аляску, мне сказали: Федя, чтобы пробежать 1800 км, ты не должен пить спиртное, кофе, чай, не должен курить (но я и так не курю). Бежать ты должен в день 50 км чистого пробега. А за сутки собаки пробегают 160-180 км, лидеры 220. Треть этого я должен был бежать по глубокому снегу, в куртке, в баулах...

И когда я пробежал, у меня чашечки в коленях стерлись полностью. Боль такая, что даже лежать невозможно, не то что встать! Меня положили в больницу и уже начали делать металлические протезы. Но через 3 месяца у меня должна была состояться экспедиция на яхте вокруг света. Нам с женой осталось только молиться. В это самое время в Москву привозят с Афона мощи мученика Целителя Пантелеимона.

Я говорю: "Ира, иди к нему, только он может помочь". Она берет иконку (у меня была иконка: трое святых стоят - Пантелеимон Целитель, Николай Чудотворец и Федор Стратилат), заматывает ее в полотенце, кладет в сумку и идет. Приходит, а там очередь такая! Она так рассчитала, где мощи должны находиться, становится там с улицы, к стенке прижимается и читает молитвы. А я дома читаю молитвы. Она приходит уставшая, и дома вместе читаем...

- Она не попала к мощам?

- Нет. А нам уже надо ехать в Швейцарию, она там лекции читала. Меня еле-еле доводят до самолета, прилетаем в Швейцарию, всю дорогу и на месте уже - все читаем и читаем молитвы.

Я очень люблю везде, где езжу, вешать на деревья скворечники. И вот я встаю, залезаю на дерево, цепляю скворечник, - и все. Костили до сих пор лежат там. И ухожу в плавание и, слава Богу, до сегодня ничего, здоров. Вместе со мной в больнице лежал молодой парень с таким же диагнозом... До сих пор еле-еле с палочками ходит. Ему железо поставили.

Старая Чукотка. Цветные карандаши; 1987 г.

3 ноября 1998 года. Атлантика.

Религиозное чувство родилось в моей душе очень рано, но почувствовать Господа Бога я смог только в одиночных экспедициях. В своих путешествиях я не был первооткрывателем, как Колумб, Васко да Гама и другие мореплаватели, которые открыли материками, острова, моря и океаны. Мое открытие сугубо личное и самое важное для меня - только для одного человека. Я открыл в себе, что есть Всецеленский творец - Господь Бог. Чтобы Его узреть, мне потребовалось много ночей не спать на дрейфующем льду, висеть на веревках над пропастью в несколько тысяч метров в Гималаях, замерзать и терять сознание от беспощадного холода Антарктиды, переживать и выходить из жестоких штормов в океане. Я с детства этого хотел и искал пути к нему, только не знал, как и какие будут тропы вести к нему, к Создателю. Моя бедная мама чувствовала это, и однажды она с тоской в сердце сказала: "Я боюсь, что ты будешь очень одинок".

- Какое Ваше самое яркое впечатление в жизни, не обязательно связанное с путешествиями?

- Самое яркое впечатление у меня в жизни было тогда, когда я встретил свою жену - Иринушку. И сколько я живу, столько и удивляюсь...

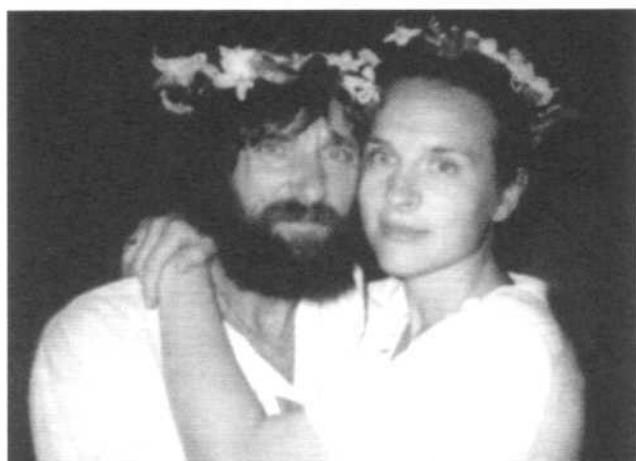
12 окт. 1998 г. Атлантика

...Еще в начале пятидесятых годов я уже чувствовал и сердце подсказывало, что я встречу человека самого любимого и дорогого. Мне все это казалось, и я знал, что будет как в сказках, которые мне читал мой брат Виктор про рыцарей. Там, в волшебных сказках, рыцарь проходит через большие испытания, через дремучие леса, глубокие моря и достигает заколдованного замка, в котором его царевна. Вот и у меня так же, я прошел через горы заснеженные, глубокие океаны, через полярную стужу, чтобы встретить и сказать, что я люблю мою Иринушку.

- Получается, что Вы каждый раз ее открываете для себя?

- Конечно. Я считаю, что если не будет открытия, то это уже привычка. Мы мало бываем вместе, чаще в разъездах.

На фото:
Федор и Ирина Конюховы

11 нояб. 1998 г. Атлантика.

В предрассветное время, когда смотришь на Океан и небо, то чувствуешь Большой простор и свободу. Свободу полета твоей души, а не тела. Здесь, на яхте для тела нет свободы. Наоборот, оно очень зажато, взято в рамки обитания яхты в шестьдесят футов. Тело все время боится и переживает за состояние этих шестидесяти футов, чтобы они не ушли из-под дрожащих ног. Вот почему не многие стремятся в Океан, так как в понятии большинства людей свобода - это свобода действий твоего тела, а не души, воображения, фантазии...

БЕДНЯК - БОГАЧ

- Сейчас значительная часть общества поглощена стяжанием богатства, денег. Люди, наверное, думают, что деньги могут сделать человека счастливым и свободным. Это так?

- Мне кажется, деньги никогда не делают счастливым и свободным. Человек с деньгами становится несвободным. Я буду ходить в экспедиции до тех пор, пока не начну в экспедиции зарабатывать деньги. Поэтому из каждой экспедиции возвращаюсь только с долгами. Это мой принцип. И моя жена говорит: "Чтобы возвращаться только с долгами". Я живу за счёт картин, за счет книг, я работаю в Современном Гуманитарном Университете, я же начальник лаборатории дистанционного образования.

Деньги только обременяют. Они нужны только для того, чтобы сейчас что-то купить. Например, иду сейчас в экспедицию и мне нужны верблюды. Но если ты начнешь на этом наживаться, они тут же тебя и задавят. Это тонкая грань, ее очень важно не перейти. Я никого не поучаю, но если перейду эту грань, погибну. И все время меняю экспедиции. Я знаю в яхте блоки, шкоты. А тут путы, сёдла заказываем, 70 тонн сена покупаем, комбикорм, прививки верблюдам делаем от оводов. Я ничего в этом не понимаю, я тут дилетант, но начинаешь познавать и становишься про-

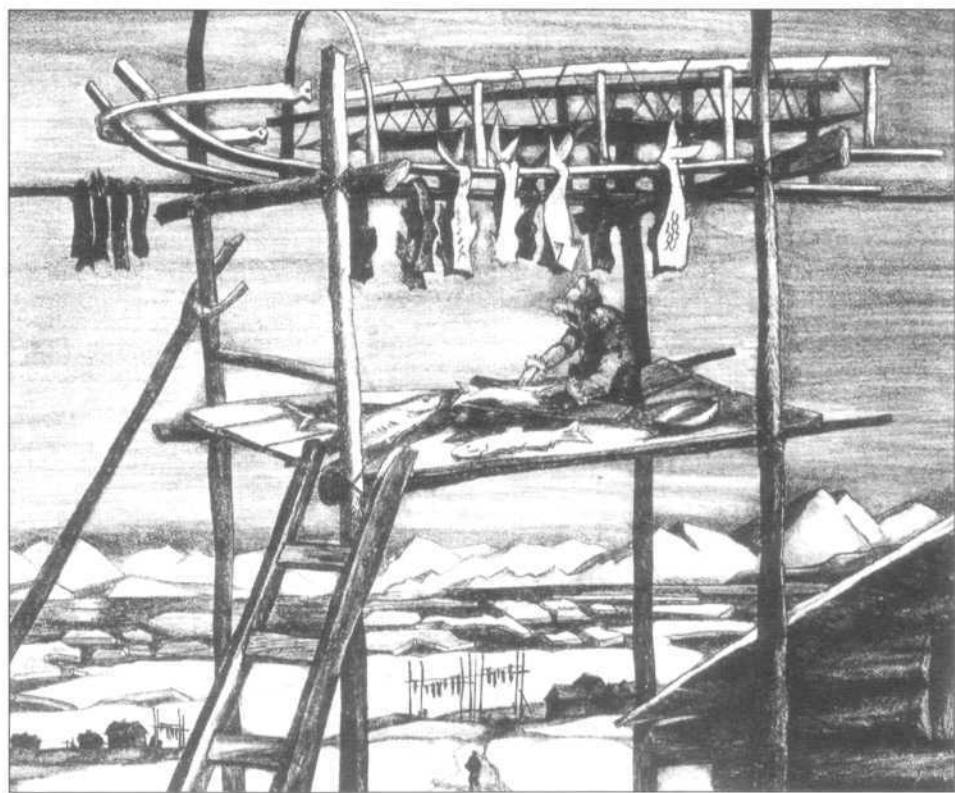
фессионалом. После этого я пойду на весельной лодке, первый раз поплыву. И там я не профессионал, это я ишу для себя такие лазейки.

- Вы убегаете от денег?

- Да, я стараюсь убегать, а они догоняют. У меня нет ни квартиры, ни машины, я живу в мастерской союза художников, это не моя мастерская...

- У Вас нет своей квартиры?

- И никогда не было. У меня жена доктор наук, профессор, она много работает, пишет учебники для Сорбонны, для Англии, на французском и на английском. Однажды вечером говорит: "Федя, мы завтра дома полдня, кофе сделаем". Мы любим утром в турочке кофе сварить. Она говорит: "Давай я тебе сыр запеку". Я говорю: "А где же ты запекаешь?" У нас нет ни микроволновки, ни электродуховки, у нас обычная плита. Она мне говорит: "Федя, как мы бедно с тобой живем, у нас нет стиральной машины, у нас нет плиты!" А я говорю: "Ира, какие же мы с тобой бедные? У нас караван стоит, мы приобрели верблюдов, мы приобрели лошадей, у меня яхту построили, у меня воздушный шар строится, у меня весельную лодку спустили на воду... Да, у нас нет микроволновки, чтобы утром сыр запечь и утром кофе попить с сыром, гренки сделать! Но разве мы бедные?"

Бухта сомнения.
Автолитография; 1984 г.

2 нояб. 1998 г. Атлантика

К концу своей жизни хочется пожить в тиши и спокойствии, недалеко от Лавры преподобного Сергия, ходить по полям и дорогам, по которым он сам ходил, молился и благословлял людей - смиренный инок и собеседник ангелов. На земле Сергиева посада все четыре поры года прекрасны. Там какая-то особенная благодать разлита в воздухе, напоминая об ином, высшем мире и умиротворяя, как песня жаворонка в минуту душевной тревоги. Хочется жить, а не бежать по жизни, разбирать жизнь понемногу, чтобы каждый день откладывался в сознании, что ты его прожил на этой земле. Не бежать сломя голову к линии здешней жизни, а то когда добежишь, то поймешь, что ты так и не увидел и не познал земной жизни...

Морж с острова
Богослов.
Автолитография;
1984 г.

- Фёдор, а Вам не приходило в голову, что Вы баловень судьбы, просто удачливый малый, и судьба каждый раз промахивается, когда целится в Вас снежной лавиной или расщелиной во льду.

- Я так не считаю. Правда, я не говорю - судьба. Я считаю, что мне Господь Бог дал очень много, но Он и спросит с меня. Но я думаю, что если Господь Бог позволил мне в этой жизни прожить 50 лет и ни одного дня я не прожил так, чтобы жалел об этом, ни одного поступка я не сделал, чтобы сказать - зря я это делал. Я хотел писать книги - они издаются, пишу картины - они показываются, задумаю ту или иную экспедицию,

она осуществляется. Я работаю, у меня есть жена, есть дети и внуки.

Я увидел своих внуков, если б ты только знал, какое это счастье! Многие мои друзья не увидели своих внуков, а есть те, кто и детей своих не увидел. Да, Господь Бог дал мне многое и не может все это даром даваться. И я готовлюсь к тому, что Он с меня спросит.

Беседовал Алексей РЕУТСКИЙ

В тексте использованы рисунки и дневники
Федора Конюхова из коллекции коммерческого
банка "Красбанк"

Владимир ГУРБОЛИКОВ

БОГ - В ДУШЕ?

Страницы дневника

Часто слышишь: "Я не иду в Церковь, потому что Бог - Он в душе". Однако мне кажется, только люди очень к себе снисходительные могут так легко сказать, что Бог у них в душе.

Что касается меня... Вот я хотел бы, чтоб в моем сердце Он мог быть, но - что я сделал для этого?.. Бог не может быть во мне, это абсурдно, в той грязи, которую я в себе таскаю, сказать, что у меня в душе... БОГ?!

Да, конечно, без какого-то Его присутствия душа, думаю, просто мгновенно окончила бы существование. Но тогда, если есть в моей душе Бог, то Он там уж точно не один... Как у Достоевского: "Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей", и добавлю, если б так высоко! Я сам и люблю Его, и борюсь с Ним, вот в чём дело.

Поэтому мне нужно признаться: Бога в душе, - в такой душе! - нет, я Его сам изгоняю, обращая постоянно во зло свободу, которую Он мне дал.

Но это сознавать - горько, больно, иногда просто ужасно сознавать такое!

Зачем я иду в Церковь? Ой, как же медленно, словно в страшном сне, словно в замедленной съёмке! - иду я в Церковь, для того, чтобы... Как объяснить?

Когда обнаружили опухоль, я пошел на операцию; мне страшно было ложиться на стол, но опухоль носить в себе - словно растягивать смерть, как резину, - еще страшнее. И после операции, когда знал, что опухоль вырезали, появляется надежда: а вдруг я еще смогу жить? И стало немножко легче при этой мысли. А дальше еще химиотерапия, чтобы попытаться убить эту онкологическую дрянь в лимфе, в крови... Такие сильные лекарства, что тошнит и волосы выпадают... Но когда лекарства эти подействовали, и мне сообщили, что анализы пришли в норму, и появился шанс - я уже благодарил, благословлял врачей

за всё, что они для меня сделали. Хотя бы и за один только шанс выzdороветь...

Я иду в Церковь за своим шансом.

Мне хочется избавиться от того страшного сознания, которое хуже опухоли - что Бога во мне нет, что я не умею и не могу жить так, как только и нужно жить, если хочешь, чтобы Бог...

Церковь - она и больница, и родина, и место, где тебя по-настоящему любят, и где ты учишься любить. Христос, все таинства, вся традиция, порождённая любовью и стремлением к Нему, - я в Церкви словно просыпаюсь и оттаиваю, она даёт силы и поддержку, чтобы стать лучше, даёт надежду, что Бог будет и в моей душе.

Может, и непонятны эти "устаревшие" церковные правила, но что мне предлагают взамен? Модные теории от чудо-голодания до психоанализа, которые претендуют, что могут всё изменить, хотя на самом деле решить главную мою Проблему они неспособны?..

Бога нет в моем сердце-то, и психоаналитик мне Его туда не "вправит". Бога нужно искать именно в Церкви.

Я понимаю, что тут посыплются вопросы: это в Церкви-то, где на тебя накричать могут, деньги потребовать, обзывают друг друга еретиками и еще чего только не делают??

Да, в Церкви. Потому так и оглушительна брань, так ужасно зловоние гноящихся, вскрытых и смердящих, наших израненных душ, оттого так абсурдна наша патологическая нелюбовь, что она - в Церкви! Что Церковь светом своим обнаруживает эти болезни. Я вижу свою жизнь в зеркале иной, святой жизни - и понимаю, что должен быть не таким, совершенно не таким, каков я есть!

Как у Бориса Гребенщикова:

"Как на черном - так чистый, как на белом - рябой..."

Если уберете "белое" - я буду считать себя чистым, и это будет страшная неправда обо мне. Но я-то уже не могу жить во лжи...

"Придите ко Мне, все тружающиеся и обремененные, и Я успокою вас", - говорит Христос. И тянутся к Нему толпы тех, кто почувствовал, что болен, что нет Бога в душе, что душа страдает. Так раненые тянутся в лазарет. Страшная, почти неприличная в своей наготе толпа искалеченных людей, единственное отли-

чие которых - осознание своей увечности, и поиск Врача - Бога в душе.

Отсюда и крик, и грязь - на фоне Красоты. Но Церковь не солярий, не санаторий, а скорее уж фронтовой лазарет. Тут и боль, но тут и надежда...

Может быть, кто-то считает себя вполне здоровым, а другие не знают, что в Церкви лечат.

Может, у многих действительно Бог в душе - говорю это без иронии: что я знаю о Боге и о других людях?..

Гребенщиков спел:

"Мне не нужно награды, не нужно венца,

Только стыдно всем стадом прямо в царство Отца..."

Господи, если бы речь шла о венце, о награде!.. Мне не стыдно, пусть "в стаде", в толпе. Не стыдно. Только бы Бог и вправду оказался у меня в душе, и я был бы жив...

Рисунки Анны КУЗНЕЦОВОЙ

ДВА ИНТЕРВЬЮ О ЯЗЫКЕ

Мы продолжаем разговор, начатый публикацией в 1 (13)'2002 номере "Фомы" статьи Григория Злотина "Урезание языка". Этот материал вызвал бурю откликов. Был представлен весь спектр мнений: от горячей поддержки автора до резко негодующего несогласия с ним (один отзыв мы уже публиковали во 2-м номере журнала за прошлый год). И больше всего негодовали специалисты, которые полагали, что им-то слова в этой дискуссии как раз и не дали. Исправляя эту оплошность, мы публикуем сразу два интервью с людьми, которые, без сомнения, имеют право профессионально высказываться о русском языке и его современном состоянии.

Фото Игоря Палкина

“У НАС ОЧЕНЬ ДАВНО НЕ БЫЛО ПУШКИНА”

**Лингвист Марина Журинская
о современном русском языке**

Журинская Марина Андреевна, окончила филфак МГУ, диплом по хеттологии. Около 20 лет работала в Институте языкознания, в секторе общего языкоznания. Специализация - общая типология, общая грамматика, грамматическая семантика. В течение 10 лет была главным менеджером группы "Языки мира", целью которой было создание общих теоретических принципов описания любого языка и выпуск энциклопедии "Языки мира". Кандидат филологических наук, имеет более 100 публикаций на лингвистические темы. Переводчик с немецкого (лингвистические работы, а также Гадамер и Швейцер). С 1994 года издается и редактор журнала "Альфа и Омега". Член редколлегии сборника "Богословские труды". Одна из недавних статей М.А.Журинской "Сон разума порождает чудовищ", посвященная "новой хронологии" Фоменко ("Альфа и Омега" №№ 2(28) и 3(29)) была опубликована в журнале "Высшее образование в России", №1-2, 2002 г.

СИНДРОМ ГОСПОДИНА ЖУРДЕНА, ИЛИ О БОЛЕЗНЯХ ПОДЛИННЫХ И МНИМЫХ

- Марина Андреевна, опубликованные в "Фоме" материалы по поводу современного состояния русского языка вызвали ряд нареканий у профессионалов. Но ведь и профессионалы также, с одной стороны, ограничены в своих возможностях - есть внутренняя специализация, а, с другой, существуют различные школы, подходы. Даже профессионалы-филологи могут не соглашаться друг с другом по принципиальным вопросам... Разве публикации в "Фоме" не обращают внимание на то, что с современным русским языком что-то происходит...

- Вот Вы употребили слово "филологи", и это очень показательно. На самом деле филологи зани-

мались языком в XIX веке. С тех пор это прерогатива лингвистов. Филологи занимаются совсем другим: изучением и анализом текстов. А лингвистика - вещь, во-первых, очень специализированная, и, во-вторых, имеющая к тому же глубокую внутреннюю специализацию.

Давайте по порядку: сначала о том, что в языке что-то происходит. Есть прецедент, который нужно помнить и по возможности избегать. Это мольеровский мещанин во дворянстве господин Журден, который вдруг обнаружил, что всю жизнь говорил прозой. Его "открытие" справедливо, но вряд ли достойно публикации. В языке постоянно что-то происходит, причем на разных уровнях и по-разному. И говорить об этом нужно серьезно и не по-дилетантски. Конечно, носитель языка может говорить о своих субъективных ощущениях, однако не стоит их выводить на уровень

глобального обобщения. Когда речь идет о специальных вопросах, лучше прислушиваться к мнению специалистов.

- Конечно, в языке всегда что-то происходит - здесь нет никакого открытия. Однако в опубликованных у нас статьях сделана попытка рассмотреть происходящие в языке изменения как отражение изменений в обществе. Иными словами, язык является своеобразной лакмусовой бумагой общественных метаморфоз. Вы согласны с этим?

- Понимаете, мало сказать, что язык развивается или меняется, надо еще понимать, как и почему это происходит. И здесь не обойтись без определенного, простите, теоретического ликбеза. В бытовании языка выделяются некоторые уровни: *система языка, норма и узус*. Система языка - это объект описания академической грамматики. Академическая грамматика - это не та грамматика, которую пишут академики; академическая грамматика призвана зафиксировать максимально полно и максимально научно все моменты в бытовании языка на данном этапе. Норма - это то, в каком виде язык признает правильным, "грамотным" образованное общество, норма всегда отличается от системы. А узус - это языковой обиход, то, как язык реально употребляют. Причем узус - это не полная анархия, не полное своеование. Например, узус позволяет говорить "фээргэ", хотя система требует "эфэргэ". Но мы узуально говорим "фээргэ", что, кстати, соответствует принципу наименованию букв в русском языке: ведь буква называется "эф", а не "фэ" только потому, что названа заимствованным латинским принципом названия букв.

Конечно, узус - это, так сказать, авангард языка, он показывает, в каком направлении язык движется. Дело лингвистов - вводить какие-то нормативные ограничения, потому что основная масса носителей языка, к сожалению, неграмотна. Подавляющее большинство образованной публики понятия не имеет, что такое литературный язык. Считается, что литературный язык - это язык литературы, преимущественно художественной. Это не так. Литературный язык - это письменная норма речи. Подавляющее большинство той же образованной публики тем более не понимает, что такое разговорный язык. Многие считают, что разговорный язык - это блатной жаргон. На самом деле ничего подоб-

ного - это разговорная речь, у которой свои нормы. Даже порядок слов в письменном языке и в разговорной речи принципиально иной. По-другому и быть не может, потому что глаз не так воспринимает последовательность букв, как ухо - последовательность звуков. В устной речи и в письменной речи разное смысловое членение. Но коль скоро элементарные для лингвистики вещи широким сознанием не воспринимаются, то это тоже отчасти отвечает на вопрос: а кто может высказываться по поводу состояния языка?

Приведу еще такой пример: в широких кругах интеллигенции с чрезвычайным почтением относятся к словарю Даля. Рассуждают нередко по такому принципу: "нигде такого слова не найдешь, а вот у Даля оно есть". Но ведь это объясняется чрезвычайно просто. В.И.Даль, замечательный, крайне интеллигентный человек, любивший русский язык и русскую словесность, просто не знал различия между литературным языком и диалектами. В статьях словаря Даля без всякого различия упакованы слова диалектов и слова литературного языка. Но каждый диалект представляет собой отдельную систему...

- А разве в то время специалистам уже было известно это различие?

- Диалектология, насколько я понимаю - я не специалист в этом вопросе - тогда еще была в зародыше. Но это не меняет сути дела. Владимир Иванович подошел к этому материалу с несколько не научных, несистемных позиций.

Теперь о развитии языка и развитии культуры. Каждый раз, когда начинаются сетования о том, что русский язык переполнился иностранными словами (значит, бей космополитов, которые наполняют его этими словами), хорошо бы подумать, о каких словах идет речь - кстати, в статье Романенкова в предыдущем номере "Фомы" есть понимание данной проблемы. Да, лизинг и проч. - это безобразные слова. Но кто виноват? Разве бизнесмен, тем более бизнеследи или, еще хуже - бизнесвумен отвечают за то, что сегодня так говорят? Кто виноват, что слово *купец* десятилетиями имело свойство клейма - за это сажали. Кто виноват, что всякие товарно-денежные отношения были уголовно наказуемы? Я хочу процитировать известного православного певца иеромонаха Романа, у которого есть абсолютно справедливые слова: "Кто

“ У нас очень скверно преподается в школах русский язык - где-то на уровне XVIII века. Хотя программа и предусматривает для какого-то младшего класса различие между звуком и буквой, но это, к сожалению, “проходит бесследно”.

сады свои под топор пустил, тот питается от плодов чужих". Если мы отстаем в какой-то области, а потом начинаем догонять, мы вынуждены вместе с этой областью использовать и мощнейшие пласты заимствованной терминологии. И это не страшно, ведь речь идет о терминах, т.е. словах, у которых есть только одно значение. Другое дело, что не надо пускать термины в расхожий язык. Тут ситуация меняется: если слово живет в языке, то оно обзаводится несколькими значениями. Иностранные слова лишены коннотаций - каких-то побочных оттенков значения, которые позволяют развивать многозначность этого слова.

А заимствованных терминов бояться не стоит. Публицист Максим Соколов, которого я очень люблю, в одном из своих эссе цитирует письмо нашей соотечественницы, радеющей о русской культуре (причем в городе Париже!). Ей очень не понравился услышанный в парижском ресторане разговор новых русских, состоявший из бизнес-терминологии и непарламентских выражений. Поскольку у Соколова хорошее чувство истории, он привел такой пример: если бы боярыня Морозова попала в какой-нибудь голландский кабак, где пировали птенцы гнезда Петрова, она была бы шокирована ровно таким же сочетанием морской терминологии и тех же самых непарламентских выражений. Что до нецензурных выражений - это факт личной культуры и морали, но из таких вот языковых завихрений, из совершенно непонятно откуда взявшимся элементов, из стилистических фигур и лексических корней при нормальном развитии получается что-то даже очень симпатичное. Кстати, Максим Соколов в этом же эссе, описывая словесное буйство петровских загранкомандированных, констатировал: "Через 120 лет на этом языке было написано "На холмах Грузии лежит ночная мгла".

Вообще в вопросе о иноязычной терминологии царит полная неясность и детское непонимание того, что имя вещи нарякает тот, кто ее хозяин, - ведь Бог предоставил Адаму царственное право имяноречения именно в знак признания его человекобожия; другое дело, как человек распорядился этим

своим статусом. То, что изобретатели получают право назвать свое изобретение, - только в порядке вещей, дальнейшее уже вопрос совести: мол, хоть калош мы не выдумали, но *мокроступами* их назвать всегда рады. Возможно, правда, и, так сказать, наименование по ходу дела, когда некая популяция настолько освоила пришедший к ней извне предмет (в широком смысле слова), что нашла для него свое обозначение. Как кажется, сейчас нам в этом отношении особенно похвастать нечем, разве что *триллеры* мы научились называть *ужастиками*, но это сомнительное достижение, равно как и гадкие помеси вроде *сидюшника* (от CD, а вовсе не от *сидеть*, что было бы резоннее). Но здесь есть один момент, ускользающий от сознания туристов: такие вещи не спускаются "сверху" (или сбоку, от энтузиастов с идеологическим подтекстом), а возникают стихийно, в говорящем народе, и им же принимаются или отвергаются. В конце концов, называл же Ходасевич *ремингтонированной бумагой* то, что впоследствии мы легко и просто стали называть *машинописью* (а заодно переименовали бывших *ремингтонисток* в *машинистки*). А может быть, мы скоро и эти слова совсем забудем, потому что пишущие машинки уже отошли в область предания - и тем более мало кто помнит, что в начале их процветания их называли

по фирменным маркам "Ремингтон" и "Ундервуд". Я не хочу сказать, что народ никогда не ошибается, но он по крайней мере не врет и честно показывает в своей речи уровень своих интересов и т.д.

- То есть проблема не в заимствованиях?

- Заимствования приходят и уходят. Если они нужны, они остаются. Недавно у меня был замечательный случай. Я разговаривала с француженкой, очень хорошо знающей современный русский язык. Так вот, она понятия не имела, что такое *амикошонство* (чрезмерная фамильярность, бесцеремонность в обращении - В.Л.). Мне пришлось ей объяснить, что это от французского *ami* (друг) и *cochon* (свинья). А заодно и констатировать, почему это слово исчезло из языка: потому что амикошонство стало нормой общения. То, что было абсо-

“Мы не слышим то, что говорим. Нас не учат отвечать за значение того слова, которое мы произносим, выстраивать свою речь логично, чтобы за *A* следовало *B*. У нас абсолютно не учат отвечать именно на заданный вопрос, а не на тот, на который хочется. И не учат прислушиваться к тому, что говорит собеседник - чтобы понять, что он действительно хочет сказать. В конечном итоге языковая культура - это именно понимание собеседника.”

лютно недопустимо и то, что называлось этим словом - причем называлось в образованных кругах, иначе они не назвали бы это французским словом - стало нормой. И это - факт падения культуры.

Но и вне сферы заимствований в языке постоянно происходят изменения. Некоторые носят характер временный; так, в эпоху троллейбусных кондукторов в Москве звучала возмутительная фраза "*Оплатите за проезд*", подрывавшая принципы глагольного управления - но вот отошли кондукторы, и расточилась фраза (сейчас они возникают снова, но, кажется, пока, по счастью, бессловесны). Меняются ударения в словах, меняются типы склонения - и далеко не всегда от неграмотности, а просто происходит "внутренняя настройка". В процессе упрощения возникают сложности: мы уже не склоняем слово *дитя*, потому что мало кто умеет управляться с его правильным склонением (*дитяти* и т.д.), а неграмотное дитю, дитём все-таки ощущается как недозволенное просторечие. Поэтому получается такое склонение: именительный: *дитя*, родительный: *ребенка* и т.д. Множественное число обыкновенное: *дети*, а *ребята* - это там, где именительный падеж единственного числа *ребенок*. Или вот еще: было слово *бобёр*, склонялось *бобра*, *бобру* и т.д. Теперь в именительном падеже тоже *бобр*. И это нормальный процесс, называемый выравниванием парадигмы, а вовсе не причина впадать в панику и преждевременный траур.

Кроме того, какого расцвета мы вправе ожидать от русского языка, в течение десятилетий подвергшегося надругательству? Вроде бы центральные газеты в нормальном обществе должны преподносить образец литературного языка, пусть и официального (когда-то Лютер положил в основу немецкого литературного языка языковую норму официальных документов Великого герцогства Саксонского и, опираясь на эту норму, перевел Библию - и хорошо получилось). Но кто, будучи в здравом уме и не обремененным необходимостью проводить политинформацию, мог читать передовицы "Правды"? А бесконечные постановления, ре-

шения и прочую документацию? Неудивительно, что руководство страны отличалось косноязычием; скорее это свидетельствует о нормальности этих людей, так и не смогших преодолеть кафкианскую гладкопись официоза.

А русский язык тем временем хранился и развивался в неофициальной, разговорной, обиходной сфере; хранился плохо и развивался уродливо, но уж как получалось. Требовать теперь от него неслыханных высот - в общем-то, лицемерие.

- Марина Андреевна, а в чем, по-Вашему, реальная проблема развития современного русского языка?

- У нас очень скверно преподается в школах русский язык - где-то на уровне XVIII века. Хотя программа предусматривает для какого-то младшего класса различие между звуком и буквой, но это, к сожалению, "проходит бесследно". А это нужно, чтобы вошло в голову навеки. Если бы люди это понимали, тогда и всенародное обсуждение реформы орфографии носило бы более грамотный характер. А ведь прошлую реформу убил народный академик, писатель Леонид Леонов, который выразил бурный

"...У нас очень давно не было Пушкина. Сегодня почти нет писателей, на произведения которых можно было бы ориентироваться как на литературную норму. Те, которые есть, далеко не всегда соответствуют некоторым старым представлениям о речевом этикете. Но что делать - Пушкины по заказу не рождаются. Надо ждать, надо терпеть. Но также нужно, чтобы прошлая языковая культура была нами усвоена, чтобы мы опирались на нее, а не на язык современных газет."

протест по поводу того, что ему придется писать слово *огурцы* через "и". И тогда будет конец света. Но дело в том, что звук "ц" имеет такое свойство, что после него пиши, что хочешь: что "и", что "ы", он будет произносится так, как он может. Он твердый, ему все равно, что после него писать. Та безобразная форма, которой опасался Леонов, могла возникнуть только в случае, если бы слово писалось через "т". Вот для "т" не все равно: *огурты* или *огурти*, но об этом ведь и речи не было. Поэтому прежде, чем народ возьмется выносить свое суждение, хорошо бы знать разницу между звуком и буквой. Тем более в русском языке, где существует такая не вполне тривиальная вещь, как твердые и мягкие согласные, а по-разному пишутся гласные, их сопровождающие. Подобные примеры можно было бы продолжать. Но вывод один: должна быть языковая культура.

- А что она нам дает? Вы все очень интересно и правильно рассказываете, но какая от этого знания практическая польза человеку, если он не лингвист и даже не филолог? Зачем нам эта пресловутая культура речи?

- А чтобы голова лучше работала. Чему, например, также практически не учат в школе? Цивилизованно вести разговор, слышать себя со стороны. Мы не слышим то, что говорим. Нас не учат отвечать за значение того слова, которое мы произносим, выстраивать свою речь логично, чтобы за А следовало Б. У нас абсолютно не учат отвечать именно на заданный вопрос, а не на тот, на который хочется. И не учат прислушиваться к тому, что говорит собеседник - чтобы понять, что он действительно хочет сказать. В конечном итоге языковая культура - это именно *понимание собеседника*. Я много раз была свидетелем печальных дискуссий, как устных, так и письменных, когда спорящие стороны просто не понимали друг друга, придавали одним и тем же словам разные значения или наоборот, говорили об одном и том же, но называли это по-разному и готовы были дойти до мордобоя...

...У нас очень давно не было Пушкина. Сегодня почти нет писателей, на произведения которых можно было бы ориентироваться как на литературную норму. Те, которые есть, далеко не всегда соответствуют некоторым старым представлениям о речевом этикете. Но что делать - Пушкины по заказу не рождаются. Надо ждать, надо терпеть. Но также нужно, чтобы прошлая языковая культура была нами усвоена, чтобы мы опирались на нее, а не на язык современных газет. Ведь сейчас пишут, сами не понимают, что. Недавно я встретила в газете "Известия", которая всегда славилась своей языковой культурой, словосочетание "*долгополая шляпа*". Но помилуйте: шляпа бывает широкополая!.. Так что причем тут заимствования? Если в центральной газете, можно сказать, лучшей из современных газет, употребляется такое безумное словосочетание. И никто не понимает, что оно безумное...

БОЛЬШЕ ЯЗЫКОВ. ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

- Марина Андреевна, очень хотелось бы поговорить еще вот на какую тему: особенности русского языка. В чем его специфика и преимущества перед другими языками?

- Наверное, мой ответ кого-то огорчит... Но всякие рассуждения о духе языка, о красивых и некрасивых, богатых и небогатых языках, все эти и подобные внешние высказывания о языке весьма печальны. Тут не пахнет никакой наукой, никакими научными фактами. Это, в общем, гегельянство. Гегельянство, которым был заражён Вильгельм фон Гумбольдт. И Гегель и Гумбольдт были куми-

рами определенной части образованного общества первой половины XIX века. И оттуда все пошло. Что такое дух языка, не знает никто; это не религиозное и не научное понятие. Но все употребляют это выражение. Естественно, поскольку за ним не стоит никакой реальности, каждый и употребляет, как хочет.

...Красивый язык, некрасивый язык. Но тут неприменимы никакие эстетические оценки. Богатый язык, бедный язык - это тоже всё чепуха. Каждый язык выражает то, что нужно выражать человеку. Вот тут, кстати сказать, и кроется причина заимствования. Ежели вы заставите говорить о высшей математике эскимоса или какого-нибудь мексиканского поденщика, говорящего на великолепном испанском языке, они провалятся. Не потому, что один говорит на испанском, а другой на эскимосском. А потому, что они в высшей математике ничего не понимают. Когда народ обращается к какой-то сфере деятельности, он быстренько развивает соответствующую лексическую сферу. Делает он это из корней собственного языка или заимствует - это его дело. Он делает так, как ему, народу, удобно. И так, как язык это позволяет.

- А можно ли с этой точки зрения говорить о специфике разных языков, связанных с развитием той или иной области культуры?

- Но это же общее место. У тех же северных народов существует такое количество слов, обозначающих то или иное состояние снега, что нам и не снилось. В арабском существует такое огромное число эпитетов, описывающих то или иное качество верблюда, что нам просто никогда не понять, кому это нужно. В языке одного из африканских народов существует тридцать названий особенностей походки.

Я очень люблю у Честертона одно высказывание: если об одном и том же человеке говорят, что он и великан, и карлик, посмотрите, кто говорит: вполне возможно, что великаном его называют карлики, а карликом - великаны, а он человек нормального роста. Поэтому оголтелые рассуждения с плеча о богатстве и бедности языка, о "способностях" и "неспособностях" того или иного языка, - это все от лукавого.

- Но разве мы не можем говорить о семантическом богатстве языка. Я где-то читал, что самый семантически богатый язык - древнееврейский, потом идет древнегреческий и т.д.

- Я уже говорила, что всякий язык обладает внутренними ресурсами для того, чтобы выразить все, что нужно людям, говорящим на этом языке. Богатство семантики, как я отмечала раньше, связано с тем, что в культуре есть какая-то область специализации, там возникает масса терминов, но это переходный случай к терминологии...

Не надо становиться *над* языками. Все мы - носители какого-то языка и должны точно помнить, что мы смотрим на мир глазами носителя этого языка и свой язык нам, если хотите, ближе к мозгу, как своя рубашка ближе к телу. Не надо делать вид, что мы можем воспарить над ситуацией.

- А если взять язык богослужения?..

-...То не нужно путать языковую семантику и литургическую. Это разные вещи. Литургическая традиция - это великая таинственная, мистическая, духовная традиция Церкви. И дело здесь не в том, что русское *Господи, помилуй* не отражает всего богатства греческого *"Кирие элейсон"*. На самом деле еще как отражает! Православные англичане и американцы вообще поют *Lord, have mercy*, - и что же, думаете, Бог их не понимает? Просто, когда мы говорим *Отче наш* вместо *папочка* (как иногда предлагаю), тогда мы вливаемся в ту самую великую традицию, мы находимся внутри Единой Святой Соборной Апостольской Церкви во времени с момента ее возникновения. Тогда мы молитвенно соединяемся со всеми нашими предками - и не нашими, но христианами, которые молитвенно произносили эти слова много веков назад. В этом значимость сакральных языков. Это не языковая значимость.

- Не получается ли здесь некоего противоречия: если мы говорим, что вступая в сферу религиозной литургической практики, мы уже не говорим о собственной лингвистической ценности языка, но о некоем сакральном пространстве, то не будет ли в таком случае наиболее последовательной позиции Католической Церкви до второго Ватиканского Собора, когда везде следовало служить на латыни? То есть, либо мы переводим службу на местные языки или, скажем сегодня, на русский, либо нам возвращаться к греческому?

- Во-первых я не говорила, что, когда мы вступаем в сферу богослужебного языка, для нас языковая семантика уже ничего не значит. Она значит ровно то же самое, что в любом другом словоупотреблении. Но она уже не доминирует. Во-вторых, ровно то же самое, что я говорила об изучении русского языка, следует сказать и об изучении церковно-славянского... Сакральный язык - иной, нежели язык народа, это нормальное явление.

- Под сакральным языком вы понимаете?..

- Язык богослужения. Вот для индийского буддизма сакральным языком будет язык пали, а не санскрит. Для хеттов языком богослужения был палайский, чужой для них. Это некоторое стремление отделить сакральный язык от профанного. Смысл его - в избавлении от коннотаций, то есть в употреблении тех слов, которые не связаны в повседневном языковом обиходе с массой явлений. Не обязательно, чтобы явления эти были низменными. Просто иногда их слишком много.

Но, прости, как же у нас учат церковно-славянский язык! Еще хуже, чем русский. Я имею в виду не преподавание, а именно изучение как уровень усвоения. Почему? Потому что нет базы, навыка изучения языка. Он должен появляться еще в начальной школе, когда следует прививать понимание того, что есть язык для человека. Человек, которого хорошо обучили русскому языку, прекрасно выучит церковно-славянский, а также всякие другие языки. А то, что нередко происходит у нас - это настоящая катастрофа! По пятнадцать лет, начиная со школы, наши специалисты с высшим образованием учат иностранный язык и не знают его. Сегодня этим пользуется дикое количество шарлатанских фирм. "Английский язык за 59 часов!" Да нельзя выучить язык за 59 часов. Ни английский, ни любой другой. Невозможно. А все от того же: от отсутствия элементарной языковой культуры, от отсутствия сознательного навыка употребления языка. Языковая культура вовсе не в том, чтобы "запузыривать" слова, которые остальные соотечественники не понимают, но в том, чтобы самые простые слова употребить грамотно, по делу и со смыслом, чтобы строить свою речь так, чтобы она была понята.

- Марина Андреевна, ну нет у нас Пушкина сейчас. Но разве это означает, что нам следует ориентироваться на наше светлое прошлое?

- Нет, конечно. Но помнить мы его должны. Сейчас мы вынуждены интуитивно определять ту литературную норму, на которую мы ориентируемся. А Пушкин был всеобщим эталоном. После него такого не было, а может, уже и не будет. А может, и не нужно больше... Скажем, был ли кто-нибудь в чисто языковом отношении для англоязычного мира настолько же значим, как Шекспир? Может быть, такое бывает раз в истории культуры. Но важно знать, что оно есть.

Это то, что мы должны хранить в своем сознании как свое наследие. То самое - "На холмах Грузии лежит ночная мгла". В свое время, если грузинская княжна не знала как следует "Витязя в тигровой шкуре" и не имела списка рукописи этой поэмы в своем приданом, шансы ее на замужество были весьма невелики. И сегодня я считаю, что недоразвита та девушка - культурно, душевно недоразвита, - которая не обмирала над "Евгением Онегиным", не сочувствовала Татьяне, не причитала над этой дурацкой дуэлью, у которой внутри всё не останавливалось от слов: "уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блестало..."

**Беседовал Владимир ЛЕГОЙДА,
фото Игоря ПАЛКИНА**

ЛЕВ СКВОРЦОВ:

“ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК – ЭТО ХОРОШО НАСТРОЕННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ”

Скворцов Лев Иванович, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, действительный член Академии Российской словесности. Проректор по научной работе и заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. Горького, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО (У) МИД России. Окончил МГУ в 1958 году. Ученик и сотрудник С.И. Ожегова, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, Н.М. Шанского. В 1958–1993 гг. – научный сотрудник, зав. сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР (теперь Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН). Специалист в области современного русского языка, культуры речи, социальной диалектологии, теории и практики лексикографии. Автор книг: “Теоретические основы культуры речи” (1980 г.), “С.И. Ожегов” (1982 г.), “Основы культуры речи. Хрестоматия” (1984 г.), “Культура русской речи. Словарь-справочник” (1995 г.), “Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи” (1996 г.) и др., многих статей и обзоров, опубликованных в научных периодических изданиях в России и за рубежом.

- Лев Иванович, существуют ли в жизни языка такие признаки, по которым можно судить об изменениях в обществе, о нравственном росте или деградации?

- Прежде всего нужно сказать, что язык живет по своим внутренним законам, обладает некоей собственной автономностью. Но он, конечно, существует в обществе и обслуживает общество, и поэтому не может быть оторван от людей и событий. Язык отражает состояние общества, его культуры и мировоззрения в различные периоды жизни.

Например – словарный рост языка, грамматические изменения... Все это может быть связано как с техническим прогрессом, так и с нравственным регрессом. При этом язык, отражая подобные изменения, ведет себя самостоятельно. Скажем, исходные значения слова с течением

времени могут как бы затуманиваться, на них могут наслаждаться новые временные смыслы. Но при этом исконный все равно остается постоянным – как ядро в орехе, как плазма в пламени. Самый простой пример из современных: появившееся в результате обсуждения проблем терпимости и многообразия в современном мире понятие “многополярности”. Но язык этому сопротивляется, потому что полюсов бывает только два: “плюс” и “минус”. Равновесие всегда является плодом этой разницы противоположностей. Так же любая система, которая находится в равновесии, всегда является двухполюсной. После распада СССР, когда Россия перестала быть сверхдержавой и начались разговоры об “однополярности”, то “одно-” стали противопоставлять “много-”. Но язык этому сопротивляется, потому что “многополярности” нет и не может быть: трех, пяти, десяти полюсов просто не бы-

вает! Язык всегда сопротивляется искажению, он всегда сам собой управляет, сам себя поправляет – то есть язык “умнее” каждого из нас и “умнее” общества, которое им пользуется...

– Разделяете ли Вы существующее мнение о том, что в наши дни русский язык гибнет, вымирает и т.п.?

– Когда я прочитал опубликованные в предыдущих номерах “Фомы” статьи Г. Злотина и polemiziruyushchego s nim Ю. Романенкова, я подумал о том, что от траурных интонаций или дифирамбов языка не убудет и не прибудет. Ведь с нами всегда будет своего рода открытая сокровищница... Древнейшие летописи – “Повесть временных лет”, “Слово о законе и благодати” митрополита Илариона, “Слово о полку Игореве” – все это сохраняется, и, в переводах или без них – это наша сокровищница. И вот с этой общей сокровищницей мы иногда сопоставляем то, что слышим в повседневном обиходе – и в результате говорим о том, что “язык измельчал, народ онемел...” Ну как это – народ онемел?! Ведь у народа есть писатели, появляются и живут современные байки, анекдоты, какие-то меткие словечки! Здесь я согласен с Юрием Романенковым: народ, конечно же, не онемел.

Но в жизни языка есть этапы бурного и замедленного развития. Язык развивается и живет по собственным законам, следует определенным закономерностям. В те периоды, когда наблюдается определенное раскрепощение – нормативное, моральное, нравственное, и так далее – язык просто убыстряет темпы своего развития, но направление его движения не изменяется. Это как река, на которой можно открыть плотину – и она потечет более полно, но русла не сменит. Наше время связано со сломом определенных социальных и экономических отношений, и язык от этого, конечно, меняется – потому что язык, словно зеркало, отражает то, что в обществе происходит. И когда забыты определенные рамки нравственности, приличий и отношения к чистоте речи, когда в нее устремляются потоком иностранные слова – язык перемалывает это и может “переболеть” подобными вещами. Этот процесс может длиться десятилетиями, что вовсе не означает, что мы присутствуем при некоей деградации языка – отнюдь. Хотя, безусловно, существует опасность, которая может быть связана с обстановкой, с переходным этапом, который слишком затянулся – на 10, на 15 лет...

– А в чем, на Ваш взгляд, особенности современного состояния русского языка?

– Каждый период существования языка, его бытования, выделяет определенные вещи, которые по-своему характеризуют этот период. Наше нынешнее состояние связано с тем, что, с одной стороны, происходит огрубление, снижение стиля литературной речи (можно сказать, что это внутренняя проблема). С другой стороны, усиливается внешнее влияние, связанное с социальными переменами (наплыв иностранных слов, например). Но когда мы говорим об огрублении языка, мы должны помнить, что в принципе язык в состоянии все перемолоть и отобрать то, что ему нужно.

Существует тенденция, берущая начало в древности – тенденция взаимного уравновешивания книжного, церковно-славянского языка и разговорной речи – стихии живого языка. Бывают периоды, когда происходит усиление книжности, – тогда язык застывает в неких формах – классических, например, или романтических. Оживает же он всегда своими диалектами, разговорной речью. В этом смысле А.С. Пушкин завершил то, что в языке шло после классицизма – то есть соединение классического стиля с разговорной речью. И в этом смысле он реформатор, который очень сильно способствовал тому, что называется демократизацией языка.

– Вы уже упомянули публикации, которые, собственно, и стали поводом для нашей беседы. А не могли бы Вы более подробно рассказать о том, какое впечатление произвели на Вас эти статьи?

– Мне сложно принять ту тональность обсуждения проблемы, которую предложил Григорий Злотин. Здесь не должно быть трагизма. Он правильно говорит о том, что мы частоываем неразборчивы. “Мы” – это прежде всего интеллигенция, образованные люди... Но паники быть не должно. Григорий Злотин замечает, что “может сложиться так, что мы в переводе будем читать “Евгения Онегина”. А я вот подумал: в какой-то степени такой финал, пусть даже вызывающий и парадоксальный, звучит дурным прогнозом, и предупреждением, потому что если мы откажемся от своей родной стихии – от русского языка – и перейдем на общемировой английский, то нам ведь действительно придется читать Пушкина в переводе с английского языка... Надеюсь, что так не произойдет.

Нельзя идти на поводу у речевой стихии. Огрубление языка может быть отчасти связано с тем, что называют демократизацией. Но лишь отчасти. Нередко это – не демократизация, а разлив сора там, где его не должно быть. Ведь наш язык – это еще и представитель культуры, а

культура - это всегда небольшой обработанный слой. Небольшой, как озоновый слой вокруг Земли, но самый интеллектуальный - и предназначенный для сохранения накопленных форм духовной культуры, для того, чтобы эту традицию продолжать дальше.

Еще одно явление - те самые заимствования, о которых уже шла речь. Г.Злотин приводит списки этих заимствований, причем списки довольно впечатительные. Но если разобраться в их структуре, то окажется, что все не так уж и страшно. Дело в том, что в этих списках в одном ряду стоят термины узкоспециальные - спортивные, экономические, военные, общеполитические и другие, и в то же время - те слова, что уже практически освоены языком, либо слова, употребляемые в определенных узких сферах. Да пускай они там существуют! Если у нас в стране изменился строй, если мы входим в общемировой рынок со своими представлениями о бизнесе, о политике, то связанная с этим терминология становится общей. И тот, кто занимается определенной областью культуры, всегда имеет дело с узкоспециальной терминологией. Но она существует именно в таких сферах и обслуживает только их. Сводить все вышеперечисленное воедино просто неразумно. Это с одной стороны.

С другой стороны, в разговорной речи тоже бывают такие "перехлесты": например, вместо "саммита" можно было бы говорить "встреча на высшем уровне", "встреча в верхах" и так далее. Однако не в этом дело. Если что-то терминологически принято в определенной сфере - сфере международных отношений, например, - то пусть будет этот "саммит", ведь он никому не мешает.

Таким образом, заимствования - это очень неоднозначная проблема, и их количеством мы ничего здесь не докажем. Дело в том, что язык - это очень сложная, дифференцированная, внутренне

организованная структура с разными ячейками, стилистическими сетками и т. д. И это нужно хорошо понимать, а не говорить о "языке вообще".

- А что тогда, на Ваш взгляд, представляет реальную угрозу для развития языка?

- Язык отражает мировоззрение нации, народа. Например, сегодня много говорят о глобализации. Вроде бы все понятно и правильно: в ракетно-ядерное время, когда мир пережил две мировые войны и холодную войну, человечество является единым организмом: все мы живем на небольшой планете, которая может быть разрушена созданными нами термоядерными силами. И са-

моощущение человека как землянина - это здоровая, нормальная глобализация: понимание того, что Земля - это наша родина, и ее надо с呵护ять.

Однако нередко происходит подмена понятий, не всегда заметная и ощутимая. А если допустить, что эта подмена совершилась намеренно, то налицо - серьезная опасность. Речь идет о такой позиции, когда под глобализацией понимается подчинение одному языку, одной нации, одному культурному укладу - потому что это "прогрессивно", "эффективно для управления миром" и т.д. Многие языковеды считают, что многообразие мира связано с многообразием националь-

ным и языковым. Я с этим согласен. Понимание единства Земли должно преломляться через это многообразие, многоцветие языков и культур. И если глобализация будет проходить как наследование общих культурных понятий в музыке, танцах, литературе и т. д., если национальные языки будут уничтожаться, вымирать, как многие виды растений и животных, то мы можем потерять многообразие. Преимущество крупных языков - в том, что, даже становясь мертвыми (как древнегреческий или латынь), они сохраняются как духовная ценность. Сохраняются тексты, элементы, которые становятся частью современ-

“Многие языковеды считают, что многообразие мира связано с многообразием национальным и языковым. Я с этим согласен. Понимание единства Земли должно преломляться через это многообразие, многоцветие языков и культур. И если глобализация будет проходить как наследование общих культурных понятий в музыке, танцах, литературе и т. д., если национальные языки будут уничтожаться, вымирать, как многие виды растений и животных, то мы можем потерять многообразие.”

ных языков. Они подсказывают нам тот источник, прайзик, который был в самом начале, возвращают нас к истокам.

Другая сторона этой проблемы - опасность раствориться в других культурах, потерять свое лицо, свой взгляд на этот мир. Поэтому "мирное" отношение к заимствованиям не может быть беспредельным. Нарушение тонкой грани способно повлечь за собой разрушение национального самосознания, потому что в лексике, в языке живет сознание того народа, который говорит на этом языке. Если заменить "более развитым" языком другие, то последние потеряются, а ведь каждый из них - самостоятельный организм, который растет и развивается, имеет свои находки и достижения.

Глобализация не должна приводить к тому, чтобы всех стричь под одну гребенку, делать все утилитарным, стандартным, однообразным. Потому что однообразие, однополярность - это конец системы. Однополярность губительна в своей неустойчивости.

Сторонники глобализации часто говорят об общечеловеческих гуманитарных ценностях, но ведь общегуманитарные ценности складываются из ценностей разных народов, разных людей!

Они вовсе не создаются в голове одного человека, чтобы затем подогнать под один стандарт все остальное. Таким образом, можно сказать, что основная задача - это сохранение многообразия духовного, которое есть в каждом языке.

Конечно, идет процесс взаимовлияния культур, и это взаимовлияние не проходит стихийно. Люди, заботясь о культуре (есть понятие стихийной культуры, а есть - цивилизованной, то есть той, к которой люди приходят на определенном этапе своего развития), должны понимать: культурный слой, который копится веками, не камнеет. Он может быть довольно быстро выдуть, может случиться эрозия - и мы потеряем все, что накопили.

- Существует ли своего рода обратная связь? Общество влияет на язык, формирует его, но сам язык как самостоятельная единица влияет ли на сознание людей, способен ли формировать его? То, как мы говорим - влияет ли на то, кем мы являемся?

- Обязательно! Связь здесь самая что ни на есть прямая. Когда мы слышим что-то о языковом "снижении", это всегда бывает связано с нарушением того, что называется общественным языковым вкусом. Потому что если мы будем постоянно слышать то, что в музыке называется какофонией, то перестанем это осознавать. Мы будем думать, что по-другому и быть не может. Но, слава Богу, и в жизни, и в музыке рядом с какофонией существует мелодия.

И вот эта мелодичность - здесь мы приходим к очень интересной вещи - абсолютно недоказуема, но понимаема всеми. Изящное, правильное построение речи ласкает слух и душу. Сложно объяснить, откуда это берется, но это то, что присуще человеку.

В свое время академик Л.В.Щерба сказал, что литературный язык можно сравнить с хорошо настроенным музыкальным инструментом. На нем можно играть сложнейшие мелодии, но для

настройки этого инструмента нужен мастер. Расстроенный язык можно сравнить с расстроенным инструментом: он может быть необработанным в стилистическом плане. Конечно, мы можем думать, что незачем нам все эти смысловые и стилистические тонкости, ведь мне главное - пообщаться, меня поймут. Но обработанный язык со своей стилистической вершиной существует как великолепный музыкальный инструмент, который можно использовать для передачи тончайших нюансов мысли, движения чувств, отношений между людьми...

Когда мы забываем об этом, инструмент расстраивается. Однако если расстроенный музы-

“

Этот язык отражает наше время, определенную моду, стиль эпохи - в широком смысле слова. Это именно то, что называют "центонность" - "лоскутное одеяло" в дословном переводе, по-нашему - цитатность. Например, тот же Акуин весь построен на стилизациях, каких-то перепевах. В этом - вся наша эпоха. Однако можно сказать и так: это мода - а мода всегда преходяща. На смену модернизму приходит постмодернизм, а тем не менее сохраняется тяга к психологическому реализму, скажем так - неореализму, новому реализму.”

кальный инструмент можно довольно быстро настроить, то "расстройство" стилистической отработанности языка, которая создается веками, чревато тем, что мы теряем язык, который является способом выражения наших чувств, мыслей и отношений.

- Если говорить о современном литературном языке - том, на котором сегодня пишут, - то как его можно охарактеризовать?

- Этот язык отражает наше время, определенную моду, стиль эпохи - в широком смысле слова. Это именно то, что называют "центонность" - "лоскутное одеяло" в дословном переводе, по-нашему - щитатность. Например, тот же Акунин весь построен на стилизациях, каких-то перепевах. В этом - вся наша эпоха. Однако можно сказать и так: это мода - а мода всегда преходяща. На смену модернизму приходит постмодернизм, а тем не менее сохраняется тяга к психологическому реализму, скажем так - неореализму, новому реализму.

- В последнее время в разговорной речи все чаще встречаются нецензурные выражения: и в литературе, и в разговорах на улице. Можно ли это принять - или как этому противостоять?

- Принять это невозможно. Противостоять - необходимо. Мириться с непристойностью нельзя. Здесь мы вплотную подходим к нравственной стороне предмета нашего разговора. Ведь язык издревле напрямую связан с человеческой душой, с человеческим нравом... То, о чем Вы говорите - нецензурщина - существовало всегда, но сейчас этого стало больше. Есть люди, которые не слышат за собой ругательств, не понимают того, что загрязняют нашу ноосферу в прямом, экологическом смысле этого слова. Ведь наши мысли и слова не исчезают. Они существуют в каком-то другом измерении, и они обитают вокруг нас. У Достоевского в свое время была зарисовка на тему мата из серии "Маленьких заметок на большую тему" (в "Дневнике писателя" за 1873 год). Идет человек в Пасхальное воскресенье и проходит мимо мастеровых, которые через слово матерно ругаются. Их было четверо: трое постарше и один помоложе. Молоденький попытался вмешаться в разговор старших и тоже матюгнулся. Так вот, старшие остановились, посмотрели на него и строго так спросили: "Ты чего орешь, глотку дерешь? Мал еще!". То есть за собой-то они матерщины не слышат, а за другими - да, при этом не одобряют ее.

- Каково же основное назначение этого пласта языка?

- Этот пласт языка изначально нес в себе функцию резкой словесной обороны. У меня есть статьи, в которых объясняется, в частности, что брань и оборона - однокоренные слова. Бранясь, человек себя обороняет. Не случайно до принятия христианства существовал языческий обычай ругаться, чтобы с помощью ругани прогонять злых духов. Матерились, например, на свадьбах - для того, чтобы не сглазили молодых. То есть у ругани было некое ритуальное предназначение... Ну, и конечно, выброс эмоций, снятие "напряжения": ругнулся, вроде бы и полегче стало.

- Почему же со временем акценты так сместились?

- С пришествием христианства некоторые ругательства обрели богооборческий характер. Христианские храмы зачастую строились на месте старых, языческих - и на их стенах часто царапали оскорбительные надписи в знак неприятия новой религии.

Есть мнение, что мат появился вместе с татаро-монгольским игом, но существуют и свидетельства того, что это явление имеет домонгольские корни и распространялось как раз в X-XI веках - на почве распространения христианства. Язычники стремились продемонстрировать свое презрение по отношению к догмату о чудесном рождении Христа, опровергнуть, осквернить и испоганить новую веру. Получается, что затертые, ставшие общеупотребительными словечки на самом деле несут в себе богохульное оскорблениe - причем даже не в адрес твоей собственной матери, а в адрес Богородицы. Не случайно Церковью когда-то была установлена уголовная ответственность за матерную ругань в общественных местах - вплоть до каторжных работ...

Рассмотрим само слово "мат". Его корень - "ма" - означает "кричать громко". Можно кричать "благим матом" - а можно выражаться непристойно, неприлично. Мат - это крик, который не должен быть произнесен человеком, потому что "благим матом" кричит самец, подзывая самку, - а человек, согласитесь, не должен вести себя как животное... И тут, как всегда в языке, в основе лежит нравственное начало. Оно помогает нам выстоять.

Беседовала Елена КОГТЕВА,
фото Игоря ПАЛКИНА

**Митрополит Антоний
Сурожский. ТРУДЫ.
Составитель
Е. Л. Майданович.
М.: "Практика", 2002 г. -
1080 стр., 51 илл.**

"Богословие митрополита Антония в высшей степени современно и в то же время глубочайшим образом укоренено в святоотеческой традиции. Его язык - простой, яркий, емкий - доступен всякому читающему, но говорит он при этом о самых сложных и существенных вопросах человеческого бытия. Центральной темой его является встреча человека с Богом. Это глубоко личная тема для Владыки Антония: его путь к Богу начался с того, что в возрасте четырнадцати лет он встретил живого Христа, и с тех пор он живет опытом этой встречи, радостью об этой встрече, живым ощущением присутствия Спасителя. Христианство открылось ему как религия личного, живого Бога - того Бога, Который относится к человеку не только с любовью, но и с уважением, Который солидарен с человеком, Который верит в человека, даже если человек утрачивает веру в Него. И этим опытом встречи с Богом живым митрополит Антоний делился со своими современниками, помогая тысячам людей найти свой путь к Богу", - из этих слов вступительной статьи, написанной епископом Иларионом (Алфеевым), можно понять, что данный сборник будет интересен и доступен не только православным, но и более широкому кругу читателей.

Под одной обложкой собраны многочисленные беседы, проповеди, диалоги митрополита Антония Сурожского, ранее издававшиеся в отдельных брошюрах и книгах. Кроме того, издание содержит много новых, никогда не публиковавшихся материалов, цветные фотографии, комментарии, библиографию, указатель имён и тематический указатель.

"Я не верю, что можно спорить о религии. Единственная сила, мне кажется, которая может убедить, - это чтобы человек увидел, что вера другого человека рождает такую глубину любви, такую глубину понимания, такую верность, из которой появляется способность терпеть и оставаться лояльным, никогда не терять терпения, не говорит: я же на тебя потратил столько времени - ну и довольно, ищи кого-то другого. Иногда это занимает годы и годы... Спор о религии большей частью (как спор о чем угодно) только прибавляет тему неудовлетворенности, неполноты жизни человека. А алкоголизм, как и наркомания, как распутство, как преступность, большей частью рождается от чувства неполноты и от попытки забыть эту неполноту или ее чем-то заменить. Надо найти какой-то способ дать человеку, каков бы он ни был, сознание полноценности" (стр. 925).

**Юлия Вознесенская.
Мои посмертные
приключения.
М., Лепта, 2002 г.**

"Я пролетела мимо реанимации и завернула за угол коридора. Здесь был уголок для посетителей: журнальный столик, диван и два кресла. В одном из них сидела моя подруга Наташа и разговаривала с кем-то по мобильному телефону, проливая обильные слезы и жадно куря сигарету. Конечно, разговор шел обо мне:

- Врачи сказали, что надежды практически нет. Бедная Анька! Я всегда знала, что этот брак кончится катастрофой..." ("Мои посмертные приключения", стр. 15.)

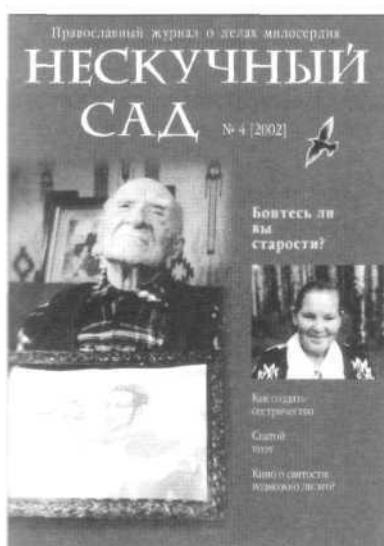
Художественный вымысел автора Юлии Вознесенской ни в коем случае не следует считать учением Православной Церкви о мытарствах и загробной жизни. Это не догматическое, не богословское сочинение, а назидательная и при этом очень захватывающая повесть (скорее всего, рассчитанная на женскую аудиторию).

При чтении книги есть опасность воспринять все описанное буквально, поэтому уместно здесь привести предостережение английского писателя Клайва Льюиса, которыми он предваряет свое сочинение подобного рода - притчу о путешествии в загробный мир "Расторжение брака": "Прошу читателя помнить, что перед ним - выдумка. Конечно, в ней есть нравственный смысл... Но сами события я придумал и ни в коей мере не выдаю за то, что нас действительно ждет. Меньше всего на свете я пытаюсь удовлетворить любопытство тех, кого интересуют подробности загробной жизни".

"Посмертные приключения" - это не откровения о жизни после смерти. Повесть полезна своей нравоучительностью - не ханжеской, не слащавой, а логично объясняющей, что загробная участь человека - это не наказание от Бога, а результат прожитой жизни, в которой каждый поступок, каждый сделанный выбор является шагом либо к раю, либо к аду.

"Без любви к Богу ты не сможешь жить в мире Его любви. ... Все прежние страсти, не изжитые тобой при жизни, оживут в тебе и начнут действовать. Рай покажется тебе пресным и скучным, и ты не сможешь с этим бороться и впадешь в уныние. Ты завянешь, как растение, не имеющее собственных корней, как сорванный цветок в воде: как его ни лелеяй, он обречен на гибель", - говорит герой повести ее Ангел-Хранитель. ("Мои посмертные приключения", стр. 139.)

Подготовила Вероника БОГДАНОВА

“Нескучный сад” - православный журнал о делах милосердия

Боитесь ли вы старости?

“Старость меня не пугает, а, если так можно выразиться, интригует...”

“Я боюсь старости как постепенного схождения на нет, постепенного угасания...”

“То, что я читал о воскресении из мертвых, говорит о том, что человек тогда приобретает вид молодого человека цветущих лет. Это символ того, что душа вчна, значит, нет процесса старения...”

А как ответили бы на это вопросы вы?

СТАРОСТЬ – тема нового номера православного журнала “Нескучный сад” – первого издания, целиком посвященного делам милосердия и социальному служению Церкви.

Мы попытались разобраться, что меняется в человеке с приходом старости. Какие перемены неизбежны, а что зависит от нашей жизни? И где старый человек, оставшийся один, может найти помощь?

Читайте в номере:

Как мы стареем.

Тело, психика, душа – что происходит с ними в старости.

Богадельни и дома престарелых: история и современность.

В современной Москве домов престарелых в 10 раз меньше, чем сто лет назад.

Старик и город.

Какие трудности подстерегают старого человека в современном городе.

Леди выходит на пенсию.

Помощь пожилым в Великобритании.

А также

Женщины в заключении:

в роддом под конвоем, крестный ход по крыше и другие подробности.

Удивительная жизнь Павлина Милостивого – епископа и поэта.

Можно ли снять кино о святых?

Путешествие по святым местам: Екатеринбург и Алапаевск.

И многое другое.

Спрашивайте в магазинах православной литературы!

Заказывайте журнал по тел. 246-74-92.

С материалами предыдущих выпусков журнала можно познакомиться на сайте

Свято-Димитриевского сестричества: www.vstrecha.glasnet.ru

Через наш журнал можно задать вопросы священникам, медикам, психологам, педагогам.

С редакцией можно связаться – по телефону: 237-58-53

- по электронной почте: vstrecha@mtu-net.ru.

В.Д. Поленов.
Христос и грешница.
1886-1887, Русский музей,
Санкт-Петербург

"Иисус же пошел на гору Елеонскую, а утром опять пришел в храм, и весь народ шел к нему. Он сел и учил их.

Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди,

Сказали Ему: Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии, А Моисей в законе заповедовал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания

Когда же продолжали спрашивать его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень

И опять, наклонившись низко, писал на земле

Они же услышав то и будучи обличаемы совестью стали уходить один за другим, начиная от старших до последних, и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди

Иисус восклонившись и не видя никого кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто Господи Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши!"

Евангелие от Иоанна, глава 8, стихи 1-11

ДАР

Он на камне сидел
И чертил на песке письмена
Рассосалась толпа
И осталась одна лишь она
И ждала Его слов
Задыхаясь то хладом, то жаром...
И сказал...
И слова Его были тихи
Это было впервые
Когда отпустили грехи
На земле и на небе
Без жертвы
Без выкупа
Даром.

Марина ЛОЗИНСКАЯ

Ст. Сташкевич

КУКУШКА, КУКУШКА...

История болезни в десяти зарисовках

1.

- Алло.
- Привет.
- Несколько секунд паузы.
- Привет.
- Только, пожалуйста, не бросай трубку...
- Зачем же. Я очень внимательно тебя слушаю.
- Знаешь, мне нужно увидеть тебя.
- Ты уверен, что это на самом деле нужно?
- Я серьезно болен, и... знаешь, похоже, мне уже недолго...
- (Пауза.) Ты ничего оригинальнее не придумал, чтобы заставить меня опять наступить на те же грабли?

- Я предполагал, что ты не поверишь мне. Я боялся тебе звонить. Я уже полгода в мыслях разговариваю с тобой. А сейчас понял, что могу просто не успеть.

На том конце провода помолчали, обдумывая, может быть, действительно ли собеседнику физически тяжело разговаривать, как это заметно по голосу, или же это бессовестное актерское мастерство. Потом - неуверенным тоном:

- Ну и где и когда ты предлагаешь встретиться?
- Я уже никуда не выхожу из квартиры. Я с кровати почти не встаю. Так что - либо у меня, либо на кладбище.
- Ты понимаешь, что если ты... прикальваешься, ты понимаешь...(в голосе засквозило отчаяние) насколько это идиотский прикол?

- Родная, прости меня... Я столько тебе лгал, что теперь ты боишься мне поверить. Прости, я, как всегда, не с того начал. На самом деле мне только одно тебе нужно сказать...

Он скажет ей это - главное, единственное. А для нее теперь важным будет все, что она успеет от него услышать. За ближайшие дни, ставшие для нее безмерными, она переживет все то, что в эти месяцы пережил он.

2.

Стены и потолок больничного коридора безжалостно давили на сознание, выкачивая из пойманного ими все силы, так что плетью повисали руки и ноги. В первый раз это было не так ощутимо, потому что пребывание в онкологическом диспансере было почти что недоразумением - нужно было всего лишь срезать с шеи немногого мешавшую жить пакость, которая вовсе не была злокачественной, почти никакой опасности из себя не представляла, если только не считать крайне маловероятного в таких случаях процесса, который эти деловитые люди в белых халатах называют малигнизацией - это когда клетки доброкачественного образования мутируют, превращаясь в то самое, название чего совсем не хотелось произносить. Операция прошла вполне благополучно, под местным наркозом и без особенно неприятных эмоций. Начало работы скальпеля можно было угадать только по побежавшей по шее теплой струйке. Неприятные физические ощущения были лишь когда накладывали швы: кожа сильно оттягивалась, удержать голову на растянутой по операционному столу белой ткани было невозможно, и голова беспомощно повисала, следя за уверенными руками хирурга. Потом было хуже - потом в шею постепенно ввинчивалась боль, а организму отходняк был как после студенческой вечеринки. Но еще было совсем не страшно, потому что атмосфера больницы еще не впилась в него, она только бродила вокруг и приглядывалась, прицеливалась... Потом он обо всем этом почти забыл. Шов о себе не напоминал, благо его не видно даже в зеркале, и долго все было в порядке. Может быть, даже слишком долго. Только вот та недобрая больничная тоска не забыла его, ждала, чтобы взять реванш за его жизнерадостную независимость при их первой встрече. И, хотя он этого еще не понял, время реванша наступило.

- А тебе подождать придется. Там еще двое не начатые сидят, - хриплым голосом сказала ему санитарка - дама неопределенного возраста, но вполне определенной социальной принадлежности. Сказала - и вызвала лифт. "Все логично, - подумал он, - Харон и не должен быть слишком обаятельным. Но однако же как у них тут все просто: те, кто го-

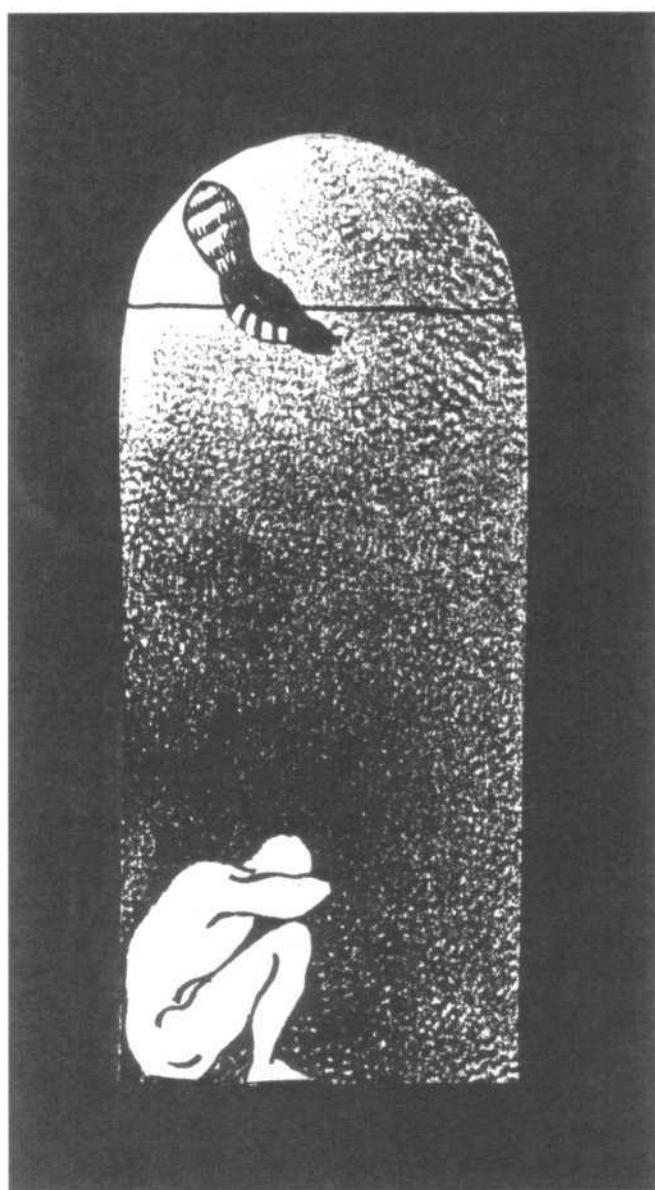

товится лечь на стол, оказывается, *"неначатые"*... И вот, пока он был неначатым, больница вплотную приступила к нему. Врезалась в сознание чужим запахом, навязчивым клетчатым узором линолеума под казенными тапочками на босых ногах, холодным мерцанием дневных ламп, безвыходной замкнутостью коридора оперблока. Он ощущал себя ребенком, оторванным от мамы нехорошими разбойниками - а вдруг это были разбойники не из сказки, которая всегда хорошо кончается, а из детского недоброго сна, из которого только один выход - ждать, когда проснешься в тишину и темноту своей спальни. Тревоги и страхи копошились в нем еще и из-за того, что это попадание в больницу было не совсем понятным. Вроде бы что-то там снова начало прорастать из-под шва, вроде бы посмотрели и сказали, что на этот раз надо бы почистить поблажке. Зачем-то пообещали общий наркоз, собрались каким-то там образом более серьезно обследовать - как оно там и что... И вот совсем уже детская беспомощность сжала ему что-то под ложечкой, когда его, оставшегося в одних трусах, обхватил со всех сторон яркий свет операционной. Действие наркоза сначала отключило способность как-либо двигаться, потом уплыло то, что было перед глазами, а дальше, перед тем, как сознание отключилось вместе со слухом, в него успели проскользнуть голоса: "Диагноз там у него какой?.. Гистология показала меланому, но Сергей Петрович говорит - надо будет повторить... Ага, значит, она у него все-таки малигнизировалась... Но если метастазов нет, может быть, есть смысл...". Дальше он уже перестал быть неначатым.

Когда он пришел в себя после операции, его больше всего интересовало, действительно ли к нему относилось то, что он успел услышать, теряя сознание. У лечащего врача спрашивать было бесполезно - тот с деловитым лицом вешал на уши лапшу о том, до какой степени все расчудесно. Он так и жил в отчаянной надежде на то, что все эти мудреные слова, значение которых он, к сожалению, уже слишком хорошо знал, ему не более чем приснились, до тех пор, пока ему не удалось просочиться в ординаторскую (врачи занимались кто чем, кто где) и рассмотреть свою историю болезни.

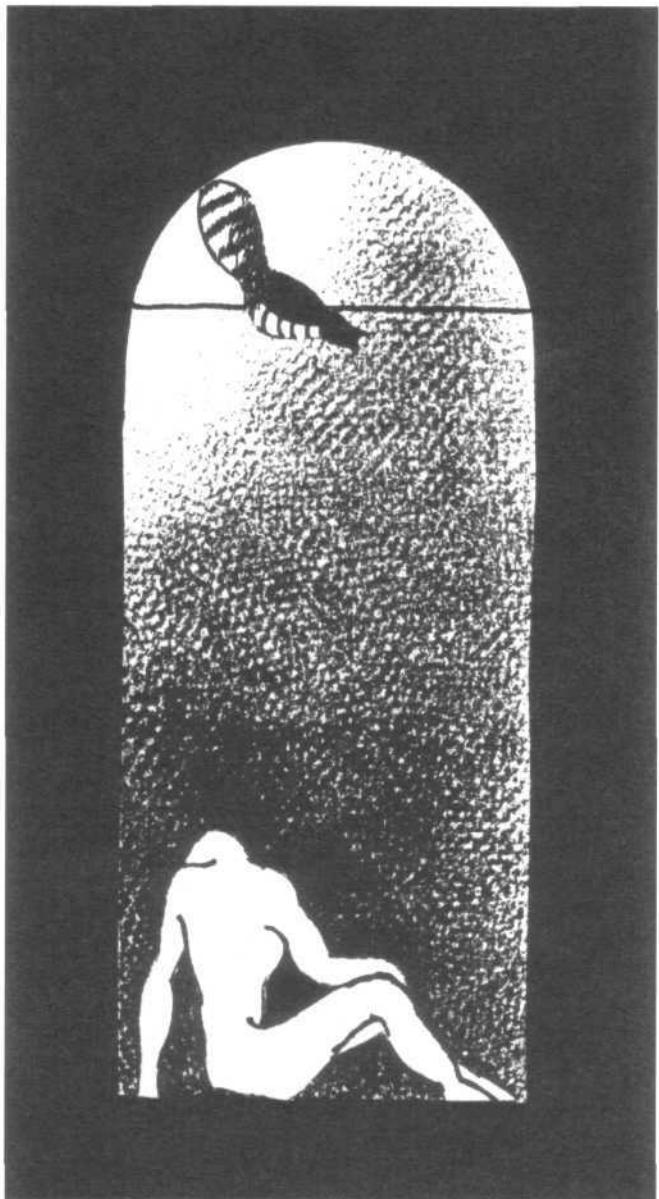
Есть в арсенале наших чувств некое ощущение (может быть, даже состояние?), которое трудно обозначить одним словом. Ужас, тревога, обреченность - понятия близкие, но ни одно из них не отражает адекватно то, о чем идет речь. Тем не менее оно - целостное, четкое и однозначное. В детстве задевала любимую мамину вазу, ничего страшного, сейчас мы все поправим, но вот она летит вниз, и ты уже точно не успеваешь ее поймать... Захватывает дыхание на беззвучном внутреннем крике о том, что так не может быть, так не должно быть,

но вот уже никуда не денешься от того, что все именно вот так... Проходит сколько-то лет, ты давно забыл о падающей вазе, поняв, что ваза на самом деле совершила несерьезная вещь, но таким же точно беззвучным криком ты провожаешь с соседней платформы набирающую скорость последнюю в этот день электричку - ее, железную, совсем не тревожит, что ты, подросток, одинокий и беспомощный, на ночь в чужом городе... Еще через пару лет ректор с искаженным от раздражения лицом подписывает на твоих глазах приказ о твоем отчислении. Ну и... ладно с ним, с институтом, это не самое главное в жизни, есть у тебя и кое-что поважнее... Но и в то - важное - однажды бесцеремонно вошло ощущение слишком поздно, только вот об этом лучше не вспоминать...

И вот теперь с небывалой еще конкретностью оно обрушилось на него и сковало сердце и мозг, и все тело. Он как-то дошел до палаты и рухнул лицом в больничную подушку. Слез не было. Было просто темно. Даже почти не было мыслей - какие-то лихорадочные обрывки мелькали в потемневшем сознании.

Когда-то наступает, наконец, пора приходить в себя. И это "пора" совпало с очередным приходом милых и ласковых родственников. Началась увлекательная игра в прятки, от которой совершенно неизвестно, кому было легче. Они старались спрятать мучительные мысли о его болезни за жизнерадостными улыбками, а он, отвечая им наполеоновскими планами на жизнь, пытался понять, пытался сосканировать с их бодрых взглядов: знают они или нет?

И, скорее интуицией, чем "сканером", определив, что знают, решил принять правила игры: "Что ж, значит, будем вести светские беседы до тех пор, пока они плавно не перейдут в отходную", вслух благодаря за поддержку и бананы в разноцветном пакете. После того, как они ушли, окончательно сдалась больнице, и она делала с ним, что хотела.

3.

Когда снится что-нибудь уютное, доброе, близкое, как своя рубашка, и вот, несмотря ни на что, наступает время утреннего укола, и медсестра, как перед строем на поверке, выкрикивает твою фамилию, реальность больницы, равнодушно ожидающая тебя у выхода из твоих зыбких кайфов, распластывает так, что уже не помогают остатки сна, в которые пытаешься зарыться после укола с тайной надеждой, что наяву за это время что-нибудь изменится. Это детское желание так и остается в снах, когда явь безрадостна - оно так естественно на казенном матраце, но что делать, когда оно верным спутником остается с тобой после возвращения домой! Просыпаешься - и нет ни дежурной медсестры, ни пожарных пимпочек, растущих на протянутых по белому потолку проводах, ни тумбочек с гниющими фруктами и подштанниками, а ощущение от реальности практически то же самое, и спрятаться от этого некуда. Вот он, стоит перед тобой, смотрит в упор то ли с ухмылкой, то ли даже с какой-то садистской влюбленностью - диагноз. Перспектива медленного и мучительного умирания. Умирания, которое не облегчают, а отягощают попытки лечения, сопровождаемые всполохами бессмысленной надежды.

Не раз отчаянным, почти истерическим криком в нем звучало: "Ну почему я?!!". Почему именно его коснулось ЭТО? Все было так мирно, такой чужой всегда звучала тема беды, такими абстрактными всегда казались мысли и слова о смерти. Он, конечно, не сомневался, что когда-нибудь и по нем застучат комья земли, но это "когда-нибудь" представлялось в совсем другом измерении времени и пространства. Оказалось - в этом.

Он видел себя школьником, затаившимся на контрольном уроке в непонятно откуда взявшейся уверенности, что его не спросят. Он абсолютно не готов к ответу, но знает, что у него все будет в порядке, спросят других, а он... И вот он слышит, что учитель вызывает его к доске. Ваза застывает в свободном полете, электричка взмывает в небо. Мгновение остановилось на звуке гулко упавшего сердца.

Он пытался думать, о том, что будет без него - после того, КАК. Родным, конечно, будет очень тяжело, но он для них - не единственный свет в окошке. Их жизнь не кончается вместе с его жиз-

нью, благо он не один у родителей. А вот что останется от него самого, кроме могилы? Своих детей у него нет. Какого-нибудь важного дела, которое наследовали бы "продолжатели", тоже не завелось. Ничего заметного в своей жизни он не сделал. Но хоть что-то же останется?! Несколько десятков рисунков. Но он не Обри Бердслей и не Надя Рушева. Были попытки писать стихи. (Надо, кстати, перерыть свой стол, пока силы есть - вдруг они там еще целы. Порвать, чтобы никто не хихикал потом над ними.) Какая-то еще писанина, неинтересная теперь даже для него самого. То есть он тихо исчезает, не оставляя никакого следа - язык даже не повернется сказать "на земле" - не о чем было говорить и в самых ничтожных масштабах. Неизбежен вопрос: зачем он тогда вообще жил?

Только для него звучало это не вопросом, на который ему искать ответ, а обращенной неведомо к кому претензией. Обвинение, брошенное в пространство. Только потом, спустя месяцы, он начнет понимать, что это и есть тот вопрос, с которым он вызван к доске.

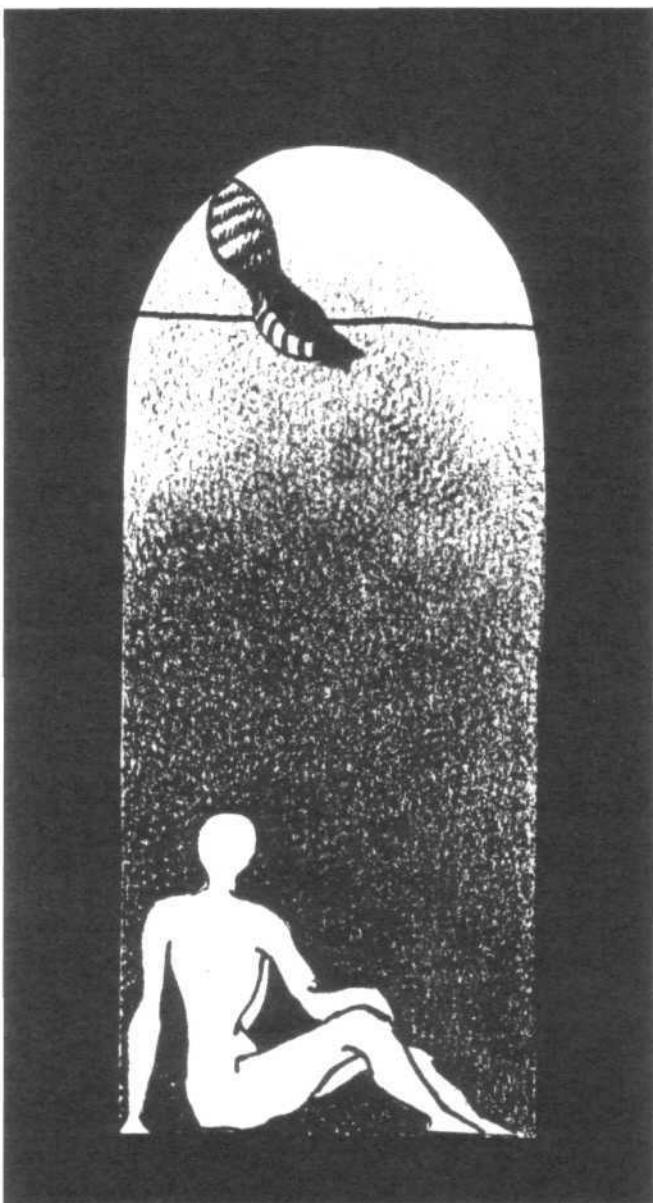
Доска оставалась черной. Беспросветно черной.

4.

Он поначалу не хотел, чтобы к нему в больницу приходили друзья. Не хотел, чтобы они видели его раздавленным больницей, не хотел, чтобы их общение было опутано вот этой атмосферой. Ему все это давало повод представлять себе посещение гранитной тумбы с его портретом: сделают дежурно-печальные лица, оставят пачку печенья и еще какую-нибудь дребедень (радость кладбищенским воронам и бомжам) и пойдут восвояси с чувством выполненного долга. Потом, когда стало яснее, кто действительно любит, а не просто рад вместе нена-пряжно провести время, стало уже все равно - где и как, только бы не упустить неповторимые минуты возможности быть рядом. Зато "на свободе" поначалу, когда ему после выписки все продлевали больничный, и было полно времени, а диагноз на самочувствии сказывался не так заметно (если не считать уже привычного ощущения кромешной усталости, теперь еще и усиленной глухим депрессиям - как ни пытаешься скрыть свой депрессия от всех окружающих, от собственного организма его не скроешь), он то собирал кого-то у себя, то сам пропадал где-то, насколько хватало сил. О диагнозе еще не знал никто, кроме родственников, с которыми продолжалась игра в прятки (я делаю вид, что ни о чем не догадываюсь, вы делаете вид, что не догадываетесь, что я все знаю, я делаю вид, что не понимаю, что все мы играем в интересную игру, и все мы делаем вид, что сегодня мы как никогда), и он очень боялся, что кто-нибудь узнает, и он пе-

рестанет в глазах окружающих быть тем, кто он есть, и станет объектом жалости. Гораздо уютнее ему казался почти шутовской его имидж (правда, если это и был шут, то шут гордый). Независимый и старающийся быть беззаботно веселым, иногда в меру язвительный (какая же без этого независимость), он удачно держал эту марку, только вот однажды выдал непростительный прокол.

У него был день рождения. Он не без основания предполагал, что этот день рождения последний в его жизни, и он собрал в своей квартире разномастную толпу хороших людей, которых рад был видеть, и эти его чувства, разумеется, были взаимными. Он потратил все, что мог, не думая о том, что эти деньги могли бы пригодиться ему на лечение, накрыв головокружительный стол тщательно

подобранными на собственный привередливый вкус напитками и съедобностями. Некоторые из приглашенных догадались всякие замечательные бутылочки принести с собой, так, чтобы в общей сложности мало не показалось. Еще было целых две гитары и одна флейта. Было здорово. Пиром во время чумы это было только для него, и в какой-то момент он достаточно остро это почувствовал, и тогда решил попытаться поднять себе настроение подражанием толкиеновскому герою: стал по поводу собственного дня рождения раздавать подарки всем пришедшем. Книги, пластинки, кассеты, почти ненадеванный галстук-бабочка, замысловатая картинка со стены, какие-то сувениры с книжных полок... Никто не понял, что бы это значило, но для того, чтобы удивляться, все были уже слишком завеселевшими, поэтому толкиенство прошло на ура. Всеобщее воодушевление переросло в очередной тост, разумеется, далеко не последний. Ему самому затяянная им раздача слонов не сильно помогла: лишний раз пришлось вспомнить о том, что уже мало что из его вещей успеет ему пригодиться, зато последовавшая за этим расслабляющая волна достойно сделала свое дело. Жить стало легче. Он долго не ощущал себя пьяным. Казалось, жидкость проваливается куда-то в камеру хранения, не оказывая заметного влияния на организм, лишь давая возможность оставаться в этом мутновато-блаженном состоянии. Счастливые дамы, увлеченные их обаянием парни, то лирические, то веселые звуки инструментов в прекрасно владеющих ими руках, вкрадчиво просачивающийся с балкона запах дорогих сигарет, все еще не кончающееся содержимое волшебных сосудов с красивыми этикетками - атмосфера не оставляла желать лучшего. У таких дивных вечеров есть все-таки один существенный недостаток: они когда-нибудь кончатся. Прозвучали в последний раз торжественные поздравления и с ними всеобщее ощущение того, что пора расходиться. А его как раз на этой рюмке окончательно догонало и стукнуло чем-то тупым по мозгам. И перспектива сразу после этого нереально прекрасного празднества остаться один на один со своей тоской совсем не порадовала...

- Родные мои... Кто-нибудь, останьтесь, пожалуйста, у меня ночевать... Ну куда вам спешить, - произнес он несколько нечетким голосом.

Реакция окружающих была вполне естественной. Кто-то, конечно, был не против посидеть еще полчасика, кому-то уже давно было пора, что тут поделаешь. Но оставаться здесь на ночь - это, конечно, несерьезно, это совсем ребячество, у всех свои дела, - и так удивительно, что всем удалось выбраться сюда на целый вечер.

- Останьтесь, кто-нибудь, пожалуйста, я очень прошу вас... Ну у вас дома ребенок, у тебя семья,

я же о вас и не говорю, а ты... и ты... Не уходите... Ну позвоните, если кто вас там ждет, и оставайтесь, у меня полно места... Ну хотя бы кто-нибудь...

Он заплакал. Совершенно неожиданными были эти пьяные слезы. Вроде бы не так уж много он выпил. Все было так здорово, и вот тебе...

Останьтесь кто-нибудь со мной... Не уходите... Не оставляйте меня одного! - Он плакал в голос, его помутневший взгляд то беспомощно метался по гостям, то прятался в дрожащие пригоршни, потом он, как бы спохватившись, выбежал из комнаты, и звуки рыданий стали слабо доноситься откуда-то из кухни. Какое-то время все были в оцепенении. Никто не решился - или, может быть, никто не догадался - побежать за ним следом. Однако те, кто был пьян, казалось,протрезвили в одночасье - так прошелся морозом по спинам этот небольшим, неожиданным, безудержным его плач.

5.

Как-то раз он умер. Потом стали происходить вещи, с одной стороны, естественные, с другой стороны, совершенно непонятные. У всех близких на лицах отразилась естественная тоска, только, может быть, не столь острая, нежели он ожидал, но он не стал переживать по этому поводу, а стал разлагаться. Это был процесс неприятный, но опять-таки естественный. Его стали готовить к похоронам: переодели, положили в гроб, обставили венками; он лежал среди них с буровато-желтым лицом и разлагался, думая при этом о том, что как-то это все не так. Было, кроме всего прочего, досадно и странно, что это произошло слишком быстро, он по идеи должен был еще поболеть, пожить, но раз уж помер, что ж теперь делать... А что-то не так, было, например в том, что он лежал с открытыми глазами и все ими видел (обычно в гробу так не лежат), и при желании мог даже шевелиться. Он не дождался похорон: когда ему стало окончательно понятно, что происходит полная ерунда, начала ему сниться какая-то другая мерзость.

Да, не всегда сны бывали такими, в которых хотелось оставаться. Случались сны, от которых хотелось убежать, а они не исчезали из сознания и после пробуждения - остается гадостный осадок, и никак не можешь от него отделаться. С течением времени он все реже видел добрые спокойные сны, в которых он был здоровый и беззаботный, и все чаще неблагополучие ставило на его сны свой отпечаток. То и дело он куда-то спешил - бежал, мчался, несся в сумасшедшем поезде... Как правило, было непонятно, куда и зачем, или от кого; и никогда в этих снах он не достигал какой-либо цели.

В больнице ему снилось, что он - либо дома, либо в каких-то еще местах, но только не в своей палате. Во многих случаях это было не лучше - да-

же если он был во сне здоровым, он ждал, что вот-вот ему сообщат его диагноз. Даже если не сообщали - он знал, что дальше все равно будет что-то очень плохое. Бежал, мчался, опаздывал... Казалось, вот еще чуть-чуть - и беда отстанет от него, потеряется где-то в другом городе...

Города в его снах были вперемешку. Он там легко и незаметно для себя перемещался из одной реальности в другую. Откуда же эта наивная надежда на то, что беда не сможет сделать то же самое...

А дома ему часто снилась больница. Палаты, коридоры, операционные... И почему-то в снах больница не так давила на него, как наяву - казалась уже естественной и привычной средой его обитания. А бодрствуя, он и дома не ощущал себя дома - не забывалось, что через столько-то дней придется вернуться в палату, и там очередные курсы химио- и лучевой терапии, какие-то еще процедуры, уколы, посещения с 11 до 12.30 и с 17 до 19, кефир в холодильнике. Так и хотелось надеяться, что его дом теперь где-то еще. Где?

Еще во сне он иногда виделся с любимыми людьми. В том числе с теми, кого уже очень давно он не видел наяву. Часто во сне он понимал, что это только сон, и все равно радовался. После одной из такихочных встреч он с ужасом думал о том, что в самые последние дни, когда он будет уже в полусознательном состоянии, вдруг ему будет казаться, что к нему пришли те, кого он давно ждал, а на самом деле их не будет... А он в бреду будет пытаться разговаривать с ними... Или наоборот - вдруг... Вдруг Надя придет, а он не поверит, что это действительно она...

Надя ему тоже снилась. Сколько раз он думал о том, что надо бы попытаться позвонить ей. Может быть, узнав, что он болен, Надя согласится хотя бы прийти попрощаться. Но он очень боялся, что она услышит его голос и бросит трубку. А передавать ей через кого-то... Нет, он должен позвать ее сам.

Собственная смерть снилась ему очень редко. Но не раз во время бодрствования свербило в памяти шекспировское: "Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?" Как ни пытался он запретить себе думать о том, что ждет его с распадом физического тела, Гамлет не отставал. С идеей "выключенного телевизора", который наступает с остановкой сердца, его живое "я" согласиться не могло, а озадачиваться этой темой он боялся - заканчивать свои дни в психушке ему хотелось не сильнее, нежели в онкологии. Он думал: сейчас только произнеси вслух вопрос, отовсюду набегут и все объяснят, а ты только верь. Лучше уж - доживем до смерти, а там посмотрим. Но все-таки - а вдруг для того, что ТАМ, еще можно успеть что-то сделать ЗДЕСЬ?..

6.

Он открыл дверь раньше, чем звонок успел до-свистеть до конца свою мелодию.

- Лешка! Рад тебя видеть. Заходи.

Рукопожатие, хлопки по плечам. Алексей разулся, повесил куртку на ручку дверцы шкафа и прошел в его комнату.

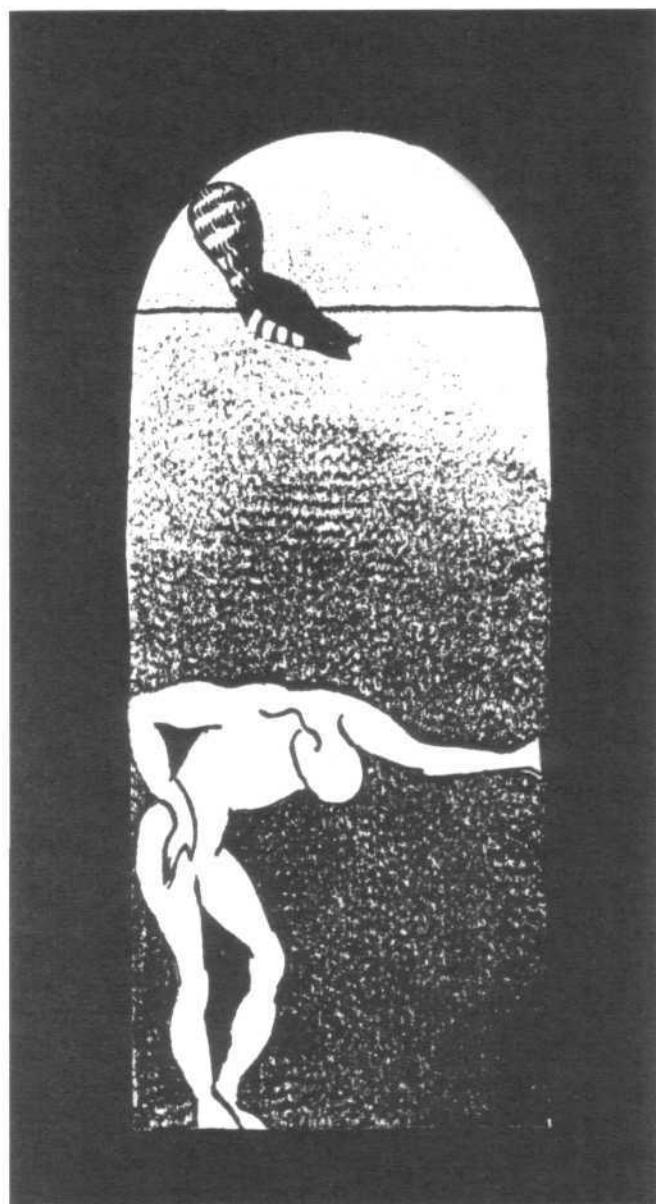
- Чай будешь?

- Потом. Давай пока просто посидим...

- Рассказывай.

- Да у меня все так же. Пришел вот на тебя посмотреть.

- А я знаешь кого вчера видел?.. - и дальше пошел обыкновенный приятельский треп, как и вся-

кий треп, не несущий в себе ничего ценного. Однако Алексей по глазам собеседника мог бы понять, что им было бы о чем поговорить более серьезно, только до поры их глаза встречались в каком-то не том ракурсе.

- Слушай, Леха! Я для тебя анекдот профессиональный приберег. Гинеколог с патологоанатомом после тяжелого трудового дня поддатые в обнимку идут с работы: "Гляди, люди! Живые!" - "Ага! И все лица, лица!!!".

- Рассказывал ты мне уже этот анекдот, - посмеялся Леша, - но все равно здорово. Еще как-нибудь то же самое расскажешь - еще посмеюсь.

- Сейчас я тебе еще один анекдот расскажу, какой ты не слышал. Только сначала ответь на вопрос: что такое меланома?

- Злокачественная опухоль кожи.

- Это я знаю. А чем она от других отличается?

- Метастазирует быстро. А что, у тебя анекдот про меланому?

- Ага. Ухочешься. И сколько с этой фигней человек прожить может? - Его беззаботная интонация начала давать сбои: голос выдавал, что анекдот будет несмешной.

- По-разному... Имеет значение возраст человека, общее физическое состояние, с какой стадии начали лечить и как, - при этих словах Алексей стал серьезнее. - А зачем это тебе понадобилось? У кого этот диагноз?

- У меня.

Долго была тишина. Алексей напрочь не знал, что можно сказать в ответ на это признание. Слова на ум приходили, но вместе с ними приходило ощущение, что говорить их не следует. Его собеседник, сказав главное, скинул ту маску, которая заставляла его болтать всякую чушь. Алексей боялся, что если он станет говорить что-нибудь ненужное, на смену ей придет другая маска. Наконец, решив удержаться и от сочувствий, и от оптимистических прогнозов, спросил:

- Ты давно знаешь об этом?

- Помнишь, когда меня положили на вторую операцию?

- Почему ты тогда не сказал мне?

- Зачем?

- А сейчас зачем?

- Знаешь, надо же начинать с кем-то разговаривать до конца откровенно. Я не могу так больше - один, сам с собой... А тогда - не хотел, чтобы все узнали... Сам понимаешь, что началось бы... На фиг надо. А ты все-таки еще и врач. Я подумал, хоть ты мне правду скажешь - сколько у меня еще... месяцев... и как все это будет.

И опять Алексей заговорил не сразу. Встал, отошел к окну, долго в него смотрел, будто надеялся за окном разглядеть ответы на эти вопросы.

- А какие у тебя метастазы, ты знаешь?

- Они, сволочи, не говорят ничего. Я и диагноз случайно узнал. Пока меня готовили, в операционную кто-то вошел, другой хирург, кажется... И от нечего делать про меня спросил, и ему ответили, а не знали, что я еще не вырубился.

- А может, это у них шутки такие?

- Ага. Я долго смеялся, особенно когда свою историю болезни посмотрел. Я ж тебе говорю - анекдот.

Алексей прижал его голову к своему плечу.

- Начинается...

- Да не буду я тебя оплакивать, не ерпись! Просто... Просто хочу, чтобы ты знал, что я рядом, слышишь? Если помочь какая нужна... Или если просто хреново, понял? В любое время суток, хоть под утро.

Они помолчали еще. Глаза у обоих плыли, поэтому друг на друга они старались не смотреть.

- А сколько месяцев - это не врачам решать, а...

- начал, да не договорил Алексей. - Хотя обычно... По-моему, с меланомой больше года не протягивают.

- Год - это здорово. Это много. Это еще знаешь сколько дел можно наворотить.

- Только вот если в мозг пойдет, дел тогда останется на месяц максимум.

- А бывает, чтобы выздоравливали?

- Наверно, бывает. Когда удаляют до того, как начались метастазы.

- Не бойся, Лешка, я с ума сходить не буду. Ничего нового ты мне не сообщил. Я так все и представлял, а сейчас хоть кто-то это вслух сказал. Спасибо тебе.

- Тоже мне... "спасибо"... Слышишь, не забывай, что я рядом, слышишь?!

7.

Он не предполагал вначале, что к ЭТОМУ можно привыкнуть. Жить и не лезть на стенку. Ходить по магазинам, навещать по всяческим делам всяческие конторы, быть среди людей и ощущать себя не беспредельно-одиноким-трагическим-персонажем, а одним из них. Оказалось - можно. Он даже пробовал выходить на работу. Вряд ли бы ему удалось даже на время вернуться к нормальной жизни, если бы он продолжал игру во все в порядке, но после того, как диагноз был легализован, напряжение неестественности оставил его, и вернулась часть душевных сил, отнятых игрой.

Бывало, конечно, и тяжко. Такие дни Алексей словно чувствовал. Не всегда, правда, но довольно часто он без всяких звонков приходил именно в то время, когда был нужен. Иногда они перезванивались, но это было совсем не то, потому что если можно быть рядом и молчать, то как общаться по телефону тогда, когда говорить не нужно?

Порывы выходить на работу у него утихли после очередного лежания в больнице. Самочувствие позволяло ему гораздо меньше, чем ему хотелось. Большую часть времени он теперь проводил дома, и в его дом стали регулярно приходить друзья и знакомые. С этим все было бы хорошо, только он предпочел бы избавиться от тех визитеров, которых приводило к нему чувство долга. Так остро ощущалось - действительно ли его гостю нужна встреча с ним, даже если тот не знает, как вести себя рядом с безнадежно больным... Однажды он не удержался и в ответ на пожелание очередного сердечного кореша "ну ты, это... выздоравливай!" ответил: "А ты, это - рожай!!!" Потом извинился, увидев, как вытянулось лицо благожелателя.

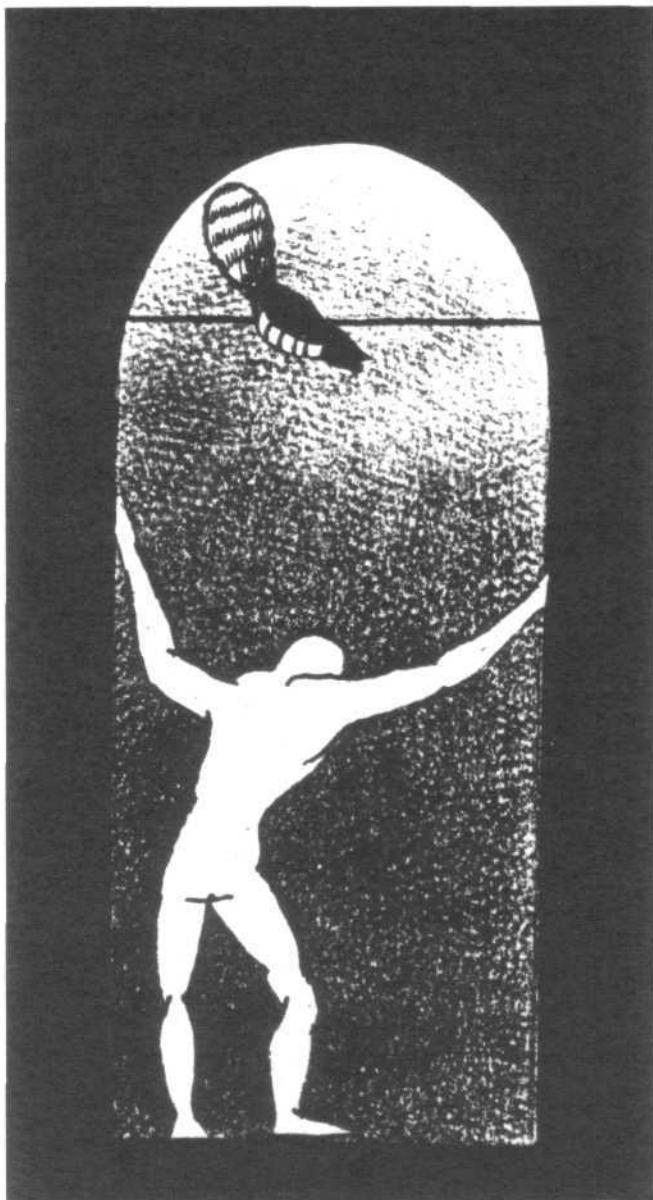
Хорошо, что если и заходили к нему девушки, то обычно не в одиночестве - либо с подругой, либо с парнем. Так и ему было проще. Дело в том, что в то время, когда он заболел, у него никого не было. Он решил, что это к лучшему, и запретил себе какую-либо связь с женщиной: одноразовые встречи только ради физиологии он с некоторых пор считал для себя неприемлемыми, а пытаться установить с кем-либо серьезные отношения было бы слишком жестоко. И теперь он сохранял приятельство с несколькими давно знакомыми девушками - кто-то замужем, кто-то нет, ему это уже не важно, ни на кого из них он не хотел бы смотреть как на собственную вдову.

Только вот Надя... Он очень хотел, чтобы она все-таки когда-нибудь пришла, и именно одна. Пусть для обоих эта встреча будет болью - больней, чем уже было, от нового прощания с ним ей не будет. Наверное.

Была у него в эти месяцы еще одна мечта, появившаяся в начале болезни - ему хотелось нарисовать что-нибудь такое... Успеть выкрикнуть о себе. Написать, может быть, или еще как-нибудь сделать что-то, что достойно будет играть романтическую роль "духовного завещания". Собирался зарыться в книги, проникнуться чем-то серьезным и глубоким, и тогда - выдать нечто. Хоть как-то в последний момент попробовать реализоваться, и так, чтобы это было ЕГО, живое, настоящее. Эти запоздалые для его возраста юношеские мечтания так и оставались за пределами действительности не потому, что ему было лень чем-то таким заниматься, и не потому, что он понял, что глупо пытаться рожать то, что никогда не было зачато - просто для того,

чтобы только подойти к исполнению подобных задумок, он должен был хотя бы на какое-то время остаться наедине с собой. Как он этого боялся... Уходил, убегал - в друзей, в музыку с текстами неизвестно о чём, во всяческие бестолковости. Бежал, мчался, опаздывал... Оставалось только ждать того времени, когда бегать от себя просто не будет физических сил.

Бывали неожиданные визиты - в его доме появлялись люди, связь с которыми вроде бы была утеряна. Слух о его болезни метастазировал в кругах знакомых и почти-не-знакомых ему людей с невероятной скоростью - как будто все испытывали какое-то непонятное удовольствие, сообщая друг другу эту новость. Поэтому встречи с исчезнувшими друзьями не удивляли - раз он обрел такую популяр-

ность. (Вот уж спасибо, лучше не надо бы...) Некоторые из таких появлений были однозначно радостными - возгласы, объятия, глаза счастливые - так, что уходит на дальний план повод встречи. Но случалась и какая-то странная радость. Пришел человек, явно искренне захотевший его увидеть, и он очень хорошо к этому человеку относился, но было как-то не по себе, и это "не по себе" заключалось в том, что он помнил собственное предательство, когда-то по отношению к этому человеку совершенное. Причем тот не только не напоминал - его глаза, его интонации, все проявления отношения к нему того человека говорили о том, что он никогда об этом не захочет вспоминать, он давно все простил, и между ними все так, как если бы этого не было. Но именно это и было невместимым: как это можно было

просто так простить - и все? Теперь он ощущал свое предательство более остро, чем тогда - вскоре после, и совершенно не знал, что делать.

Каким-то образом они проговорили часа полтора, проговорили о разном, не коснувшись прошлых проблем, и, уже провожая гостя, он через силу выдернул из себя "прости". Не для того, чтобы получить прощение - оно явно уже было и без этого, а - просто он не знал, как выдержит, если тот зайдет еще раз, а чтобы зашел, очень хотелось...

В ответ, разумеется - "ну что ты...".

Он раньше не знал, что бывает непросто принять такой дорогой подарок, как прощение.

Ничего. Он же обязательно придет еще.

Стремление быть с Алексеем до конца откровенным иногда забывалось. В один тяжелый вечер Алексей, пройдя в его комнату, поставил на письменный стол около его кровати небольшую иконку. Поставил и молча посмотрел на него, ожидая реакции.

Он отвернулся и отсутствующим взглядом некоторое время изучал свой шкаф, потом заговорил о чём-то постороннем. Алексей сделал вид, что все так и должно быть.

Ничего. Алексей, конечно же, тоже еще не раз придет к нему. Они еще поговорят. Может быть.

8.

Около него притормозила машина. Он, не останавливаясь и не поворачивая головы, открыл глаза, увидел, что машина ментовская, и закрыл глаза обратно. Менты обматерили его и поехали дальше. На него это не возымело абсолютно никакого действия.

Ментам, видимо, было некогда. Им было бы логично поинтересоваться, почему человек идет ночью вдоль проезжей части как раз на ее середине, да еще и с закрытыми глазами. Наверняка ведь либо пьяный, либо еще что похуже.

Да нет, он был трезвый.

Если только можно было его состояние назвать трезвым. Однако, даже если бы ментам приспичило с ним разобраться, никакой вытрезвитель бы его не вытрезвил. И благо, что его никуда не загребли - дальше могло бы быть хуже. Могло бы быть что-то совсем страшное. До сих пор оно - страшное - все метило в него, целилось, но пока лишь свистело вокруг.

В его жизни были кошмарные похороны. Это было за несколько лет до его болезни. Парень вскрыл себе вены, и его обнаружили слишком поздно. Они не были близкими друзьями, но как-то так всегда рады бывали друг друга видеть... То, что было на тех похоронах, врезалось в него очень

глубоко. Оглушительная тишина встала тогда вокруг гроба: даже мать не могла голосить, стояла в оцепенении, глядя сквозь гроб в нездешнюю пустоту. И в этой тишине каждый стоял один на один со своим чувством ответственности за человека, которого не смогли удержать, которому не смогли помочь. Хотя виноватых, казалось бы, не было, тем не менее, на каждого из живых, кто там был, давила эта тяжесть, с которой не сильны были бороться ни доводы, ни отговорки. Добивала нелепость, бессмысличество этого кошмара. И вот эта рваная рана в душе была для него запретом - какказалось, навечно - самому допускать даже мысль о самоубийстве. Табу действовало в нем даже тогда, когда бывало совсем лихо и казалось, что все уже неизлечимо - он знал, что даже если выхода нет, самоубийство - это вовсе не выход. Он смутно ощущал, что это не просто не выход, а вход, и, войдя куда-то туда, уже точно не выйдешь.

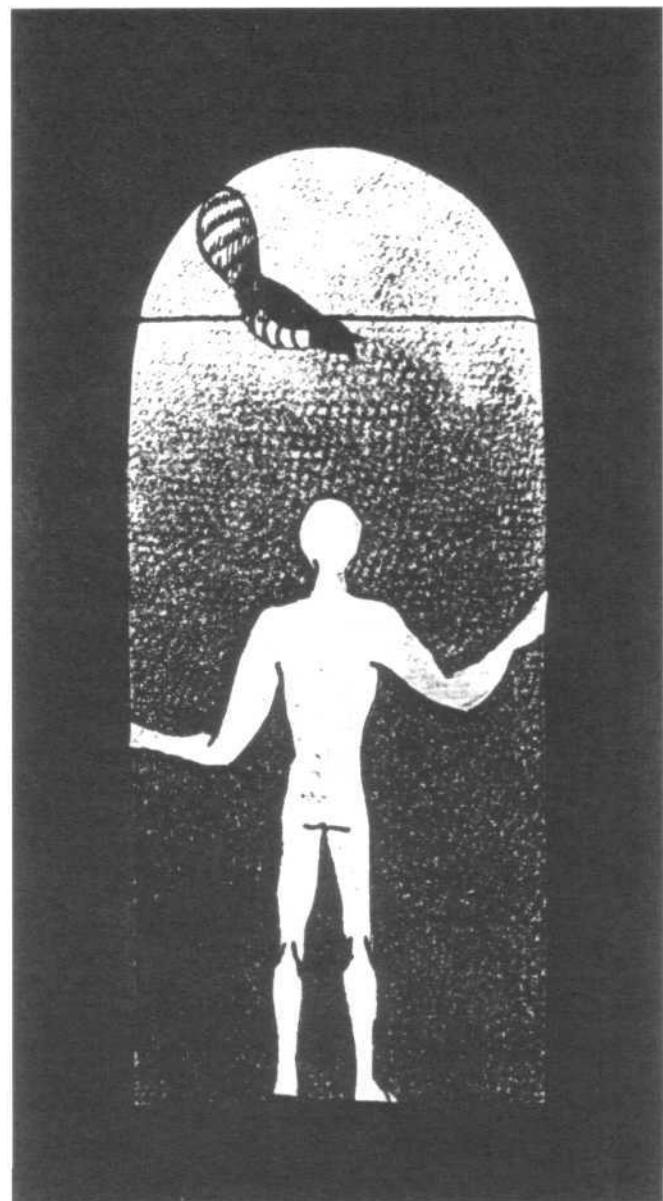
Но наступило время, когда все смутные ощущения стали вытесняться одним конкретным и четким. Оно выражалось очень коротко: БОЛЬШЕ НЕ МОГУ. Ни какие-либо воспоминания, ни варианты предположений о том, что бывает дальше, не тормозили созревание решения. А что могло бы его остановить? Страх перед физической болью? Но именно он подстегивал желание уйти самому: есть множество безболезненных способов суицида, а та смерть, которая ждала его в качестве естественной, не обещала быть легкой. Скорбь близких? Все уже - как он думал - смотрят на него как на недопокойника, еще должны будут сказать спасибо, когда он избавит их от тяжкого ожидания и от предстоящей необходимости выносить из-под него утку. Когда он в свете своего предстоящего самоубийства думал о Наде, в нем боролись слезы и какое-то идиотское злорадство.

По мере того, как решение зрело, рождался в нем какой-то азарт игры со смертью. Сначала, через какую-то щель из бездны впуская в душу мысли о самоубийстве, он думал: дождусь того времени, когда станет невыносимо терпеть боль и собственную беспомощность. Потом стало надоедать ждать. Сейчас спрошенный и не знающий ответа ученик с треском хлопнет дверью опустившего класса.

Но не было еще сил взять и сделать последний рывок. Вот он и готовил себя к этому рывку с помощью всяких глупых игрушек со смертью, заодно тайно надеясь, что, может быть, и не придется делать никакого рывка - само сорвется...

Только, чем ближе подступало это решение, тем невыносимее становилась сгустившаяся вокруг него мгла. Нет бы легче стало, а то еще сильнее, чем в первые дни осознания обреченности, хотелось выть сквозь зубы.

...Он не смог бы потом никому рассказать, что это было. Мелькнуло, повеяло ли, донеслось слабым отзвуком эха... Может быть, совсем приглушенно, так что только подсознание услышало, прозвучала где-то очень любимая мелодия, может, какой-то запах подкрался и вернул в детство, почудилась ли чья-то добрая улыбка. Или было что-то еще, вовсе незамеченное и непонятое, но оставившее в душе совсем иные ощущения. Он поднял голову, двинул назад плечами, вдохнул глубоко, потом еще раз. С мицроздания сползала тьма. Он не отдавал себе отчета в том, что с ним происходило, да, наверное, и не нужно было ему ничего никому отдавать, так же как и не нужно было сдерживать прорвавшиеся слезы.

Он перечеркнул казавшееся уже окончательным решение о самоубийстве. Правда, готовность терпеть любые страдания до конца у него не появилась. Но он очень не хотел, чтобы та тьма возвращалась.

9.

Непередаваемое, непредставимое, почти нереальное счастье – когда ненадолго уходит боль... Еще когда сил так много, что можно одеться, выйти во двор, похрустеть по раннему снегу ботинками. Праздничный вкус воздуха. Такая сказочная возможность пообщаться с деревьями, попадая в щели их коры замерзающими пальцами. Я пока еще выдыхаю теплый пар. Только вот жалко, что

он исчезает. Еще какой-нибудь месяц или два – и уже не выдохну, а он не знает и исчезает...

Вселенная стала такой огромной. Доступное тебе пространство ограничилось в тысячу раз, отойти от дома на двести метров для тебя событие, а те километры, по которым носился когда-то, стали теперь где-то не здесь. Даже звезды, кажется, дальше... Или это потому, что осень кончилась.

Наверное, то пространство, в котором он раньше жил, было двумерным. Как-то он до сих пор не замечал объемов.

Молчать. Смотреть. Дышать. Ходить – тихо-тихо...

Просто жить.

- Кукушка, кукушка, сколько мне – осталось?
- Вечность...

...А когда он лежал в своей комнате, он возвращался в светлое свое отрочество. Было время, когда он, подросток, часто и тоскливо болел, и тепло горела в углу настольная лампа, и мама приносила ужин и таблетки, и уговаривала попробовать хотя бы что-нибудь съесть. И стояло на застеленной полотенцем табуретке молоко в кружке с веселой усатой рожицей, и лежали яблоки и апельсины, и граусник. Навещали одноклассники и рассказывали, что они проходили сегодня по математике, по географии, по биологии, записывали ему номера параграфов, чтобы он не отстал. И он не отстанет, он все выучит, все прорешает, он ответит на всех уроках. Вот он лежит – такой чистый, светлый человек, он совсем юн, он еще не влив в своей жизни ни в какую мерзость, он еще не забыл детской премудрости прощать и любить. Девственник, полно-правный владелец своей нерастряченной души. Пройдет его простуда, и не будет болезней, не будет беды, не будет злокачественных клеток, которые расползлись в нем метастазами подлости, похоти, злобы и лжи. Он вырастет и станет мудрым и сильным, и он не сделает всех тех ошибок, которые загнали его взрослого умирающего двойника в карцер отчаяния. Он останется светлым и чистым, и он будет жить... Он будет жить вечно.

Кукушка, кукушка... Время – вещь парадоксальная. Его бывает очень много и очень мало одновременно. Он же сейчас никуда не спешит, он может делать все, что угодно – по крайней мере, все, что может позволить себе его угасающий организм. И при этом времени невыносимо мало, оно кончается, и огромную ценность для него имеет каждая секунда, даже самая бесполезная.

То ощущение, которое сдавило его, когда он увидел на листе со своей фамилией слово melanoma, вот то самое – "НЕТ!!!" – но – слишком – поздно... В какой-то день он стал догадываться, что тогда – в ordinаторской онкодиспансера – еще

далеко не во всей отчетливости оно прозвучало в нем... Еще впереди - потом - может ждать его то мгновение, когда оно будет по-настоящему страшным и окончательным.

И снова он школьник, его неожиданно вызвали отвечать неизвестный ему урок. Мечтай, мечтай, как ты в следующий раз все выучишь, все прорешаешь, ответишь на всех уроках. Следующего раза не будет.

Он лежал в своей комнате. Он все был тем мальчишкой. Он думал о том, что вот уже несколько месяцев он молча стоит у доски, а двойка в журнале все еще не поставлена. Учитель терпеливо ждет. И вот он, учебник, стоит на полке, и есть еще время и силы протянуть руку и взять его.

10.

Ее сознание было заполнено криком о бесконечно близком ей умирающем человеке. Подступившая к нему смерть не напомнила ей о том, что нельзя перестать любить - Надя давно знала об этом. Только раньше она думала - это, наверное, плохо...

Надя пыталась заставить себя молиться не об исцелении. Он сам сказал ей, что не нужно требовать от Господа чуда, тем паче нам с нашей зачаточной верой. Если Бог дал то, что должен был дать, зачем требовать от Него иного - Он-то лучше знает. Есть чудо не меньшее, чем исцеление телесное, и чудо это - прощение и исцеление души, и об этом просила Надя, и запрещала себе мечтать о том, как все будет, если он выздоровеет, тем не менее у старой, афонского письма, иконы великомученика Пантелеимона стояла она, молясь, в уже обжитом ею уголке храма.

- Понимаешь, - говорил ей Алексей, когда встретил ее, идущую к литургии, - за время болезни человек приобретает некий духовный... ну, багаж, что ли. Это именно то, ради чего Господь допускает быть страданиям. Наверное, без страданий мы не способны некоторые вещи воспринять... Да ты сама это чувствуешь... И одного Господь исцеляет для того, чтобы он с преображенной душой оставилшуюся земную жизнь посвятил Ему. Знаешь, человеку бывает рано уходить не потому, что он не готов, а потому, что ему дано будет еще очень многим помочь на земле. А бывает иначе: человек, в болезни прия к вере, вымаливает себе исцеление, потом погружается в суету, в свои привычные страсти, и растратчивает все то, что приобрел такой ценой. И тогда, чтобы восстановить утраченное, человек снова идет на свою Голгофу... Представляешь, вот он каким-то чудом выкарабкается, а потом ему придется снова пройти через подобное тому, что он прошел теперь.

- А ты сам, что... так просто смирился с тем, что нам придется его... хоронить?

- Да я... что ты... отдал бы не знаю что...

Потом они молчали.

А потом она перед Крестом и Евангелием просила прощения за отчаяние, малодушие, ропот, за весь мрак, который она впустила в свою душу. И шла к Чаше. И замирала в потрясении от того, что Господь может быть НАСТОЛЬКО БЛИЗКО, и что Он настолько глубоко дает сердцу почувствовать, что где-то впереди радость, большая и настоящая, ничего не боящаяся, ничем не затмеваемая, радость, которая перехлестнет с головой все болезни, скорби и страхи, и сотрет их, и смоет, и не оставит от них ни отзыва, ни следа, ни памяти.

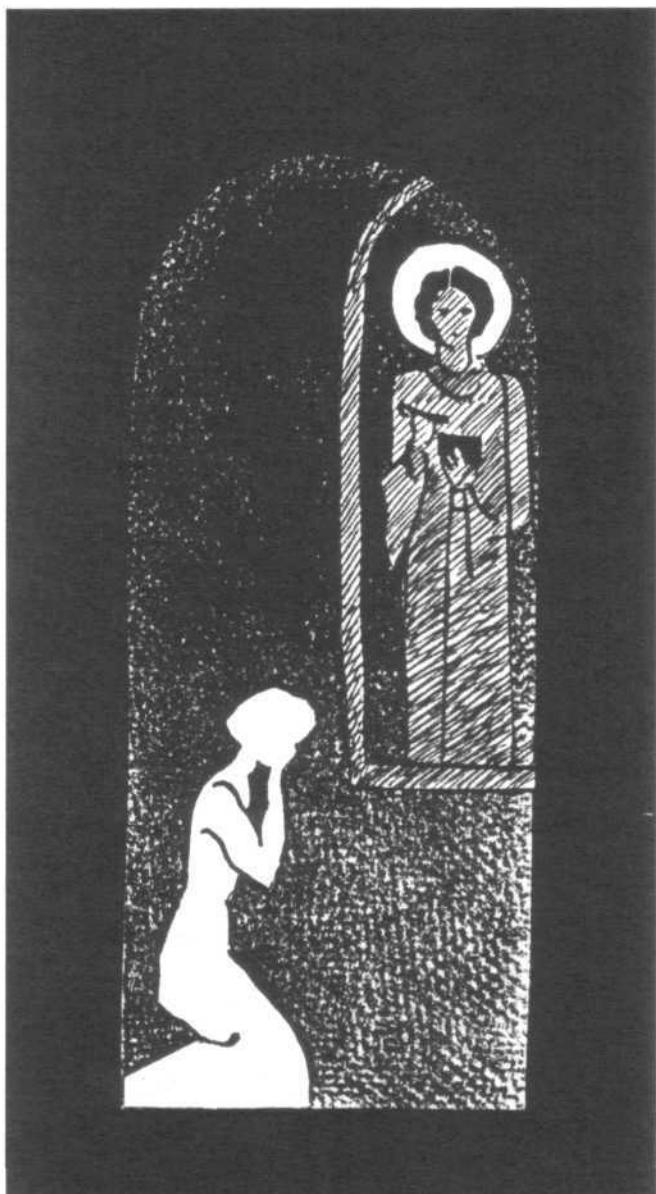

Фото священника Сергея Новожилова

ВАМ НЕЛЬЗЯ РОЖАТЬ? А ВЫ УВЕРЕНЫ?..

Уважаемая редакция журнала "Фома"!

Пишу Вам с благодарностью (...) и с просьбой о помощи в разрешении тех тяжких сомнений, что сейчас лежат у меня на душе.

Меня зовут Мария. Мы с мужем православные, венчались в церкви. Муж у меня замечательный человек. Каждый день благодарю за него Господа Бога нашего. Когда настало мне время родить первенца, я тщательно готовилась к этому событию, была настроена рожать сама, без врачебного вмешательства. Да, были плохие анализы, были определенные сложности, но с помощью Божией я надеялась их преодолеть. Пусть все идет естественным, положенным природой путем - вот был мой основной девиз. Собственно, и осложнений-то особенных у меня не было. Чувствовала себя почти всю беременность легко и хорошо. Но когда начались схватки, врач сказал, что необходимо кесарево сечение. Мне было жутко это слышать, и на протяжении всего периода схваток я молилась о благополучном и естественном разрешении от бремени. Но, очевидно, мне было предназначено иное. Мне сделали кесарево. Родилась вполне здоровая, крепкая, доношенная девочка. Сейчас малышке 5 месяцев. У нее великолепный характер, и она ни разу не болела. Однако, врач предупредил, что если у меня будут еще одни роды, то вновь придется делать кесарево, да и иметь их, эти еще одни роды для меня совсем не желательно. А больше двух детей я, по его словам, рожать вообще не должна. Могут возникнуть необратимые проблемы со здоровьем. О трех, четверых, о семье многодетной мне же и вовсе говорить не приходится. То есть мои мечты о настоящей православной семье не реализуются никогда. Все это в свете прочитанного мной 2 (12)' 2001 Вашего журнала, где обсуждалась тема многодетности, показалось мне безвыходным тупиком...

Да хранит Вас Господь!

С любовью, Мария.

На письмо нашей читательницы отвечает
врач, акушер-гинеколог
Роман Николаевич Гетманов

Прежде всего, давайте сразу договоримся, что мы с Вами сейчас не решаем, насколько кесарево сечение неизбежно в каждом конкретном случае. Мы просто не вправе этого делать. Нужно четко понимать, что во всем мире, во всех роддомах существует как материнская, так и детская смертность, это есть даже в самых развитых странах. Показания к операции кесарева сечения могут быть абсолютными - когда роды через естественные родовые пути опасны для жизни мамы, и относительными - когда рождение живого и здорового ребенка при естественных родах стоит под сомнением. Всегда считалось, что расширение показаний к кесареву сечению оправдано, если при этом снижается детская смертность. Сегодня же, когда в семьях чаще всего один-два ребенка - не больше, это тем более оправдано. Отсюда и рост числа этих операций. Поэтому мы не можем вести пропаганду против кесарева сечения. Если врач считает, что операция - это в данном случае единственная возможность родить ребенка, то это его право.

В Вашем случае, Мария, по-моему, пока еще рано давать мрачные прогнозы. Вам необходимо пройти серьезное обследование. Врач сказал, что, скорее всего, более двух детей Вы родить не сможете, потому что в первых родах Вас прооперировали, и значит, во вторых родах, чтобы не возникло осложнений, лучше тоже сразу сделать кесарево сечение. Таково мнение многих современных врачей, и, к сожалению, многие мамы сегодня очень легко с этим соглашаются. После второго кесарева всегда риск для беременности и родов еще больше возрастает, и многие врачи сегодня идут по пути наименьшего сопротивления, то есть просто предостерегают от дальнейших родов. Но Вам нельзя так сразу сдаваться. Прежде всего, как я знаю по собственному опыту, в целом ряде случаев последующие роды все-таки возможны. И более того, возможны самостоятельные роды после первой операции.

Вообще давайте разберемся, что такое кесарево сечение. Это операция, в результате которой на матке образуется рубец. Матка - это очень сложный мышечный орган. Достаточно представить себе, какого размера матка у небеременной женщины, чтобы понять, во сколько раз она увеличивается в объеме и как изменяется к концу беременности. Это не мешок, куда кладут ребенка. При кесаревом сечении матку разрезают, и образовавшийся рубец утрачивает те способности, которыми обладает мышечная структура матки. В последующей беременности рубец может вести себя по-разному. Рубец может разорваться, и случиться это может в самый неожиданный момент, например, когда женщина поставит ногу на ступеньку троллейбуса. Во многом риск связан и с тем, где имплантируется ребенок. Если в области рубца, то питание его сильно нарушится.

Мы видим, что возможны серьезные осложнения. И именно поэтому очень важно, чтобы кесарево сечение не делали по натянутым показаниям врача или по желанию мамы - в случаях, когда этого можно избежать. Но если операция все-таки прошла, это совсем не значит, что вторые, третьи роды заранее исключены. Вот абсолютные показания к повторной операции кесарева сечения:

рубец на матке по телу матки (корпоральный рубец); два и более рубца; несостоятельность рубца; предлежание плаценты к рубцу; категорический отказ мамы от самостоятельных родов с рубцом.

Вообще в России сегодня, как и во многих западных странах, стали активно практиковать естественные роды после первого кесарева сечения. Приводят даже статистику, по которой риск через повторное кесарево сечение превышает риск рождения через естественные родовые пути. Есть и такая точка зрения, что всех женщин с рубцами на матке можно пускать в роды и уже по ходу родовой деятельности определять показания к кесареву сечению. Но мне кажется, что здесь ни в коем случае нельзя обобщать. Чтобы свести риск к минимуму, нужно тщательно отбирать ту группу пациенток, которых можно пускать в роды, и тогда в этой группе будут хорошие результаты по рождению, и никаких осложнений потом не возникнет.

Вот в нашем роддоме мы уже начали такую работу, в МОНИИАГ, Московском областном институте акушерства и гинекологии, уже более 10 лет принимают женщин с рубцами на матке, и большое число этих женщин - около 60% - потом пускают в роды. И кстати, среди них много тех, кого оперировали первый раз по показани-

ям окулиста. Вообще же, по статистике МОНИИАГ, самостоятельно с рубцами на матке рожают те, кому первый раз сделали операцию по следующим показаниям: критическое состояние плода - 35%, аномалии родовой деятельности - 20%, миопия высокой степени - 3,7%. В МОНИИАГ считают, что во время беременности риск разрыва матки по рубцу выше, чем риск разрыва в родах. Это важно знать.

Вообще мы стараемся всеми способами избежать операции кесарева сечения, если у мамы остается хоть один шанс родить естественным путем. Если же все-таки приходится оперировать, то в следующий раз мы стараемся дать маме возможность родить самостоятельно. Я хорошо знаю одну семью, где сейчас семь человек детей. Первый ребенок появился на свет в результате кесарева сечения, последующих шестерых мама родила сама. Другой пример: совсем недавно у нас родила православная женщина. Первый раз ее оперировали по слабости родовых сил, теперь она просто замечательно родила, и в следующий раз мы будем стараться ей помочь. Конечно, если это окажется невозможно, то рисковать никто не будет - придется оперировать. Но мы до последнего будем стоять за естественные роды.

Насколько я знаю, в некоторых плохо оснащенных провинциальных роддомах женщинам до сих пор предлагают стерилизацию после второго рубца. Это объясняют исключительно пользой для пациентов: таким образом, исчезает опасность риска жизни, связанная с возможной беременностью в будущем. Когда врач оперирует, ему достаточно перевязать трубы, и тем самым он гарантирует женщине, что она больше не забеременеет. Понятно, что для православного человека это совершенно неприемлемо. И мне известны случаи, когда православные женщины приходили на операцию кесарева сечения с четырьмя рубцами на матке, и операция проходила успешно. Важно, чтобы Вы сами поняли, что какой бы сложной ни была Ваша ситуация, врач всегда постарается Вам помочь. Конечно, если это добросовестный врач.

Поэтому и Марию, и всех, кто оказался в похожей ситуации, я призываю очень ответственно отнестись к выбору врача и роддома. Если Вы настроены рожать сами, то лучше обратитесь в тот роддом, где кесарево сечение делается строго по показаниям. В Англии, например, операция кесарева сечения в среднем по стране выполняется в пяти процентах случаев. В США отметка достигает 25%. Это значит, что в Англии люди относятся к своему здоровью и внимательнее, и серьезнее.

Случаи операционного разрешения родов здесь сведены к минимуму. По статистике Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) допустимый уровень операций кесарева сечения - 12-13%, и по России в среднем эти рамки соблюдаются. Поэтому при выборе роддома можно воспользоваться как раз этим критерием. Можно узнать, каков процент операций кесарева сечения в том роддоме, где Вы собираетесь рожать. Если в пределах 12-13%, то это дает все основания полагать, что кесарево сечение здесь делается строго по показаниям.

Еще в родах, как нигде более, важен момент доверия между мамой и врачом. Если Вы доверяете врачу, это огромный залог того, что роды закончатся благополучно. К сожалению, очень часто мамы начинают спорить во время родов, и положение от этого только осложняется. Например, врач может объективно оценить ситуацию и понять, что до конца родов еще далеко, а ребенок может пострадать. Он принимает решение оперировать. А мама в этот момент начинает сопротивляться и спорить с ним, потому что ей кажется, что она все лучше знает. Что из этого получится? Ничего хорошего. Поэтому, дорогие мамы, пока не поздно, ищите для себя такого врача, которому

бы вы полностью доверяли. Если Вас направляют на кесарево сечение, посоветуйтесь с другим врачом. Спрашивайте как можно больше, сомневайтесь, выбирайте. Помните, что с врачом Вы проведете всего несколько часов, в роддоме пробудете несколько дней, и потом уйдете отсюда, а вашему ребенку жить и жить дальше. Поэтому забудьте про "не удобно" и "стыдно". Вы имеете полное право обращаться ко второму, третьему, десятому специалисту с тем, чтобы собрать всю необходимую для себя информацию о состоянии своего здоровья и принять окончательное решение.

А руководить врачом в родах - это самое последнее дело, это всегда заканчивается осложнениями, поверьте мне. Многие осложнения Вы даже сами не осознаете. Ведь когда ребенок плохо учится в школе, мама не станет связывать это с тем, как она себя вела при родах. А на самом деле здесь прямая связь. Пожалуйста, не думайте, что роддом - это конвейер, и мы здесь занимаемся каким-то производством. Это далеко не так! Мы, врачи, очень стараемся создать ту атмосферу доверия, которая необходима в родах, мы шутим, рассказываем что-то, стараемся, чтобы Вы улыбались... Потому что каждые роды для нас - это история жизни многих людей.

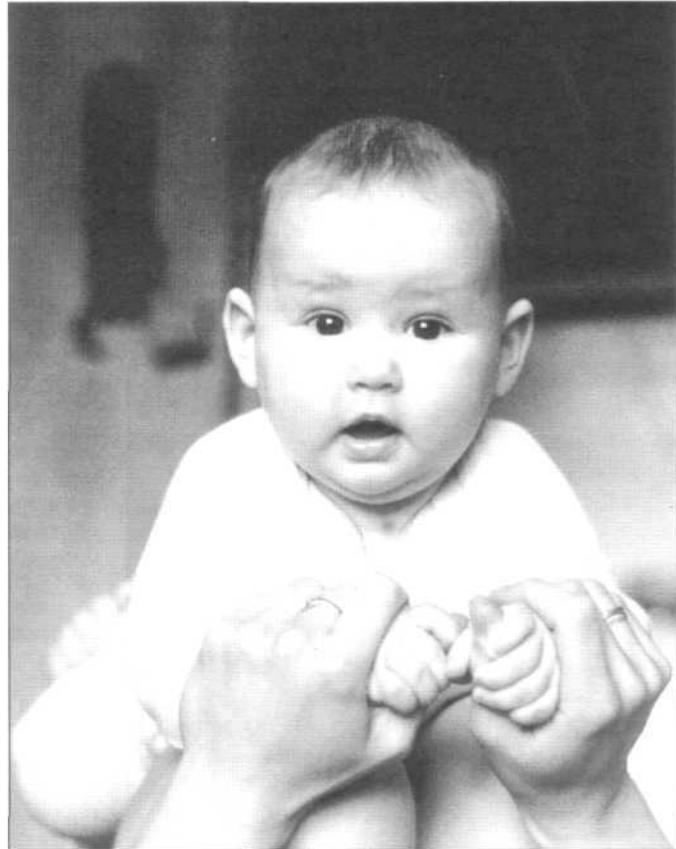

Фото Михаила Евдокимова

ЧТО ТАКОЕ ОТКРЫТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАГЕРЬ?

Сегодня многим родителям, у которых есть дети от 9 до 15 лет, очень сложно решить проблему летнего отдыха. В советские времена пионерских лагерей в Подмосковье было несколько сотен, и в каждом из них могли отдыхать по двести-триста детей за одну смену. А теперь количество лагерей сократилось в несколько раз, и стоимость путевок стала для многих недоступной. Но сама потребность в летнем детском отдыхе, конечно же, не пропала.

Беда ещё и в том, что родители боятся отправлять своих детей в обычные, светские лагеря, они не могут быть уверены в том, что с ребенком не произойдет ничего плохого. Боятся даже не столько того, что ребенок будет голодать или утонет в речке. Страшит вопрос: в какую среду он попадёт и какого рода опыт приобретёт в среде сверстников.

В этой ситуации многие родители готовы доверять Православной Церкви. Слово "православный" в названии лагеря является для них неким гарантлом того, что ребенка там не научат нецензурно ругаться, курить, грубить старшим.

И хотя сейчас во многих церковных общинках уже действуют православные семейные лагеря, объединяющие членов прихода, они обычно совершенно закрыты для детей из нецерковных семей.

Чтобы изменить это положение, необходимо помимо семейных при-

ходских лагерей создавать открытые православные лагеря, где мог бы отдохнуть каждый ребенок, родители которого с доверием относятся к православной Церкви.

Предлагаем вашему вниманию рассказ Егора Коврижкина, заместителя руководителя Центра духовного развития молодежи московского Свято-Данилова монастыря, ответственного за организацию детского отдыха, о первом опыте создания православного общедоступного детского лагеря.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ДЕТИ

При организации нашего лагеря свою главную задачу мы сформулировали так: мы должны содействовать ребенку в его духовно-нравственном развитии на основе православной традиции. Слово "содействовать" здесь ключевое. Естественно, что мы не можем своими силами "духовно развивать" ребенка. Это не наше дело, это дело Божие. Однако мы должны постараться создать среду, внешнюю обстановку, для того, чтобы ребенок имел возможность развиваться.

Принимали мы всех детей и никакого отбора не делали. Несмотря на то, что рекламная кампания велась в церковной среде, тем не менее к нам пришло только 40-50 процентов воцерковленных детей. А остальные - это дети родителей, которые по той или иной причине доверяют пра-

вославной Церкви. Была даже одна некрещеная девочка из Питера. Как ее родители узнали о нас, я даже не представляю.

Интересно и то, что в основном дети из воцерковленных семей, дети священников (их было немало), относились к возрасту до 12-13 лет, а из тех, кто был старше, многие вообще не имели никакого представления о Церкви. И в этом смысле наш лагерь решал миссионерскую задачу.

НАШИ ПРАВИЛА

Конечно, перед отправлением мы предупреждали всех детей и родителей, что само название лагеря обязывает к тому, что там будет соответствующий устав.

Устав этот у нас был несложный. Выполнение распорядка дня, присутствие на общих утренних и вечерних молитвах, которые совершались всем лагерем в помещении трапезной и молитвы перед едой и после еды. Конечно же, в лагере не допускались нецензурные выражения, распитие спиртных напитков, курение и т.п. К сожалению, за нарушение этих правил нескольких человек пришлось выгнать. Каждый такой случай мы переживали тяжело - вообщем-то плохих детей просту нет, и возможно, нам в каких-то ситуациях недоставало педагогического опыта. Но если поведение ребенка отрицательно влияло на его товарищей - исключали из лагеря.

КАК МЫ ОТДЫХАЛИ

Лагерь находился на Оке. И поэтому купание, конечно же, было самым любимым мероприятием у всех отрядов. Особенно всем запомнился праздник "День речного царя" (наибольшую радость вызывало то, что в этот день можно было взять вожатых за руки и за ноги и кинуть в воду). Нравились ребятам игры эстафеты, когда нужно было преодолевать различные препятствия (в том числе и интеллектуальные) на каждом из этапов. Во время этих игр весь лагерь разбивался на команды. Вожатые на кануне игры прокладывали маршрут, рисовали карты и путевые грамоты для каждой из команд.

Была еще одна замечательная игра, которую проводил руководитель военно-спортивного клуба при центре "Живоносный источник" в Царицыно Стефан Генич. Это было что-то наподобие "Зарницы", где каждая команда должна была - в соревновании и борьбе с другими - сохранить свой флаг и некоторые другие свои "секреты".

ТАНЦЫ ВМЕСТО ДИСКОТЕК

С самого начала мы твердо решили, что дискотек у нас не будет, да в этом и не было необходимости: дни были насыщены мероприятиями и скучать было некогда. Вместо дискотек мы несколько раз организовывали танцевальные вечера. Нашим бесменным учителем танцев была Лариса Семеновна Беликова. Для вечеров специально разрабатывалась культурная программа. Выступали несколько групп ребят, которые занимались в хореографическом кружке, а затем танцоры сходили со сцены и в танец включались все зрители, тут же ему обучаясь. Для Ларисы Семеновны это был как бы сеанс одновременной игры, но всем было очень весело.

Кроме хореографического кружка были и другие: кружок плетения из кожи, кружок оригами, авиамоделирования, художественный.

ЧТО СМОТРЕЛИ, ЧТО ЧИТАЛИ

Иногда дети жаловались на то, что нельзя посмотреть телевизор. Телевизор, конечно же, был, но вот смотрели мы только хорошие видеофиль-

мы из лагерной фильмотеки. Например, "Белое солнце пустыни", "Операция "Ы", а также лучшие из зарубежных фильмов. Жалобы насчет телевизора очень быстро отпадали, потому что через неделю пребывания в лагере, дети начинали понимать, что телевизор здесь не нужен. К тому же программа у нас была очень насыщенная и день постоянно занят.

Библиотека спросом среди ребят не пользовалась, все стремились побольше быть на свежем воздухе, на солнце. Сказывается и дурное влияние времени: дети сами сейчас мало читают. Поэтому вожатые очень часто читали книги своим подопечным в тихий час и на ночь. И дети с радостью слушали. Мой первый отряд (дети 15-16 лет) засыпал под сказки Пушкина. Когда я дочитывал последние строки, о том, что старуха осталась у разбитого корыта, все храпели. Я выключал свет и уходил, понимая, что все будет хорошо и до утра спокойный сон обеспечен.

ГЛАВНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

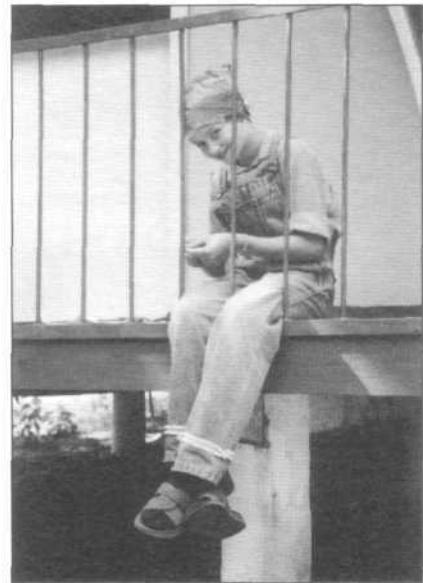
Но главным и для детей, и для нас, педагогов, в итоге оказались не игры, не конкурсы и не купания. Когда после завершения летних смен мы собирали впечатления о прожитых в лагере месяцах, то чаще всего и вожатые, и ребята вспоминали не мероприятия, не события, а особую семейную атмосферу, которая каким-то чудесным образом возникала в коллективе совершенно незнакомых до этого детей и взрослых.

Поэтому мы можем надеяться, что отчасти наша цель достигнута. Мы приложили усилия, чтобы создать среду, а дальше уже действовал Господь. И это очень хорошо почувствовали и дети и взрослые.

ЗАБОТА О БУДУЩЕМ ЛЕТЕ

Сейчас мы готовимся к новому лету, и наибольшую тревогу у нас вызывает вопрос: как найти спонсоров, чтобы максимально снизить стоимость путевок? Как создать условия, чтобы к нам смогли поехать дети из малообеспеченных семей?

Вторая наша забота сейчас - это подготовка руководителей отрядов и вожатых. С марта 2003 года мы открываем курсы подготовки педагогов. Набор начнется уже в январе. Сейчас ведется разработка программы обучения, и нам очень нужны инициативные заинтересованные ребята и девушки, которые хотели бы послужить обществу и Церкви на этом благородном поприще.

В лагере воспитываются не только дети, но и взрослые. Там, в вожатском коллективе, каждый может проявить свои лучшие качества, творчески раскрыться и приобрести замечательных друзей.

И мы ждем, что единомышленники у нас найдутся.

**Вероника БОГДАНОВА,
Владимир ГУРБОЛИКОВ**

Наш адрес:

Москва, Даниловский Вал, 13 А.

Телефоны:

(095) 955 - 67 - 90, 955 - 67 - 91

Подробнее о деятельности Центра духовного развития молодежи можно узнать на сайте:
<http://www.synergia.itn.ru>

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

ХРАМ ТВОЙ, ГОСПОДИ,

В НЕБЕСАХ...

Над монастырской площадью с резкими криками носится стая стрижей. Следя за их стремительным полетом, взгляд невольно уходит в небо, по которому мирно плывут хлопковые початки облаков. Гнетущие мысли рассеиваются сами собой, душа наполняется каким-то безбрежным покоем, и тихая светлая радость вдруг проникает во все твое существо.

Здесь, в Малоярославецком Свято-Никольском Черноостровском женском монастыре восемь лет назад открылся приют "Отрада" для девочек, чьи родители уже не в состоянии справиться с собственной наркозависимостью. Поначалу воспитанниц было трое, сегодня - больше пятидесяти.

Когда впервые оказываешься в стенах монастыря, поражает море цветов, чистота и порядок, безупречный вкус отделки интерьера жилых помещений, трапезной и какая-то неформальная, почти домашняя атмосфера.

"Мы во всем стараемся уйти от казенщины, - говорит сопровождающая нас в небольшой экскурсии по монастырю инокиня Сергия, - чтобы девочки не переживали так остро отсутствие своих родителей, создать по возможности теплую, семейную обстановку".

Характерная черта приюта "Отрада" в том, что здесь нет "мелькания" взрослых, увольняющихся, уходящих, едва дети успевают к ним привыкнуть. Учителя, воспитатели не уходят, и дети из года в год живут вместе. У каждого ребенка есть возможность выбрать близкого по духу человека и доверять ему сокровенные мысли и душевые переживания. Может быть, поэтому за все время существования приюта здесь был только один случай побега.

"Почему дети убегают от родителей? Наверное потому, что чувствуют себя ненужными, заброшенными, обиженными, - говорит наша спутница. - А мы, взрослые, стараемся тут, чтобы они чувствовали внимание к себе, в трудную минуту стараемся поддержать."

Например, девочке начинает сниться тяжелый, страшный сон, - будто ее родители погибли. Может ли она самостоятельно справиться со своими страхами? Вряд ли, если рядом нет доброго, понимающего человека. В обычной жизни - это ма-

ма, а здесь - духовная сестра, тоже близкий, почти родной человек, который всегда найдет время выслушать и что-то посоветовать.

Но если и она не знает, как помочь своей воспитаннице, есть игуменья монастыря - матушка Николая, священники и духовники близлежащих монастырей - Боровского и Оптиной пустыни.

Без открытости, доверия и взаимопонимания между старшими и младшими не решить основной задачи, которую ставят перед собой насельницы Свято-Никольского монастыря: преодолев отсталость в развитии детей, воспитать их и дать им достойное образование.

"Вот, посмотрите на трехлетнюю Танюшку*, - говорит инокиня Сергия. - Она произносит только два слова - "дай" и "на". Ее родители - алкоголики. Но они совестливые люди: поняв, что не смогут воспитать ребенка, привели дочурку к нам. Боятся, что их лишат родительских прав. Это бывает редко. В основном, приводят девочек дальние родственники или чужие люди. Есть у нас две сестрички - Зоя и Марина. Их родители развелись, отец приехал в Москву и заставил девчонок побираться по вокзалам. "Выручку" отнимал и пропивал. Если казалось мало, бил своих кормилиц. К нам их привела совершенно посторонняя для них женщина. Ни читать, ни писать они не умели, могли только "Лазаря петь"- подайте

на пропитание... Сейчас учится в классе, младше своего возраста. А вот Женечка, ей шесть лет. Ее в двухлетнем возрасте привели в приют соседи. Оставленная пьяными родителями, она питалась вместе с собакой крупой из прогрызенного пакета... Вот такие судьбы."

Практически все дети попадают в приют, имея задержку умственного развития. И в этом проблема, которую нужно решить. Вот почему все спектакли, песни, концерты (их сочиняют и пишут сестры монастыря), игры, изучение английского и древнегреческого языков направлены именно на умственное развитие.

Когда в приюте "Отрада" появились первые дети, одним из препятствий в их обучении была явная неразвитость памяти. Они ничего не запоминали. И тогда воспитательницы и учителя придумали сказку в стихах, расписанную по ролям. Девчонки ухватились за это, стали соперничать друг с другом за роль, появился стимул... И так во всем, что касается учебы.

Некоторые люди считают, что воспитание в православной традиции отрывает детей от общества. Что детей "зомбируют" через заучивание молитв, лишая права свободного выбора профессии. Что дети совершенно не приспособлены к будущей жизни. Так ли это, спрашиваем у нашей спутницы.

"Посмотрели бы вы, какими их к нам привозят - грязными, оборванными, со вшами, следами по-

*Имена детей изменены

боев... Мы отрываем детей от вокзалов и помоек, и если это общество лучше, чем наш монастырь, о чём тогда говорить? Что же касается молитв, то они - естественная часть православного воспитания. Но молятся дети у нас не так уж и много. Например, до и после трапезы, перед сном и после сна... И вообще: на протяжении тысячелетия наши предки читали Библию и молились, что же - они все были зомбированы и ненормальными?"

Девочки сами выбирают свое будущее. Тот кто хочет, может остаться в монастыре. Но таких единицы. "Монашество - призвание, дар Божий, - говорит Сергия, - дается этот дар немногим". В большинстве случаев девочки поступают в Калужское епархиальное училище, где получают профессию иконописца или регента. Там же учатся и семинаристы - будущие батюшки, и у воспитанниц приюта есть возможность выйти замуж за близкого им по мировоззрению человека.

У инокини Сергии высшее педагогическое образование. В монастырской школе она преподает историю и исполняет обязанности завуча. Занятия построены по программе домашнего обучения, большая часть преподавателей - сестры обители. Если кого-то из "предметников" не хватает, приглашают учителя из общеобразовательной городской школы. Там же по окончании 9 классов девочки сдают экзамены, получая аттестат государственного образца.

Круг чтения - вся школьная программа плюс лучшая классическая литература. Просмотр телевизионных передач как способ времязпрепровождения исключен. Но для маленьких - видеокассеты со сказками и мультфильмами - пожалуйста!

Впрочем, на "запрет" телевизора никто не жалуется. Что касается развлечений, здесь их предостаточно. Отмечаются все Дни ангела, церковные праздники,

частенько бывают чаепития и встречи с интересными гостями - духовными лицами из других монастырей, к приезду которых готовятся особенно. Иногда с концертами и праздничными представлениями приезжают мальчики из таких же православных приютов или детских домов. Но общение их с девочками строго регламентировано и проходит под присмотром взрослых.

"У вас прямо-таки идиллия какая-то. Даже не верится, что такое бывает в реальной жизни. Неужели нет проблем, свойственных каждому детскому дому, например, воровства?"

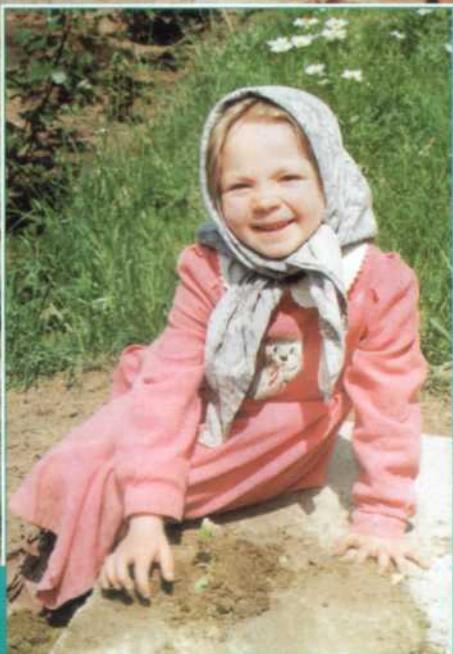
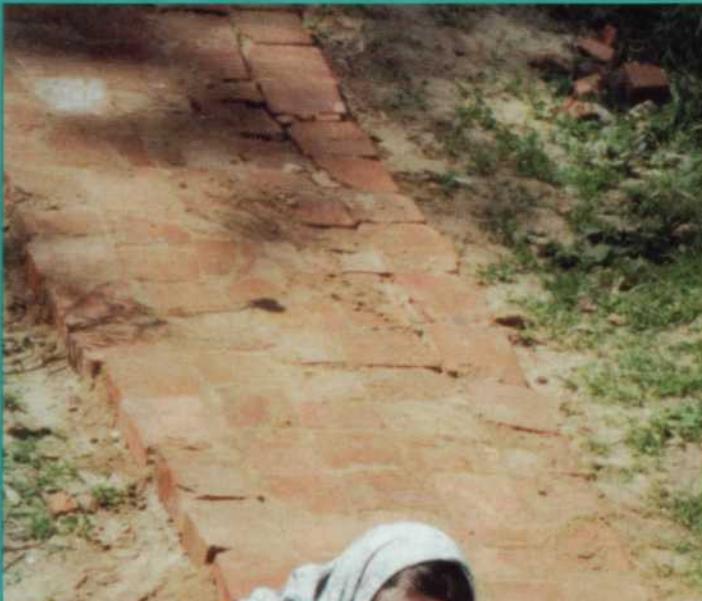
"Есть, - соглашается Сергия, - иногда просто клептомания настоящая. Все, что ни попадя, тащат и прячут к себе под подушку-игрушку или иконочку... Мы этих детей уже знаем и берем на заметку. Объясняем каждый раз, что это грех - брать чужое. Ребенок раскаивается, исповедуется... А потом все повторяется сначала. Но постепенно, благодаря прикладываемым самим ребенком усилиям и под действием Божьей благодати страсть эта ослабевает и в конце концов оставляет ребенка."

Бывают в приюте и наказания. Правда физических наказаний нет, хотя, по мнению Сергии, необходимость в них бывает. Но настоятельница сознательно отказалась от этого. "Нужно это терпеть и решать с любовью, - все время напоминает она. - Потому что одно дело твой ребенок, а другое дело - чужой, за которого ты несешь ответственность".

Самое страшное наказание для девочек - отлучение от общества, когда ребенку говорят: ты можешьходить на трапезу и на службу, но не на послушание. Сиди в келье, читай книги, а хочешь - спи, в игрушки играй... И ни одна воспитанница целый день так не выдерживает. Привыкли жить в коллективе... Иногда игуменья говорит, что провинившихся не возьмет в паломническую поездку, в организации которых очень помогает приюту некоммерческий фонд поддержки ветеранов и патриотического воспитания "Связь поколений". Например, недавно ездили в Дивеево, сейчас собираются в Петербург и на Валаам. Но когда наступает время путешествия, то матушка все равно берет всех.

Известно, что в некоторых детских домах одна из проблем - приобщение детей к труду. Согласно действующим нормативам, до 16 лет детям нельзя выполнять никакую работу - что-то шить, красить, плотничать. Кухня, например, считается "горячим цехом". Оторванные от естественного уклада повседневной жизни, дети в этих условиях вырастают иждивенцами и потребителями, которых потом уже трудно перевоспитать.

Но гуляя по территории монастыря, мы нигде не видели праздношатающихся детей, все они были чем-то заняты. Одни работали на клумбах с цветами, другие выкладывали камнями дорожку, третий чистили вместе с пожилыми монахинями картофель на обед, четвертые убирали территорию...

Здесь у каждого ребенка есть свое занятие, называемое послушанием. Кто-то ухаживает за растениями и цветами, кто-то за животными (рыбками, морскими свинками, хомяками, попугаями), кто-то отвечает за уборку, за книги, а кто-то любит помогать на кухне... Настоятельница монастыря, матушка Николая перед тем как дать послушание, сначала опрашивает всех детей, чем бы они хотели заниматься. Но есть работы, в которых участвуют все (кроме самых маленьких), например, возделывание огородов.

Многие бытовые проблемы - будь то вопросы питания, медицинского обслуживания или благотворительной помощи решаются как-то сами собой. Раньше монахини хлеб выпекали, а теперь его жертвует хлебозавод. Есть свое молочное хозяйство, содержащее десяток коров. Наладились добрые отношения с местной больницей, врачи которой оказывают необходимую медицинскую помощь. Учредитель фонда "Связь поколений" Александр Котелкин пожертвовал приюту современные спорткомплексы и спортивное снаряжение. Но несмотря на то, что благотворителями оказывается посильная помощь, приют всегда с bla-

годарностью принимает ткани и шерсть (насельницы сами шьют и вяжут для своих питомниц), новые учебники, в том числе и по греческому языку. Инокиня Сергия мечтает о компьютерном классе.

Кроме того, всегда не лишние чистящие и моющие средства, детская обувь. Сейчас заканчивается строительство нового корпуса приюта, и для его отделки требуются финансовые средства.

Прощаемся. Из детского корпуса доносится чистое пение тонких детских голосов: "Храм, Твой Господи, в небесах..."

"Они очень способные, наши девчонки, - Сергия с улыбкой оглядывается на распахнутые настежь окна. - Поют замечательно, рисуют... Все таланты их здесь раскрываются..."

У самых ворот, сидя на клумбе, возится с цветами трехлетняя Танюшка. Подчиняясь необъяснимому порыву, я наклоняюсь и целую ее в розовую щечку. Она беззвучно смотрит на меня смеющимися глазами и мне кажется, что в них отражается небесная синева.

**Алексей РЕУТСКИЙ,
фото Николая ФЕДОРОВА**

**Детский православный приют "Отрада"
ИНН 4025028990 р/с 40703810400010000005**

**Обнинский АИБ "Инвеско-Банк"
к/с 30101810500000000708
БИК 042913708**

Редакция журнала «Фома» благодарит за помощь в выпуске этого номера журнала:

Протоиерея Владимира Соловьева

Протоиерея Аркадия Шатова

Марину Андреевну Журинскую,

Александра Маратовича Кесселя.

Также просим помолиться о рабах Божих
Димитрии, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине,
без помощи которых выпуск этого номера
был бы невозможен.